

Л. П. Иванова

КУРС ЛЕКЦИЙ

ПО ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Освіта України

Иванова
Людмила Петровна

**КУРС ЛЕКЦИЙ ПО
ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ**

Киев 2006

*Рекомендовано Министерством образования и науки Украины
как научное пособие для студентов высших научных заведений.*

Протокол № 14/18.2-2691 от 30.11.2005

Рецензенти: *В. А. Глушенко* доктор филологических наук,
профессор
Н. П. Тропина доктор филологических наук,
профессор

Иванова Л. П.

Курс лекций по общему языкознанию. Научное пособие. —
К.: Освіта України, 2006. — 312 с.

ISBN 966-8847-17-2

Учебное пособие полностью охватывает курс общего языкознания. Оно состоит из трёх частей: историография (от начальных этапов развития языкознания до первой половины ХХ в.), проблематика (наиболее актуальные проблемы современного языкознания: системность и структурность языка, язык и мышление, языки и речь и др.), методы лингвистического исследования (основные традиционные методы: описательный, сравнительный, сравнительно-исторический, сопоставительный и др.). Пособие предназначено для студентов, завершающих филологическое образование, аспирантов, преподавателей вузов, читающих соответствующий курс.

УДК 81.1 81.2 81.33

ISBN 966-8847-17-2

© Иванова Л. П., 2006
© ООО «Освіта України», 2006

ВВЕДЕНИЕ

1. Задачи курса, его структура.
2. Универсальные свойства языка. Объект, предмет и методология общего языкознания.
3. Научные основы отечественного языкознания.
4. Фундаментальные свойства языка с позиции современной лингвистики.
5. Антропоцентризм как ведущая парадигма современного языкознания.

1. Общее языкознание — курс, завершающий языковедческую подготовку будущего филолога. Он опирается на знания, полученные студентами в процессе изучения введения в языкознание, теорию и историю частных языкознаний, философии.

Задача курса общего языкознания — расширить и углубить общеязыковедческую подготовку выпускников филологических факультетов: поднять их теоретический уровень, познакомить с основными лингвистическими направлениями и школами, ввести в проблематику современной лингвистики, вооружить методологией и методикой лингвистического анализа.

Усвоение курса будет способствовать лучшей подготовке студента-филолога к творческой практической деятельности в области проповедования, науки и культуры.

Структура курса предполагает 3 раздела: история языкознания, его теория, методы и приемы лингвистического анализа.

В первом разделе рассматриваются основные этапы в развитии науки о языке, характеризуются главные лингвистические направления и школы. Лингвистическая историография помогает понять

строение науки о языке в настоящее время и тенденции её современного развития, тесную связь языкознания с развитием общества, диктующего новые и разнообразные задачи, которые призваны решаться разными лингвистическими школами и направлениями.

Во втором разделе раскрываются основные принципы современной теории языка, важнейшие проблемы лингвистической науки, определяющие подходы к решению всех частных лингвистических вопросов.

Третий раздел курса содержит характеристику основных методов, приемов, методик и правил лингвистического анализа.

2. Различные языки, даже очень далекие друг от друга по своему конкретному облику, все же остаются языками, т. е. сохраняют нечто общее и существенное в применении и функционировании, устройстве, внешних связях.

Перечислим некоторые общие универсальные свойства и признаки различных языков:

- а) все языки являются средством общения между людьми;
- б) всякий язык участвует в формировании и выражении мысли;
- в) единицы любого языка обладают значением;
- г) все языки могут функционировать в устной и письменной форме, последняя возникает на определенном этапе развития коллектива — носителя языка;
- д) любой язык способен получить при соответствующих исторических условиях литературное нормирование и стилевое членение.

Общее и универсальное в различных языках и служит основой выделения в пределах лингвистики общего языкознания. Оно стремится не столько к тому, чтобы собрать факты всех языков и рассмотреть их под определенным углом зрения, сколько к тому, чтобы выработать теорию, применимую для объяснения фактов многих языков вместе и каждого языка в отдельности.

Таким образом, объект общего языкознания — язык во всех своих связях и функционировании.

Общее языкознание противопоставлено частным языкознаниям, призванным изучать каждый конкретный язык (руссистика, украинистика и т. п.).

Предметом общего языкознания являются его основные проблемы:

- а) проблема объекта лингвистики, его границ, отчленения от смежных объектов (язык — речь — речевая деятельность);
- б) проблема структурного членения языка и внутренних связей языковой структуры;
- в) проблема функционирования языка, его внешних связей;
- г) проблема исторического развития языка, внутренних и внешних условий развития;
- д) проблема знаковости языка и положения языка среди других знаковых систем;
- е) проблема языковых универсалий, т. е. общих для всех (или многих) языков структурных свойств и особенностей, и проблема классификации языков;
- ж) проблема науки о языке, ее методов и методик, ее внутренней структуры и внешних связей, в частности связей с другими науками.

Методология языкознания — учение о принципах исследования в науке о языке. Методология включает в себя три уровня: 1) общую философскую методологию, определяющую ориентацию, направление и принципы исследований в лингвистике; 2) общенаучные методы и приемы анализа, используемые во всех или большинстве наук (сравнение, выдвижение гипотезы, анализ, синтез и др.); 3) частнонаучные методы, применяемые в конкретной сфере человеческих знаний, в нашем случае — лингвистики (сравнительно-исторический, структурные и др.).

Таким образом, общее языкознание имеет собственный объект, предмет и методы, что позволяет установить статус общего языкознания как самостоятельной науки.

3. Отечественное языкознание имеет длительную историю. Оно начало складываться в конце XVI — начале XVII вв., когда были созданы первые собственно славянские грамматики Л. Зизания (1596) и М. Смотрицкого (1619). За четыре века отечественное языкознание выработало определенные научные основы.

1. Стремление к всесторонности анализа, которая достигается благодаря системному подходу к языку и речевой деятельности.

Принцип системности в языкоznании проявляется прежде всего в том, что язык рассматривается как единое целое, как единство формальных и содержательных единиц, которые сами по себе и в элементах, их составляющих, связаны между собой по происхождению и употреблению (например, взаимосвязь ярусов языковой структуры).

2. Исторический подход к анализу языка. Он проявляется в том, что все явления и категории языка рассматриваются с точки зрения их происхождения, исторического развития, современного употребления и перспектив их будущего функционирования и изменения. Историческое языкоzнание анализирует законы и причины изменения языков.

3. Задачи и направления исследований связаны с потребностями общества. Сам язык возникает из потребности закрепить и передать другим общий опыт. Его дальнейшее развитие также связано с развитием общества. Так, например, на постсоветском пространстве особенно активно развивается социолингвистика (языковая ситуация, государственный язык и т. п.).

4. Общие правила, законы функционирования и развития языков находят свое воплощение не в учении о языке вообще (структурализм, в частности — глоссематика), а в учении о функционировании и развитии вполне конкретного языка — русского, украинского, английского и т. п.).

4. Современное представление о языке как объекте лингвистики основывается на четырех его фундаментальных свойствах (“четырех китах”, по выражению Ю. Н. Карапова): исторически обусловленный характер развития языка, психическая природа речевой деятельности, системно-структурные основы устройства языка, социально обусловленный характер возникновения и функционирования языка.

Данное представление формировалось постепенно, на протяжении всей истории развития языкоzнания.

Закономерен вопрос: когда же возникло языкоzнание? В современной науке сформировались две основные точки зрения. Согласно первой, наука о языке возникла вместе с появлением письмен-

ности, поскольку, несомненно, разработка графики требует осмысления плана выражения данного языка. Вторая точка зрения, которой мы придерживаемся, нижней границей современной лингвистики считает конец XVIII — начало XIX века, когда в трудах Ф. Боппа, Р. Раска, Я. Гримма, А. Х. Востокова был разработан сравнительно-исторический метод. Известно, что именно наличие собственного метода делает ту или иную отрасль знаний наукой.

Итак, практически весь XIX век прошел под знаком историзма. Стало ясно, что язык постоянно развивается, и изучаться он должен в историческом движении. Указанное представление о языке было подкреплено сравнительно-историческим методом. Сформировалась компаративистика.

Идеи о социальной обусловленности возникновения и функционирования языка восходят к философскому периоду античного языкоzнания, однако современное осмысление этого круга проблем получил во французской школе социолингвистики (П. Лафарг, А. Мейе), советском языкоzнании и других.

В начале XX века в центре внимания лингвистов оказался живой язык, осуществился поворот языкоzнания к говорящей личности, сформировался психологический подход к анализу языка (младограмматизм, А. А. Потебня и его школа и др.).

К двадцатым годам XX века язык стал изучаться, прежде всего, как система. Возник структурализм (пражская лингвистическая школа, американская дескриптивная лингвистика, глоссематика и др.). Изучение системно-структурного устройства языка обусловило целый ряд недостатков, коренящихся еще в концепции Ф. де Сосюра: система существует только в синхронном состоянии языка, диахрония и внешние факторы, обуславливающие речь и речевую деятельность, эту систему разрушают. Такой подход привел к тому, что структуралисты отказались от исторического, психологического изучения языка, полностью игнорировали значение языковых единиц. Расцвет структурализма приходится на 50-е годы XX века.

Вполне естественной реакцией на крайности структурализма явилась бурная экспансия в 60—70-е годы семантики, а в 80-е годы формирование функционализма, изучающего цели и условия употреб-

ления языка. Функционализм, в отличие от структурализма, не отказался от достижений предшествующих направлений, а впитал их в себя: осуществляется анализ системных отношений в языке и изучается реализация их в речи. Основной принцип функционализма телесемантический (понимание языка как целенаправленной системы средств выражения).

На рубеже XX–XXI веков наиболее активно развивается когнитивная лингвистика. Объектом ее изучения является человеческий разум, мышление и тементальные процессы и состояния, которые с этим связаны. Когнитивная лингвистика — наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе деятельности людей.

5. Термин “парадигма научного знания” появился в трудах американского ученого Т. Куна в 1962 году. В современной науке под парадигмой понимают модели постановки проблем и совокупность приемов их решения. В нашей науке парадигмы не сменяют друг друга, а накладываются одна на другую, сосуществуют в одно и то же время.

Основной парадигмой современной лингвистики является антропоцентризм — переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект, то есть анализируется человек в языке и язык в человеке.

Антропоцентристическая парадигма охватывает функционализм, когнитивную лингвистику, лингвокультурологию, прагматолингвистику, коммуникативную лингвистику, этнолингвистику, лингвистику текста и др., в центре которых стоит человек. Победой антропоцентризма можно считать 90-е годы XX века.

В русле антропоцентризма разрабатываются новые лингвистические понятия и категории: языковая личность, языковая картина мира, концепт, концептосфера и др.

Таким образом, общее языкознание — специфическая наука и предмет образовательного лингвистического цикла. Оно имеет свой объект, предмет и систему методов. В отечественной науке сформировались основные принципы анализа языка. Язык как объект изучения обладает четырьмя фундаментальными свойствами: историзм, психологизм, социологизм, структурно-системное устройство. В науке наших дней формируется новая парадигма — антропоцентризм, открывающий новые горизонты лингвистического исследования.

Начальные этапы истории языкознания

- Современное языкознание как результат развития науки о языке на протяжении ряда веков. Основные этапы и периоды истории языкознания.
- Языкознание в древней Индии.
- Античное языкознание:
 - философский период;
 - Александрийский период;
 - языкознание в древнем Риме.
- Древнее арабское языкознание.
- Языкознание средних веков и эпохи Возрождения.
- Языкознание XVII–XVIII вв.
- Вклад М. В. Ломоносова в развитие языкознания.

1. Как отмечалось в предыдущей лекции, теория языкознания призвана дать общую систематическую формулировку современных взглядов на сущность, строение, роль языка в обществе, на методы изучения языков.

История языкознания, к рассмотрению которой мы переходим, излагает процесс познания языка. История языкознания рассматривает основные направления и школы в области лингвистики, знакомит с деятельностью и взглядами выдающихся лингвистов, с характеристикой их основных принципов и методов исследования.

Современное языкознание — итог многовекового исторического развития и совершенствования науки о языке. Интерес к проблемам и фактам языка зародился в эпоху мифотворчества, длительное время развивался в тесной связи с философией и филологией, с историей и психологией, формировались контакты с другими гума-

нитарными науками. Одно лингвистическое направление со своими концепциями и методами сменялось другим, острая борьба различных концепций языка приводила зачастую к новому синтезу и появлению новых идей. Языкознание создавало свои собственные методы изучения языка и приспособливало к новым потребностям методы исследования других наук. В настоящее время языкознание занимает важное место в системе знаний о человеке и обществе.

Возникновение новых гипотез и теорий как в языкознании, так и в других науках обусловлено, во-первых, преодолением противоречий, обнаруженных в предшествующий период развития, во-вторых, открытием новых сторон языковой деятельности и изучением их.

Наиболее ценным является такое изучение прошлого, которое прослеживает последовательные пути формирования человеческих знаний, определяет закономерности развития.

Периодизация истории языкознания.

1. От философии древности к языкознанию XVIII в.
2. Возникновение сравнительно-исторического языкознания и философии языка (конец XVIII — начало XIX в.).
3. Логическое и психологическое языкознание (середина XIX в.).
4. Неограмматизм и социология языка (последняя треть XIX — начало XX в.).
5. Структурализм (середина XX в.).
6. Функционализм (последняя треть XX в.).
7. Когнитивная лингвистика (конец XX — начало XXI в.).

Данное деление на периоды несколько схематично и условно, обозначены ведущие направления лингвистики, но это совсем не значит, что не развивались другие школы. Так, например, и функционализм, и когнитивная лингвистика базируются на достижениях своих предшественников и вбирают их в себя; однако логика развития теории языкознания обозначена: если в XIX веке изучали прежде всего то, как возник тот или иной язык (сравнительно-историческое языкознание), то в середине XX века — как он устроен (структурализм), в последней трети XX — как язык употребляется (функционализм), в конце XX — начале XXI века — как язык со-

храняет, транслирует различного рода информацию, прежде всего этнокультурную (когнитивная лингвистика).

2. Древнеиндийская, классическая, арабская и европейская (до XIX в.) традиции в изучении языка имеют важное значение и отмечены постановкой и разработкой ряда важных языковедческих проблем. К ним, например, относятся: проблема природы и происхождения языка, установление частей речи и членов предложения, взаимоотношение слова и его значения, соотношение логических и грамматических категорий в языке, вопрос о международном языке и другие.

Языкознание — древняя наука. Нельзя согласиться с утверждением о том, что языкознание якобы “зародилось” в древней Индии и древней Греции. Верно только то, что современное языкознание имеет своим истоком именно языкознание этих древних стран, но их культуры возникли отнюдь не на пустом месте и носят следы влияния более древних культур, их предшественниц. Не может быть сомнения в том, что в древних государствах мира — у шумеров (Месопотамия), у древних египтян уже существовала наука о языке. У них уже была весьма сложная и развитая идеография, переходящая в фонетическое письмо египтян ~ 2000 лет до н. э. Овладеть таким письмом без специального и длительного обучения невозможно. Уже тогда были школы писцов, а школьное обучение требует пусть элементарнейших — не только грамматических знаний, но и общих сведений о языке, составление всякого рода государственных документов, летописей, записи религиозных мифов и т. д. требовали умения не только писать и читать иероглифы, но и знания грамматики родного языка. И как пирамиды Египта, развалины дворцов Вавилона, остатки других древних инженерно-технических сооружений заставляют предполагать у народов — их творцов — наличие солидных математических и технических знаний, — так и дошедшие до нас выполненные иероглифами письменные памятники свидетельствуют о наличии у их авторов глубокого знания языка. По всей вероятности, грамматические и другие сведения о языке, накапливаясь и совершенствуясь от поколения к поколению, передавались в школах учителями устно. Такой способ

обучения существовал, например, в древней Индии. Об этом говорит тот факт, что знаменитая грамматика Панини (IV в. до н. э.) была приспособлена и устной передаче грамматических правил и устному усвоению их учениками.

В древней Индии особый интерес к языку пробудили непонятные места в священных книгах — Ведах (*veda* — основа, именительный падеж единственного числа — *Vedas*, “знание”, слово того же корня, что и русское *ведать*). Веды — это сборники легенд, гимнов, религиозных песнопений и т. д. Особенно важными и отчасти самыми древними оказались Ригведы — сборники гимнов, насчитывающих их в 10 книгах более 1028. Язык, на котором написаны Веды, называют ведийским. Веды сложены около 1500 лет до н. э. (некоторые исследования отодвигают время их появления до 4500–2500 лет до н. э.).

Ведийский язык входит в обработанный древнеиндийский язык — санскрит (понимаемый в широком смысле). Это канонизированный нормативный литературный письменный язык брахманов (богослужения в индийских храмах до сих пор отправляется на этом языке), ученых и поэтов. Санскрит отличался от разговорно-народных языков — прокритов. В целях канонизации санскрита и была создана грамматика как наука эмпирическая и описательная.

За 1000 лет до н. э. появились первые словари, содержащие списки непонятных слов, найденных в Ведах. До нас дошли 5 таких словарей с комментариями выдающегося языковеда древней Индии Яски (V в. до н. э.).

Труд Яски свидетельствует о том, что уже до него существовала разработанная грамматическая традиция.

Ее итогом явилась грамматика классического санскрита Панини (IV в. до н. э.). Она состоит из 3996 стихотворных правил (сур), которые, очевидно, заучивались наизусть. Грамматика Панини называлась “Аштадхъян” (“8 разделов грамматических правил”) или “Восьмикнижие”.

Это чисто эмпирическая, описательная, учебная по целям грамматика, в которой отсутствует исторический подход к изучению языка и нет философских посылок, обобщений, характерных для филологов древней Греции.

Главное внимание в грамматике Панини уделяется морфологическому анализу слова (грамматика и называлась вьякарана, т. е. “анализ, расчленение”): слова и словоформы расчленялись на корни, основы, основообразующие суффиксы и флексии. Давались подробные правила, как из этих морфем строить части речи и формы слов.

В грамматике выделены 4 части речи: имя, глагол, предлог и частица. Имя определялось как слово, обозначающее предмет, глагол как слово, обозначающее действие. Предлоги определяют значение имен и глаголов. Среди частиц выделялись соединительные, сравнительные и пустые, используемые как формальные элементы при стихосложении. Местоимения и наречия распределялись между именами и глаголами.

У имен индийцы различали 7 падежей: именительный, родительный, дательный, винительный, творительный (орудийный), отложительный (аблатив) и местный, хотя этих терминов еще не использовали, а называли падежи по порядку: первый, второй и т. д.

Описание звуков осуществляется на физиологической основе — по месту артикуляции и артикулятору — активному органу речи, принимающему участие в артикуляции. Самостоятельными фонетическими элементами признаются гласные, т. к. они лежат в основе слова.

Древнее индийское языкознание оказало влияние (через Персию) на языкознание древней Греции; в XI в. — на арабское. Особенно плодотворно было влияние грамматики Панини на европейских ученых, которым она стала известна с конца XVIII в., когда англичане познакомились с санскритом. В. Джонс, английский востоковед и юрист, впервые интуитивно сформулировал основные положения сравнительной грамматики индоевропейских языков. Санскрит обнаруживал близкое родство с древними греческими и латинскими языками. Все это неизбежно приводило к выводу о наличии общего для указанных языков источника — языка, который уже не сохранился. Знакомство с санскритом послужило главным стимулом к возникновению сравнительно-исторического языкознания.

3. Итак, в древней Индии языкознание носило эмпирический и практический характер. В древней Греции языкознание выдвигало

не религиозно-практические, а познавательно-философские, педагогические и ораторские задачи.

За) Первоначально языкоzнание в древней Греции развивалось в русле философии (до появления Александрийской школы), поэтому философский подход к языку наложил отпечаток как на существо обсуждаемых проблем, так и на их решение: отношение между мыслию и словом, между вещами и их именами.

Вопрос о “правильности имен” особенно занимал древних греческих ученых, и споры по этому вопросу тянулись целые столетия. Философы разделились на 2 лагеря. Одни были сторонниками теории фюсей (*physei*) и утверждали, что слово отражает сущность вещи, как река отражает берега, а раз имя предмета обуславливается его природой, то дает правильное знание о нем. Эти взгляды защищал Гераклит Эфесский (р. ок. 540 г. до н. э.). Другие философы придерживались теории тезей (*phesei*). Они утверждали, что между вещью и ее именем нет соответствия, имя не отражает природы (сущности) предмета и закрепляется за ним по установлению людей (*physei*) или по обычаям. Сторонником этой теории был Демокрит из Абдеры (ок. 460 — ок. 370 гг. до н. э.). В защиту своих утверждений он приводил следующие доводы: 1) в языкоzнании есть омонимы, т. е. слова, звучащие одинаково, но обозначающие разные предметы. Если бы имя отражало сущность предмета, то одно и то же по звучанию слово не могло бы обозначать разные предметы, так как их природа различна; 2) в языке есть синонимы: один предмет может иметь несколько наименований, чего опять не могло бы быть, если бы имя отражало сущность предмета: сущность одна, а значит, и имя у предмета должно быть одно; 3) вещь может менять имена: раб, переходя к другому владельцу, получал новое имя; 4) в языке могут отсутствовать слова, а вещь или понятие имеются. Значит, имя не отражает свойства вещи, а является результатом человеческого установления (обычая).

Спор фюсистов и тесеистов воспроизвел в своем диалоге “Кратил” Платон (ок. 428–348 гг. до н. э.). Кратил (фюсист) и Гермоген (тесеист) выносят свой спор на суд Сократа. Платон, в лице Сократа, занимает среднюю линию. Он не соглашается с тем, будто слово

всегда отражает сущность предмета, хотя и приводит этимологию некоторых слов, связанную с характерными признаками обозначаемых понятий: боги (*theos*) так были названы потому, что им присуще движение (*thein*), герои (*heroes*) так названы потому, что являются плодом любви (*eros*) смертных и бессмертных (богов). Сократ (Платон) отвергает мнение, будто связь между предметом и его названием случайна, ибо в таком случае невозможно было бы человеческое общение. По его мнению, вначале между звуками слова и обозначаемыми понятиями существовала какая-то внутренняя связь. (так, вибрант *г* должен отражать движение, ибо язык особенно движется при его произношении, поэтому *tromos* (дрожь), *гое* (течение); *l* (латеральный) выражает что-то гладкое, мягкое, поэтому *linaros* (жирный), *leros* (гладкий).

От этих первоначальных слов люди образовали такое множество слов, что теперь уже нельзя усмотреть внутреннюю связь между звуком и значением. Связь слова с предметом была закреплена общественной традицией.

Эта дискуссия не привела к определенному результату, но имела большое значение для развития языкоzнания, особенно этимологии.

Следующим знаменательным этапом в развитии языкоzнания явилась деятельность Аристотеля (384–322 гг.). Он рассматривал грамматические вопросы в тесной связи с логикой. Его взгляды оказали огромное влияние на проблему выделения и классификации грамматических категорий.

В “Поэтике” Аристотель писал о человеческой речи: “Во всяком словесном изложении есть следующие части: элемент, слог, союз, имя, глагол, член, падеж, предложение”.

Элементом Аристотель считал “неделимый звук, но не всякий, а такой, из которого может возникнуть разумное слово”. Звук — и слог, и даже слово.

Гласные и полугласные (согласные), по мнению Аристотеля, “различаются в зависимости от формы рта, от места их образования, густым и тонким приыханием, долготой и кратностью и, кроме того, острым, тяжелым и средним ударением”. Слог — это не имеющий самостоятельного значения звук, состоящий из безгласного и гласного.

Союз (к которому, очевидно, следует отнести также местоимения и артикли — члены) — это не имеющий самостоятельного значения звук, который не препятствует, но и не содействует составлению из нескольких звуков одного, имеющего значение. Он ставится и в начале, и в середине, если его нельзя поставить самостоятельно. Некоторые исследователи видят в “Элементах” Аристотеля — неделимых звуковых единицах, лишенных значения, но способных образовывать значимые части языка — представление, соответствующее современной фонеме.

Аристотель выделяет 3 части речи: имя — слово, которое что-то называет; глагол — слово, которое не только называет, но и указывает время называемого; частицы, которые не называют, а стоят при именах и глаголах (т. е. имеют, как мы сказали бы теперь, только грамматическое значение).

Аристотель является творцом формальной логики. Отождествляя имя с логическим субъектом, ученый считает именем лишь именительный падеж, глаголом — только форму 1 лица ед. ч., а все остальные формы имени и глагола считает лишь отклонением (падением) от этих форм.

Формальная логика устанавливает законы мышления как правила познания истины. Аристотель создал учение о формально-логическом суждении, о субъекте суждения и о предикате. И он первый стал толковать предложение как выражение формально-логического суждения, но не всякое предложение, а лишь предложение типа “Жучка — собака”, “листья не зелены” и т. п., т. е. такие, в которых утверждается наличие или отсутствие в субъекте какого-либо признака.

Формальная логика Аристотеля оказала сильное влияние на развитие науки в древние и средние века, а логическое направление в грамматике, в котором предложение трактуется как выражение формально-логического суждения, живо и в наше время.

36) Следующий этап в развитии античного языкознания связан с Александрийскими грамматиками. Это относится уже к эллинистической эпохе, когда центрами греческой культуры стали города-колонии — Александрия (дельта Нила, Египет), Пергам (Малая Азия).

В этот период большое значение для развития науки имела Александрийская библиотека, основанная фараоном Птолемеем (II–III вв. до н. э.), в которой число собранных рукописей доходило до 800000 — большинство произведений греческой литературы и науки, переводы произведений восточных литератур. В библиотеке работали грамматики. Они ставили перед собой научно-практические цели: изучение древнегреческих текстов, особенно произведений Гомера.

Между пергамскими и Александрийскими филологами возникли споры по вопросу об аномалии и анalogии. Пергамские филологи, вслед за стоиками, поддерживали аномалию языка, т. е. несоответствие слова и вещи, а также грамматических явлений категориям мышления. Александрийские филологи, напротив, поддерживали роль аналогии, т. е. тенденции к единобразию грамматических форм. Критерием “правильности” языка признается речевой обычай. В связи с этим возникает проблема общего языка. В грамматике есть правила (анalogии) и исключения (аномалии). Спор об аналогии и аномалии способствовал углублению изучения языка, выработке важнейших понятий грамматики.

Основателем Александрийской грамматической школы был Аристарх Самофракийский, много лет заведовавший Александрийской библиотекой. Он установил 8 частей речи: имя, глагол, причастие, местоимение, союз, наречие, предлог и артикль, и это количество — восемь надолго стало традиционным и обязательным для грамматики.

В Александрийской школе оформилась грамматика в близком к современному значению этого термина. Ранее под термином *ta grammata* (буквально “буквы”) понималась наука филология в самом обширном смысле: ее объектом были литературные тексты, их анализ, в том числе и грамматический, их причина.

Итоги собственно разработки грамматики подвел Дионисий Фракийский, ученик Аристарха. Его грамматика была написана для римлян, изучающих греческий язык. Имя в ней определяется как склоняемая часть речи, “обозначающая тело или вещь и высказываемая как общее (например, человек) или как частное (Сократ)”.

Глагол — “беспадежная часть речи, принимающая времена, лица и числа и представляющая действие или страдание”.

Подобным же образом (морфологически, а не синтаксически) получают определение и другие части речи (причастие, член (артикль с современной точки зрения), местоимение, предлог, наречие, союз). Даются парадигмы частей речи, имеется учение о предложении. В древности синтаксис получил наиболее полную разработку в греческой грамматике, и именно в грамматике Аполлония Дискола (1 половина II в. н. э.).

Грамматика Дионисия Фракийского в какой-то мере продолжала оставаться филологической, так как в ней трактовались вопросы стилистики и даже давались правила стихосложения. По своим целям это было учебное пособие. Грамматика учила технике и искусству правильного пользования языком.

3в) Языкознание в древнем Риме находилось под сильным влиянием древнегреческого. Крупнейшим римским грамматистом был Варрон (116–27 до н. э.), написавший исследование “Латинский язык” в 25 книгах, дошло шесть. Однако большую известность получила грамматика Доната (IV в.), сохранившаяся в полном и сокращенном вариантах и имеющая ряд комментариев, а также огромный труд Присциана (VI в.) “Учение о грамматическом искусстве”.

Вклад римских языковедов в науку невелик. В основном они занимались приложением принципов Александрийской грамматической системы к латинскому языку. Римские ученые уделяли большое внимание стилистике. Они ввели в состав частей речи междометие (вместо члена — артиклия, которого в латинском языке не было). Юлий Цезарь добавил отсутствующий в греческом падеж и назвал его ablativum (отложительный падеж). На римской почве был продолжен спор между аналогистами и аномалистами. Почти все грамматические термины греков были переведены на латинский язык и именно в своей латинской форме сохраняются до настоящего времени.

Филология классической древности обратила внимание лишь на некоторые проблемы языкознания: несомненные достижения в об-

ласти морфологии, фонетика носит практический характер (большие успехи у древнеиндийских грамматистов), лексикологии еще нет. Вопросы языкознания начинают выделяться из проблем общесофийских и общефилософских, хотя влияние философии ощущается очень сильно. Языковая база теорий ограничена одним языком, и лишь санскрит, древнегреческий и латинский языки получили описание. Изучение санскрита и греческого языка осуществляется раздельно, и только у римских авторов встречаются сравнения двух индоевропейских языков — латинского и греческого.

4. Халифат, арабское государство, существовал с VII по XIII вв., он занимал обширное пространство: Аравийский полуостров, переднюю Азию, Северную Африку и часть Пиренейского полуострова. Халифат был многонациональным, многоязычным государством; в нем государственным языком был арабский язык, государственной религией — магометанство; Коран был написан на арабском языке. Арабский язык и магометанство навязывались арабами завоеванным народам. Необходимость сохранить чистоту арабского языка, оградить его от иноязычного влияния и влияния диалектов стало стимулом для формирования и развития арабского языкознания.

Оно складывалось под влиянием индийского языкознания и особенно наук Древней Греции. Огромным авторитетом у арабов пользовался Аристотель. Центрами арабского языкознания были города Басра и Куфа (Месопотамия, нынешний Ирак), соперничавшие между собой; с X века центром языкознания стал Багдад, он выполнял эту функцию до завоевания его монголами, т. е. до 1258 года. С разрушением Халифата закончился расцвет классической арабской культуры.

Внимание арабских языковедов сосредоточивалось на лексикографии и грамматике. В XIII веке Саганы составил словарь арабского языка в 20 томах; в XIV веке Ибн-Мансур — словарь такого же объема под названием “Арабский язык”, в XIV–XV вв. Фирузабади составил словарь “Камус” (оcean). Составлялись и словари редких слов; Ибн-Дурейн (VIII в.) составил этимологический словарь.

О стремлении составителей словарей охватить полнее лексику свидетельствует уже то, что, например, для обозначения понятия “лев” давалось 500 слов, “верблюд” — 1000. Однако арабские словари страдали существенным недостатком: желая доказать богатство арабского языка, составители словарей включали в них и диалектизмы, и неологизмы, а также всякого рода поэтические метафоры (например, для понятия “верблюд — корабль пустыни”). Тем не менее эти словари составили лексикологический “срез эпохи”.

Итогом и завершением работ в области грамматики явился обширный труд Сибавейхи (умер в 793 г.) — “Аль-Китаб” (“книга”), пользовавшийся у арабов исключительным авторитетом.

В основе арабской грамматики — грамматическая система Аристотеля с его 3 частями речи (имя, глагол, частица). Детально была разработана фонетика. Например, энциклопедист Али Ибн-Сина (в Европе известный как медик Авиценна, 980–1037) оставил после себя работу “Причины звуков речи”. Арабы точно описывали артикуляцию звуков речи, их акустику. Они различали букву и звук, а звук связывали со значимостью слова.

В составе слова был выделен корень, состоящий в арабском языке, как и в древнесемитских языках, из 3 согласных, внутренняя флексия.

Арабская грамматика позднее оказала большое влияние на европейских семитологов. Синтаксис у арабов был разработан слабее.

Особняком в арабском языкознании стоит вызывающий удивление труд Махмуда аль-Кашгари (XI в.) “Диван тюркских языков” (т. е. ковер тюркских языков). В нем не только детально описаны все известные в то время тюркские языки, но и установлены существующие между ними звуковые соответствия и звуковые переходы, причем в принципе учений исходил из убеждения, что все тюркские языки имеют общее происхождение (т. е. происходят от одного языка — предка). Махмуд аль-Кашгари самостоятельно выработал и применил на практике сравнительно-исторический метод, который в Европе был открыт лишь в первой четверти XIX века. Махмуду аль-Кашгари был известен и сингармонизм гласных, характерный для тюркских языков.

Труд аль-Кашгари был создан около 1073–1074 гг., однако он не оказал никакого влияния на развитие компаративистики, так как был обнаружен в одной из библиотек Стамбула лишь в начале XX века и опубликован только в 1912–15 годах.

5. Под средними веками условно понимают целое тысячелетие в истории человечества, от 476 года, когда варвары разграбили и сожгли Рим, до 1492 года — времени открытия Колумбом Америки.

Эта эпоха характеризуется умственным застоем во всех областях, в том числе и в языкознании. Распространение христианства привело к распространению письменности у многих до тех пор бесписьменных народов, так как религиозная пропаганда и отправление культа осуществлялись обычно на языках этих народов. Так получили письменность с переводами Библии или её частей языки коптский (поздняя ступень египетского), готский (перевод Евангелия епископом Вульфилой в IV в.), армянский (с V в.), ирландский (с VII в.), древнеанглийский и древненемецкий (с VIII в.), старославянский (863 г.) и т. п. Однако на языкознание эта деятельность влияния не оказала.

Единственным языком, который изучался в средние века, была мертвая латынь. Правила латинского языка переносились на все другие языки, специфические особенности этих языков игнорировались. Латинский язык стал рассматриваться как школа логического мышления. Это привело к тому, что правильность грамматических явлений стала устанавливаться при помощи логических критериев.

В позднее средневековье (XI–XIII вв.) разгорелся известный спор между реализмом и номинализмом. Этот спор волновал церковь и подготовил реформацию. Спор носил явный философско-лингвистический характер. Реалисты во главе с центнерберийским епископом Ансельмом (1033–1109) утверждали с идеалистических позиций, что существуют только общие понятия, а соответствующие этим понятиям вещи и явления оказываются только их слабыми копиями.

Номиналисты во главе с Росцеллином из Компьена (1050–1110), считали, что реально существуют только отдельные вещи с их ин-

дивидуальными свойствами, а общие понятия, выводимые нашим мышлением из этих предметов, не только не существуют независимо от предметов, но даже не отражают их свойств.

Умеренные номиналисты, во главе с Пьером Абеляром (1079–1142), занимали наиболее правильную позицию, считая, что реально существуют только отдельные предметы, они и являются базой общих понятий, общие же понятия отдельно не существуют, а выводятся нашим умом из реально существующих предметов и отражают их свойства.

Церковь ожесточенно преследовала сторонников номинализма. Отметим, что в борьбе средневековых номиналистов и реалистов есть аналогии с борьбой материалистов и идеалистов.

Эпоха Возрождения захватывает XV–XVIII вв., когда в связи с победой капитализма над феодализмом ярко проявились 3 умственных и культурных течения — ренессанс, реформация и просвещение.

В эпоху Возрождения прежде всего происходит значительное расширение сведений о языках мира, проходит очень важный для последующего развития языкоznания процесс накопления языкового материала. Изучение памятников классической литературы на греческом и латинском языках, а также богословский интерес к древнееврейскому языку, на котором написан Ветхий завет, вызывают появление классической и семитской филологии, вслед за которой возникают филологии различных народов Европы. Рационалистические тенденции вызывают многочисленные проекты искусственных международных языков и возникновение логической универсальной грамматики.

Наиболее известными работами были: “Об основах языка латинского” (1540) Р. Стефануса; изучение греческого языка связано с именами И. Рейхлина, Ф. Меланхтона и особенно Г. Стефануса, автора книги “Сокровищница языка греческого”.

В то же время начинается специально изучение восточных языков, особенно семитских. В 1505 году выходит арабская грамматика П. де Алкала, в 1506 году — еврейская грамматика Рейхлина. Позднее труды гебраистов Буксторфов — Иоганна и Иоганна млад-

шего, — арабистов Эрпеннуса и И. Лудольфа закладывают основы грамматического и лексикографического изучения древнееврейского, арамейского, арабского и эфиопского языков.

6. Географические открытия, начало колониальных захватов, пропаганда христианства среди различных народов, изобретение книгопечатания создают условия для накопления сведений о многих языках мира. Эти сведения нашли отражение в сравнительных словарях и каталогах, содержащих сжатые характеристики лексики сравниваемых языков. Первый из таких трудов был издан в Петербурге в 1786–1787 годах под названием “Сравнительные словари всех языков и наречий”. Автор — русский путешественник, академик Петр Паллас. В труде содержался перевод русских слов на 200 языков Азии и Европы. Второе издание, содержащее материалы 272 языков, включая языки Африки и Америки, вышло в четырех томах в 1791 году.

Второй подобный словарь принадлежит испанскому монаху Лоренцо Гервасу. Он был издан в Мадриде в 1800–1804 годах под названием “Каталог языков известных народов, их исчисление, разделение и классификация по различиям их наречий и диалектов”. Словарь содержал сведения по лексике и грамматике 307 языков, причем среди них были языки американских индейцев и малайско-полинезийские.

Наиболее известным трудом в этой области было издание немцев Аделунга и Фатера “Митридат¹”, или Общее языкоznание”, вышедшее в 1806–1817 годах в Берлине. Помимо общих замечаний и библиографических указаний о 500 языках, труд содержал перевод “Отче наш” на эти языки.

Несмотря на все свое несовершенство, эти каталоги подготовили почву для сравнительного сопоставления языков.

Главным философским направлением Ренессанса явился рационализм. Он опирается на веру в разум, возможность доказать ра-

¹ Митридат — древнеперсидский царь, который, по преданию, знал все языки и наречия входящих тогда в состав персидского царства многочисленных племен, поэтому само слово «Митридат» уже стало нарицательным, обозначающим человека — полиглotta.

зумное и положить его в основу человеческой деятельности во всех ее сферах.

Языковеды XVII века взяли у рационалистов только признание ведущей роли разума в человеческой деятельности, — в частности в языковой деятельности. Законы разума были распространены на язык. К этому в грамматике того времени уже была подготовлена почва: опираясь на формальную логику Аристотеля, уже объясняли предложение как выражение формально-логического суждения; подлежащее — выражение субъекта суждения, сказуемое — предиката. Но если Аристотель считал, что только некоторые типы предложений можно рассматривать с логических позиций, то теперь в предложении любого строя усматривали выражение логического суждения, а весь строй языка подчиняли законам логики.

Плодом рационализма в языкоznании явились универсальные философские грамматики. Основываясь на том положении, что законы разума всеобщи и одинаковы для людей всех рас, племен и эпох, языковеды полагали, что можно на основах разума (т. е. формальной логики, поскольку считалось, что деятельность разума протекает по ее законам) построить универсальную (т. е. всеобщую, одну для всех) грамматику. Ее примером может служить “Всеобщая грамматика, построенная на основах разума и содержащая обоснование искусства говорить, изложенная ясным и естественным способом”. Составили ее А. Арно и К. Лансло на французском языке в 1660 году. Грамматика была написана в монастыре около Версаля Пор-Рояль. Пор-Рояль был широко известен как крупнейший центр просвещения и науки, в истории языкоznания эта грамматика известна под именем грамматики Пор-Рояля.

Грамматика устанавливала “общие всем языкам принципы и причины встречаемых в них различий”, строилась она на материале французского, древнегреческого, латинского и древнееврейского языков. Ясно, что каждый из этих языков (особенно выделялся из них древнееврейский язык иной семьи и иного строя) имел свои особенности, которые не укладывались в логические априорно построенные схемы рациональной грамматики. Однако это не смущало ее авторов: если что-то в языке не соответствовало предложен-

ным схемам, то это объяснялось порчей языка и предлагалось его исправление или устранение из языка подобных фактов. Грамматика строилась не на наблюдениях над грамматическим строем языков, а дедуктивным методом — из общих положений, законов, приписываемых разуму. Грамматика диктовала правила языку.

Конечно, известная соотносительность логических и грамматических категорий не подлежит сомнению, но это не значит, что все категории логики должны прямолинейно находить отражение в языке (например, понятие должно соответствовать значению слова, суждение и умозаключение — различным типам предложения), что языковые явления не могут переступать пределы логики.

Каждое выражение мысли может определяться с логической, психологической и лингвистической точек зрения. Языковеды должны заниматься лингвистической стороной. Поэтому подмена лингвистического подхода к языку логическим анализом ведет к априорным построениям, игнорирует специфику грамматики конкретного языка. В каждом языке имеются слова, которые не отражают логических понятий, а связаны с выражением чувств, побуждений, волеизъявлений, т. е. того, что не допускается логикой. В любом языке имеются односоставные предложения, вопросительные и восклицательные предложения, которые противоречат логическим определениям.

Грамматика Пор-Рояля имела для своего времени большой успех, вызвала многочисленные подражания, а ее рационалистические принципы часто встречаются в грамматических работах первой половины XIX века (Беккер в 1836 году “Пространная немецкая грамматика”, Ф. И. Буслаев “Историческая грамматика русского языка”). Отзвуки идей Пор-Рояля наблюдаются в структурном и математическом языкоznании.

Признание активной роли разума проявилось также в попытках создания международных искусственных языков. За последние 300 лет было выдвинуто приблизительно 600 проектов искусственных языков.

7. Основоположником русского языкоznания по праву считается М. В. Ломоносов (1711–1765).

А. С. Пушкин писал о нем: “Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшою страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, мицеролог, художник и стихотворец, он все испытал и все проник: первый углубляясь в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, утверждает фабрику, сам сооружает машины, дарит художества мозаическими произведениями и, наконец, открывает нам истинные источники нашего поэтического языка”.

В 1755 году М. В. Ломоносов выпустил первую грамматику русского языка, написанную на русском языке, — “Российскую грамматику”. Она сыграла огромную роль в развитии русской грамматической мысли и не утратила своего значения до настоящего времени. “Грамматика” разделена на шесть “наставлений”. Первое излагает общие воззрения автора на язык и грамматику. По мнению ученого, “слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому”. Как и в Александрийской грамматике, у М. В. Ломоносова 8 частей речи: 1) имя для названия вещей; 2) местоимение для сокращения именований; 3) глагол для названия деяний; 4) причастие для сокращения соединением имени и глагола в одно речение; 5) наречие для краткого изображения обстоятельств; 6) предлог для показания принадлежности обстоятельств к вещам и действиям; 7) союз для изображения взаимности наших понятий; 8) междометие для краткого изъявления движений духа.

Второе наставление посвящено вопросам фонетики и орфографии. Ломоносов пишет о московском аканье: “Московское наречие не только для важности столичного города, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочтается, а особливо выговор буквы *о* без ударения, как *а*, много приятнее”.

Ученый выступает против фонетического принципа орфографии, сторонником которого был В. К. Тредиаковский (“Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой”, в котором он предлагал писать “по звонам”).

Третье наставление содержит словообразование и словоизменение, четвертое посвящено глаголу, пятое — характеристике служебных частей речи, шестое — синтаксису.

“Российская грамматика” М. В. Ломоносова носила ярко выраженный нормативный и стилистический характер.

Ученый упорядочил выбор средств выражения: какое употребление “приличнее или пристойнее”, какое “дико и слуху несносно”, какое “неправедно” или “весьма развратно”. Он закрепляет в своей Грамматике живые нормы словоупотребления и отмечает устаревшие формы и категории. Выход в свет “Российской грамматики” был воспринят современниками М. В. Ломоносова как национальное торжество.

М. В. Ломоносов внес существенный вклад в разработку русской научной терминологии, многие из его терминов живут до настоящего времени: предложный падеж, земная ось, преломление лучей, удельный вес, кислота, магнитная стрелка, закон движения, квасцы, северное сияние, маятник, чертеж, опыт, наблюдение, явление, частицы. Он узаконил и некоторые иноязычные термины: диаметр, квадрат, формула, атмосфера, барометр, горизонт, микроскоп, метеорология, периферия, сулема, эфир, селитра и другие.

Наиболее зрелая филологическая работа М. В. Ломоносова — “Предисловие о пользе книг церковных в российском языке” (1758). В основу статьи положены следующие тезисы: 1) литературной гегемонии церковнославянского языка пришел конец; только “для древности чувствуем в себе к славянскому языку некоторое особливое почитание”, а в живой разговорной речи славянизмы не употреблены; 2) “будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога”; 3) русский язык велик и богат, а потому составной частью литературного языка должна быть письменная и разговорная речь широких слоев народа, а не “дикие и странные слова, нелепости, входящие к нам из чужих языков”. Таким образом, М. В. Ломоносов ставит три важных проблемы: 1) сочетание церковнославянских “обветшальных” слов и русских народных элемен-

тов в составе литературного языка; 2) разграничение литературных стилей; 3) классификация литературных жанров.

Великий ученый уделял внимание вопросам сравнительно-исторического языкознания. Он сочинил письмо “О сходстве и переменах языков”, “О сродных языках российскому, о нынешних диалектах”, собрал “речи разных языков, между собой сходные”.

В черновых материалах к “Российской грамматике” М. В. Ломоносов пишет о языках “сродственных”: русский, греческий, латинский, немецкий — и подтверждал их родство этимологически надежным сравнением обозначения числительных от одного до десяти, и языках “несродственных”, включающих в себя языки финский, мексиканские, готтентотские и китайский.

М. В. Ломоносов устанавливает семью славянских языков, которые, по его мнению, произошли от славянского: российский, польский, болгарский, сербский, чешский, словацкий и венденский. Он выделяет две группы славянских языков — юго-восточную и северо-западную.

Ученый отличал древнерусский язык от старославянского, указывая на договоры князей с греками, “Русскую правду” и прочие исторические книги как на памятники русские.

М. В. Ломоносов утверждал постепенное формирование семейств языков путем отделения от праязыка: “Польский и российский язык коль давно разделились! Подумай же, когда курляндский! Подумай же, когда латинский, греческий, немецкий, российский. О глубокая древность!”

М. В. Ломоносов по праву занял на долгие годы положение главы первой русской филологической школы.

Таким образом, на начальных этапах истории языкознания закладывались основы для всего последующего развития лингвистики.

Возникновение сравнительно-исторического языкознания

1. Возникновение сравнительно-исторического языкознания и сравнительно-исторического метода языкознания.
 2. Санскрит и сравнительная грамматика индоевропейских языков Ф. Боппа.
 3. Возникновение германистики и исторической грамматики германских языков. Деятельность Р. Раска и Я. Гrimма.
 4. Возникновение славистики: значение трудов И. Добрковского и А. Х. Востокова.
-
1. На время возникновения лингвистики как науки существуют две основные точки зрения. Первая относит нижнюю границу языкознания в глубокую древность, когда появились первые исследования языков (античное языкознание, языкознание древней Индии). Согласно второй, лингвистика возникла в начале XIX века, когда был разработан сравнительно-исторический метод. Известно, что область знаний становится наукой тогда, когда у неё есть свой объект, предмет и метод. Об объекте и предмете мы говорили в первой лекции, сравнительно-исторический — первый собственно лингвистический метод, сделавший языкознание особенной наукой, что обусловливает важность истории его разработки.

Сходство некоторых языков было замечено задолго до XIX века, однако на протяжении нескольких веков ученые не могли объяснить эти факты. Толчком к решению данной проблемы послужило знакомство с санскритом — древним литературным языком Индии. Особенно велики в этом знакомстве заслуги Вильяма Джонса (1746—

1794), английского востоковеда и юриста, служившего в Бенгалии судьей. В 1784 году он основал “Азиатское общество” для изучения культуры и языков Индии. В одном из своих выступлений В. Джонс сказал: “Санскритский язык при всей своей древности обладает изумительным строем. Он совершеннее греческого, богаче латинского и утонченнее обоих, в то же время он обнаруживает столь близкое родство с греческим и латинским языками как в глагольных корнях, так и в грамматических формах, что оно не могло сложиться случайно; родство это так поразительно, что ни один филолог, который желал бы эти языки исследовать, не сможет не поверить, что все они возникли из одного общего источника, которого, быть может, уже не существует. Имеется сходное, хотя и не столь убедительное основание полагать, что готский и кельтский языки, хотя они и смешаны с совсем другими диалектами, произошли из того же источника; к этой же семье языков можно было бы причислить и древнеперсидский язык”.

Таким образом, гипотеза была сформирована, доказательство ее требовало анализа конкретных фактов, и этот анализ должен был производиться по определенному методу, получившему название сравнительно-исторического.

Сравнение для него было средством систематизации языкового материала, а исторический подход к языку стал главным принципом исследования. Сравнение проводилось строго систематически и имело целью исследование истории языков.

С открытием сравнительно-исторического метода языкоznание заняло самостоятельное место, отделившись от философских и исторических рассуждений о языке, не опиравшихся на строго проверенные и систематизированные языковые факты. Теперь языковеды знали, как относиться к многообразному, накопленному столетиями языковому материалу, закономерности и исключения из них стали получать отчетливое историческое объяснение. Один язык и его явление стали объясняться фактами родственных ему языков.

2. Первым ученым, приступившим к созданию сравнительной грамматики на основе сближения между санскритом и языками Европы, был немецкий ученый Франц Бопп (1791–1867 гг.).

Заслугой Ф. Боппа является то, что он сумел на основе материала родственных языков построить общую теорию. При сравнении окончаний глаголов он выяснил, что в индоевропейских языках (термин введен также Ф. Боппом) имеются не только отдельные сходные явления, но целая система соответствий, единство грамматической системы. Его цель — выводя древний, первоначальный вид форм, объяснять явления одного языка с помощью фактов другого языка. Это явилось новым и определяющим для создания сравнительно-исторического метода.

В 1816 году Ф. Бопп в возрасте 25 лет опубликовал свою первую работу “Uber das Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenem der griechischen, lateinischen, persischen und germanischen Sprache” (“О системе спряжения санскритского языка в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков”). В этой работе он исследует глагольную флексию и доказывает, что эти формы в основном сходны, и это свидетельствует об их общем происхождении.

Таким образом, 1816 год может быть назван годом рождения сравнительно-исторического языкоznания.

Обращение Боппа к анализу флексий закономерно, т. к. соответствия в системе флексий являются гарантией родственных отношений языков, поскольку флексии, в отличие от корней и слов, не заимствуются.

3. Одновременно с Ф. Боппом, но независимо от него начал сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков датский языковед Расмус Христиан Рак (1787–1832). Главный его труд “Исследование в области древнесеверного языка, или Происхождение исландского языка” вышло в 1818 году, вторая часть этой работы в немецком переводе была опубликована в 1822 году под названием “О фракийском языковом классе”.

Р. Рак доказал сходство германских языков с греческим, латинским и балто-славянскими языками и высказал много положений, остающихся актуальными до наших дней. Например, он писал: “... ни одно средство познания происхождения народов и их родственных связей в седой древности, когда история покидает нас, не является столь важным, как язык”.

При сравнении языков он безусловно отдает первенство грамматике: “Если мы сравним несколько языков, стремясь к тому, чтобы это сравнение было полным и дало нам возможность судить об их родстве, древности и прочих отношениях, то мы должны непременно иметь в виду обе эти стороны языка и особенно не забывать о грамматике, так как опыт показывает, что лексические соответствия являются в высшей степени ненадежными”.

Р. Раск приходит к заключению о том, что скандинавские и германские языки являются близкими ветвями и что они вместе со славянской и балтийской языковыми группами имеют свой источник в “древнефракийском” языке, под которым понимается вымерший пражский или язык доисторических времен юго-восточной Европы. Так как, по его мнению, “греческий и латинский являются самыми древними и единственными его пережитками, то они должны рассматриваться как источники исландского языка”.

А. Мейе дает следующую сравнительную оценку трудов Р. Раска и Ф. Боппа: “Раск значительно уступает Боппу в том отношении, что не привлекает санскрита, но он указывает на исконное тождество сближаемых языков, не увлекаясь тщетными попытками объяснения первоначальных форм; он довольствуется, например, утверждением, что каждое окончание исландского языка можно в более или менее ясном виде отыскать в греческом и в латинском, и в этом отношении его книга более научная и менее устарела, чем сочинения Боппа”.

Я. Гримм исследовал при помощи сравнительно-исторического метода одну группу языков — германскую. Он создал “Немецкую грамматику” (“Deutsche Grammatik”) в 4 томах, это по сути дела историческая грамматика немецкого языка на широком фоне сравнения с другими германскими языками, начиная с первых письменных памятников. Все 4 тома были завершены в 1837 году. “История немецкого языка” (“Geschichte der deutschen Sprache”) появилась в 1848 году. В большом “Немецком словаре” Я. Гримм стремился охватить словарный состав немецкого языка от Лютера до Гете. Первый том вышел в 1854 году, последний через 100 лет, в 1960 году.

В “Немецкой грамматике” Гримм не выдвигает общеязыковедческих теорий, он осуществляет исторический подход к изучению родственных языков и излагает движение грамматических форм в германских языках. Вслед за Р. Раском, он доказывает и обосновывает закон первого германского передвижения согласных, согласно которому система смычных согласных всех германских языков передвинулась на одну ступень: индоевропейские придыхательные bh, dh, gh изменились в германском b, d, g; индоевропейские b, d, g изменились в германском p, t, k; индоевропейские p, t, k изменились в германском f, th, h (ср. лат. Pater — нем. Vater, лат. cogniti — нем. Hora, лат. Duo — нем. zwei (из twei)).

Это был первый образец фонетических законов, на признании и познании которых строится современная история любого языка.

В дальнейшем (в трудах Ф. И. Буслаева) развивался тезис Я. Гримма: “Наш язык — это также наша история”. Указанное положение легло в основу направлений конца XX — начала XXI века — когнитивной лингвистики и лингвокультурологии.

4. Основателем славистики был Иосиф Добровский (1753–1829). Борясь с германизацией, Добровский проделал огромную работу по нормализации и регламентации чешского литературного языка. Он первым с научной точки зрения начал изучать старославянский язык и его грамматику, дал классификацию современных славянских языков.

Добровский посетил Россию, чтобы установить связи с русскими учеными, лучше изучить русский язык.

Ученики и продолжатели дела И. Добровского (будители чешского народа — от глагола будить) сумели возродить новочешский литературный язык, создали оригинальную литературу, способствовали обогащению словарного состава чешского языка.

Основоположником сравнительно-исторического метода на славянском языковом материале явился Александр Христофорович Востоков (1781–1864). Основные его труды: “Рассуждение о славянском языке” (1820), “Русская грамматика” (1831), “Опыт словаря областного великорусского языка” (1852), “Словарь церковнославянского языка” (1858–1861).

А. Х. Востоков работал хранителем библиотеки Румянцевского музея.

Эпохальное значение имело его “Рассуждение о славянском языке” (1820 г.). В нем А. Х. Востоков делает обзор славянских языков. Вслед за И. Добровским, он их делит на восточные и западные. Основное внимание ученый уделяет старославянскому языку. Сопоставляя корни и грамматические формы живых славянских языков с фактами старославянского языка, А. Х. Востоков определил звуковое значение “юсов” — большого и малого, произведя сопоставление ряда старославянских слов со словами польского языка, сохранившего носовые гласные. Сопоставление фактов мертвых языков с фактами живых языков и диалектов было абсолютно новым и оригинальным, этот подход стал позднее достоянием всей сравнительной грамматики.

А. Х. Востоков пишет: “Разность диалектов, существовавшая, без сомнения, в самой глубокой уже древности у разных поколений славянских, не касалось в то время еще до склонений, спряжений и других грамматических форм, а состояла большою частью только в различии выговора и в употреблении некоторых особенных слов”. Ученый полагает, что “во времена Константина и Мефодия все племена славянские, как западные, так и восточные, могли разуметь друг друга так же легко, как теперь, например, архангелогородец или донской житель разумеет москвича или сибирия”. Следовательно, А. Х. Востоков утверждал, что славянский язык распался на диалекты, которые дифференцировались, постепенно увеличиваясь разрыв в грамматических системах, пока они не стали самостоятельными языками.

На примере носовых гласных, развитие праславянских сочетаний *tj*, *dj* и *kt* перед гласными переднего ряда А. Х. Востоков показывает характер звуковых соответствий в родственных языках и развитие различных сочетаний в разных языках и диалектах от одной предполагаемой формы до современных фактов. Этот метод реконструкции не засвидетельствованных письменными памятниками форм имеет методологическое значение и является ценным вкладом в мировое языкознание.

А. Х. Востоков много внимания посвятил старославянскому языку. Он принципиально различает древнерусский язык, на котором написаны “Русская правда” и “Слово о полку Игореве”, и церковнославянский, ученый проводит аналогию между старославянским языком и латынью, выполнявшими функцию языка церкви в православии и католичестве.

А. Х. Востоков подчеркивает существенное воздействие старославянского на русский литературный язык.

В последующие годы Востоков продолжил изучение и издание древних славянских рукописей. Он составил “Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея” (1842), в котором последовательно различаются болгарский, сербский, русский и украинский изводы старославянского языка, что позволило на практике осуществить периодизацию этого языка на древний, средний и новый периоды, отличить прежде всего старославянский язык от среднеболгарской его трансформации. В 1843 году А. Х. Востоков осуществил научное издание Остромирова Евангелия с блестящим лингвистическим комментарием.

Таким образом, Ф. Бопп, Р. Раск, Я. Гримм, И. Добровский, А. Х. Востоков, разрабатывая различные проблемы, все вместе явились основоположниками нового направления языкознания — сравнительно-исторического. Разработка сравнительно-исторического метода придало лингвистике статус самостоятельной науки.

Философия языка Вильгельма фон Гумбольдта

1. Философские истоки лингвистической концепции В. фон Гумбольдта.
2. Сущность языка. Язык и мировоззрение народа.
3. Учение о форме языка.
4. Компаративистика. Морфологическая типологическая классификация языков.

Философские основы сравнительно-исторического и теоретического языкознания заложил В. фон Гумбольдт (родился в 1767 г., умер в 1835 г.) — ученый, государственный деятель, основатель Берлинского университета. Он занимался филологией и философией, государственным правом, писал стихи. В плотную проблемами языкознания он занялся лишь в возрасте 53 лет. В. фон Гумбольдт отличало глубокое знание не только индоевропейских, но и других языков мира — от баскского до малайско-полинезийских и индейских языков Америки. Такая эрудиция и лингвистический диапазон позволили ему сделать основательные и безупречные в фактическом отношении выводы. Своими трудами он заложил основы общего теоретического языкознания, поставив и разрешив ряд фундаментальных проблем и оказав глубочайшее влияние на последующее развитие лингвистики.

Приведем некоторые биографические сведения.

В. фон Гумбольдт родился 22 июня 1767 года в старинной дворянской семье. Получив первоначальное образование дома, В. фон Гумбольдт в 20 лет вместе со своим младшим братом Александром (будущим знаменитым естествоиспытателем) поступает в университет во Франкфурте-на-Одере. Через год он перебирается в Гет-

тинген, где слушает лекции крупных ученых того времени — философа Лихтенберга, историка Шлецера, филолога Хайне. 4 семестра будущий ученый проводит в стенах университета и считает, что этого достаточно: ученое звание ему не нужно (у него есть состояние и он помолвлен с К. фон Дахерёден из богатой семьи). В. фон Гумбольдт отправляется путешествовать во Францию и Швейцарию, вернувшись в Германию (1790 г.), поступает на должность судейского чиновника в Берлине, но уже через год оставляет службу.

В 1791 году выходит его первая статья “Идеи о государственном устройстве, вызванные новой французской конституцией”.

Через жену (брак состоялся в 1791 г.) В. фон Гумбольдт познакомился и сдружился с Шиллером, а затем с Гете. В журнале Шиллера “Оры” появляется его статья “О различии полов и его влиянии на органическую природу”, принесшая ему литературную известность.

В 1797 году он направляется в длительное путешествие (север Германии, Вена, Париж, 7 лет в Испании). Именно там, в краю басков, на рубеже двух столетий впервые возникает у Гумбольдта интерес к лингвистике — его главный творческий интерес.

Вернувшись на родину, В. фон Гумбольдт вновь поступает на государственную службу, с 1802 по 1808 годы он официально представляет Пруссию при папском престоле, в этот период укрепляется его интерес к античности, углубляются знания в данной области.

Эти годы были критическими для его родины. Разгромленная Наполеоном Пруссия оккупирована французами, правительство переезжает в Кенигсберг. Туда же приезжает В. фон Гумбольдт для участия в реформах, призванных улучшить положение дел в стране. Ему поручают департамент просвещения; он вносит новый дух в школьное образование, основывает Берлинский университет, который и по сей день носит имя братьев Гумбольдт.

Затем Гумбольдта вновь ждет дипломатическая деятельность: он — посланник в Вене и участник Венского конгресса, урегулировавшего европейские дела после поражения Наполеона Бонапарта.

“Король дипломатов” Талейран находит достойного соперника только в Гумбольдте, который был вторым (после канцлера Гар-

денберга) членом прусской делегации. О деятельности Гумбольдта на Венском конгрессе его биограф Гайм пишет: “Легко открывал его прозорливый ум тайные намерения и задние мысли противника. Без труда находил он в споре слабые его стороны, обходил сильные и брал над ним перевес. Во время самого продолжительного и быстрого бега он сохранял спокойное и сильное дыхание, тогда как противник давно уже пыхтел и задыхался. Он был неистощим в возражениях и во всяком рода дистинкциях. Первыми он утомлял, вторыми смущал. Талейрановское искусство молчания не могло справиться с его мастерством речи”.

Для канцлера Пруссии Гарденберга такой соратник — источник зависти и беспокойства. В 1817 году он направляет Гумбольдта в Лондон посланником, через год ученый занимает пост министра по сословным делам. В конце 1819 года в знак протеста против Карлсбадских постановлений, направленных против нараставшего в стране студенческого движения, усиливавших цензуру и полицейский контроль, Гумбольдт подает в отставку. Через 11 лет король вернет его в Государственный совет, наградит орденом, но это будет уже время его заката.

С 1820 года Гумбольдт целиком посвящает себя науке. Берлинская Академия наук еще 10 лет назад избрала его своим членом.

Вскоре после выхода в отставку он делает в Академии доклад о сравнительном изучении языков. Отныне лингвистика — главный предмет его исследовательской деятельности. Он свободно владеет французским, английским, итальянским, испанским, латынью, греческим, баскским, провансальским, венгерским, чешским, литовским, многие годы изучает языки индейцев Южной и Северной Америки, затем коптский, древнеегипетский, китайский, японский, санскрит, с 1827 года занят языками народов Индонезии и Полинезии.

Именно в эти годы создаются его главные работы по теоретическому языкознанию. В области философии В. фон Гумбольдт работает над теорией истории. Ученый публикует мало, преимущественно статьи в “Трудах Академии Наук”. Его основное произведение “О языке кави на острове Ява” увидело свет после его смерти, наступившей 8 апреля 1835 года. Цель этого сочинения, по сло-

вам В. фон Гумбольдта, “представить языки при разнообразии их устройства необходимым основанием развития человеческого духа и объяснить влияние языков на это развитие и обратно”.

Жизнь В. фон Гумбольдта совпала с тем периодом развития литературы и философии в Германии, который принято называть классическим, на Канте он вырос, творчески впитав дух его философии, Фихте и Гегелю противостоял, с Шеллингом в чем-то перекликался, Гете и Шиллер были его личными друзьями и воспитателями художественного вкуса. При этом он сохранил самостоятельность и оригинальность взглядов, создал философскую антропологию, центральное место в ней заняла проблема человека. Так, В. фон Гумбольдт писал: “Истинная цель человека — полное и наиболее пропорциональное развитие его потенций. Необходимое условие для этого — свобода. Человек — часть природы, поэтому он свободен, когда ничто не сковывает его природные силы”.

Лингвистические взгляды В. фон Гумбольдта связаны с его историко-философской концепцией и отражают положения классической немецкой философии. Вспомним основные положения немецкой философии, которые оказали влияние на формирование лингвистических взглядов Гумбольдта.

Прежде всего это философские построения знаменитого немецкого философа, видного естествоиспытателя И. Канта. Его взгляды изложены прежде всего в трактатах “Критика чистого разума”, “Критика практического разума” и “Критика способности суждения”.

По мнению Канта, существует не зависящий от нашего сознания (от ощущений, от мышления) мир вещей; Кант называет их “вещами в себе”. Познание начинается с того, что “вещи в себе” действуют на органы чувств и вызывают ощущения. Отсюда следует, что первичным является материальный мир. Однако, переходя к исследованию вопроса о формах и границах познания, Кант утверждает непознаваемость “вещей в себе”.

О непознаваемости тех или иных явлений языка говорит и Гумбольдт: “нам не дано познать форму языка в ее цельности”. Подчеркивая неразрывную связь и даже тождественность языка и “народного духа”, ученый утверждал, что эта связь “недоступна для

нашего разумения”, что она “остается для нас необъяснимой тайной”.

Из исследований Канта, посвященных критике “идей разума”, большое влияние на дальнейшее развитие философии оказало учение о противоречиях (антиномиях) чистого разума.

Всем своим анализом языка Гумбольдт показывает, что “язык разделяет природу всего органического, где одно проявляется через другое, общее в частном, а целое обладает всепроникающей силой”. Давая различные, подчас противоречивые определения языка, он пытается установить диалектическую природу языка, выявить те противоречия (антиномии), которые выражают его сущность.

На признание Гумбольдтом диалектического характера языковых процессов большое влияние оказала философия И. Фихте, который развивает диалектическое восприятие процесса деятельности.

Именно так подходит к пониманию языка и Гумбольдт: “Выступая по отношению к познаваемому субъективным, язык по отношению к человеку объективен… Субъективный характер всего человечества становится для него чем-то объективным… ибо объективное остается тем, что, собственно, и должно быть постигнуто, и когда человек субъективным путем языкового своеобразия приближается к этому, он должен приложить новое усилие для того, чтобы отделить субъективное и совершенно вычленить из него объект”.

Учение Гумбольдта о “духе народа” является преломлением учения Гегеля об абсолютной идее, предложенного в его “Феноменологии духа”.

Эту идеалистическую концепцию абсолютного духа как мистического, вне человека существующего мышления — абсолютной идеи — Гумбольдт переносит на язык: “Язык всеми тончайшими фибрками своих корней связан с народным духом”; “Язык представляет собой одну из тех причин, которые стимулируют общечеловеческую духовную силу к постоянной деятельности”; “Язык и духовные силы функционируют совместно и в равной степени составляют неразделенную деятельность разума”. Понятие “духа народа” является самым неопределенным, самым расплывчатым во всей лингвистической системе Гумбольдта.

Необходимо отметить большие трудности в трактовке идей Гумбольдта и неоднозначность его оценки исследователями. В. А. Звениговцев в послесловии к сборнику переводов работ В. фон Гумбольдта по философии языка объясняет это тем, что до сих пор имеется немного переволов его работ на другие языки. А те, что увидели свет, зачастую представляют собой своеобразные интерпретации, толкования взглядов самого Гумбольдта. Это проявляется даже в передаче значения слова “geist”, которое может означать как “дух, душа”, так и “ум, мысль, образ мыслей”. Таким образом, один из самых спорных тезисов Гумбольдта “Язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно себе представить себе что-либо более тождественное”, можно трактовать и иначе: “Язык народа находит свое воплощение в образе мыслей народа…”.

2. Сущность языка, по мнению В. фон Гумбольдта, проявляется в следующих положениях.

Создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества.

Язык находится в постоянном развитии и стимулирует общечеловеческую духовную силу к постоянной деятельности. Гумбольдт пишет: “Язык всеми тончайшими фибрками своих корней связан с народным духом, и чем соразмернее этот последний [народный дух — Л. И.] действует на язык, тем закономернее и богаче его развитие”.

Язык и духовные силы “составляют нераздельную деятельность разума. Язык — это внешнее проявление духа народа”.

Гумбольдт не разделяет язык и интеллектуальную деятельность: “… язык есть орган, образующий мысль”.

Всякий индивид имеет свое мировоззрение. Благодаря общности языка, на котором изъясняются индивиды, создается мировоззрение народа. По мнению Гумбольдта, у разных народов разные языки, потому что у разных народов разные духовные особенности.

Как уже отмечалось, В. фон Гумбольдт был полиглотом, поэтому он имел все основания говорить о необходимости изучать другие языки, приобретая тем самым более широкое и разнообразное мировидение. Ученый утверждает то, что отношение к окружаю-

щей действительности обусловлено языком. “Каждый язык описывает вокруг народа, к которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг. Изучение иностранного языка можно было бы уподобить приобретению новой точки зрения в прежнем миропонимании, до известной степени фактически так дело и обстоит, потому что каждый язык образует ткань, сотканную из понятий и представлений некоторой части человечества; и только потому, что в чужой язык мы в большей или меньшей степени переносим свое собственное миропонимание и свое собственное языковое воззрение, мы не ощущаем с полной ясностью результатов этого процесса”.

В. фон Гумбольдт утверждает то, что разные языки являются не различными обозначениями одной и той же вещи, а различными видениями её.

Попытаемся это положение проиллюстрировать примером. В русском и украинском языках в основу номинации только что родившегося ребенка положен один и той же признак, поэтому по-русски “новорожденный”, по-украински “новонароджений”; на следующем этапе своего развития по-русски это “младенец”, по-украински “немовля”, т. е. для русского языкового сознания важно прежде всего то, что он маленький, для украинского то, что он не умеет говорить. Эти два признака ни в какой мере не исключают друг друга.

Поскольку окружающий человека мир во многом универсален, поскольку лексический состав языков сопоставим. Каждое слово, по мысли Гумбольдта, “не есть простой отпечаток предмета самого по себе, но его образ, который он создает в душе”.

Гумбольдта “бесконечно привлекает внутренняя удивительно таинственная связь всех языков и прежде всего высшее наслаждение — с каждым новым языком приобщаться к новой системе мыслей и чувств”.

По мнению ученого, через многообразие языков открывается многообразие мира. Именно язык воплощает в себе своеобразие целого народа, и именно языки прежде всего формируют или определяют национальный характер.

По мнению Гумбольдта, язык следует рассматривать не как мертвый продукт, но как созидающий процесс. Таким образом, ученый

первым подходит и разграничению языка и речи, что позднее оформилось в целостную концепцию у Ф. де Соссюра, а затем стало красногольным камнем практически всякой современной лингвистической теории. В. фон Гумбольдт пишет: “Язык есть не продукт деятельности (*ergon*), а сама эта деятельность (*energia*). Язык представляет собой беспрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли”.

В данном высказывании мы видим постановку еще одной важнейшей проблемы теории языкоznания — связь языка и мышления. Гумбольдт утверждает: “Язык есть орган, образующий мысль”. Благодаря языку процесс мышления объективируется.

Гумбольдт подходил к языку как к материальному явлению и отметил сложнейшие его взаимоотношения с духовным миром человека: “Разум не может постигнуть того, на что нет даже намека в сфере чувств и восприятий, но также нельзя в обрать в свою сущность что бы то ни было, что хоть как-то не подготовлено в сфере понятий. Нельзя осознать того, что нельзя воспринять чувственно, для чего отсутствует материальное воплощение; но нельзя также быть тем, для чего нет понятия, для чего отсутствует форма”.

Язык, по мнению Гумбольдта, сложное и противоречивое явление. Он функционирует как обозначение предметов и как средство общения. Исходя из сложности и противоречивости языка как объекта познания, Гумбольдт наметил целый ряд антиномий. Напомним о том, что антиномия — это противоречие между двумя взаимоисключающими положениями, каждое из которых доказуемо.

1. Противоречие между социальным и индивидуальным моментом в языке. Язык является одновременно принадлежностью индивида и отражает общественные и национальные факторы.

2. Противоречие между завершением развития языка в данный момент и его непрерывным развитием.

3. Язык как средство объективации мысли, доступной благодаря этому и для других, и язык как стимул мысли слушающего и др.

Гумбольдт считал, что языкоznание должно иметь свою философскую базу — философию языка, построенную на прочном фундаменте анализа многих различных языков (отметим, что до него предметом изучения был весьма ограниченный круг языков).

4. Одной из неоспоримых заслуг Гумбольдта является разработка им учения о форме языка. Он дает ей следующее определение: “Постоянное и единообразное в … деятельности духа, возвышающей артикулированный звук до выражения мысли, взятое во всей совокупности своих связей и систематичности”.

По мнению ученого, форма языка “отнюдь не только так называемая грамматическая форма”, она выходит “далеко за пределы правил словосочетаний и даже словообразований”.

Форма языка наблюдается в отдельных проявлениях, “поэтому не дано познать форму языка во всей её цельности”. Следовательно, форма языка — “мертвое общее понятие”. Форма языка тесно связана с мировоззрением народа.

Форма языка обладает тремя свойствами:

1. Форма языка — это “постоянное и единообразное в деятельности духа, возводящее артикулированный звук до уровня мысли”.
2. Форма языка проявляется в том, что язык является не агрегатом слов, а системой, так как “каждый отдельный элемент существует только благодаря другим”, “каждый язык образует свою систему, с которой должно начинать его характеристику”.
3. Форма языка есть единство двух формальных планов — материального и идеального, т. е. внешней и внутренней формы.

Внешняя форма — это материя языка. Гумбольдт отмечает: “Действительная материя языка — это, с одной стороны, звук вообще, а с другой — совокупность чувственных впечатлений и непроизвольных движений духа, предшествующих образованию понятия, которое совершаются с помощью языка”.

Интересно замечание ученого: “В членораздельном звуке проявляет себя мыслящая сущность, а в нечленораздельном — чувствующая”.

Внутренняя форма, по словам Гумбольдта, едина и жива.

Фантазия и чувства вызывают индивидуальные образы, в которых отражается индивидуальный характер народа. В связи с этим

многообразие форм, в которое облекается одно и то же содержание, может быть бесконечным.

Приведем наш пример: один и тот же гриб называется белым (не темнеет на срезе, самый высококачественный гриб, т. к. в русском языковом сознании белый цвет имеет сему положительности) и боровиком (по месту произрастания — в бору).

По мнению Гумбольдта, “слово не является эквивалентом чувственно воспринимаемого предмета, но пониманием его, закрепленным в языке посредством найденного для него слова”.

Таким образом ученый подходит к пониманию полисемии, хотя сам термин не употребляет: “Если, например, в санскрите слон называется либо дважды пьющим, либо двузубым, либо снабженным рукой, то в данном случае обозначаются различные понятия, хотя имеется в виду один и тот же предмет. Это происходит потому, что язык обозначает не сами предметы, а понятия, которые дух независимо от них образует в процессе языковтворчества”. Таким образом, Гумбольдт поставил (не сформировав) проблемы семасиологии и номинации.

Внутренняя форма — это организация языковых структур, способ объективации мысли в языке.

Язык — это сложный синтез внешней и внутренней формы: “образование языка есть синтетический процесс, … когда синтез создает нечто такое, чего не было ни в одной из соединившихся частей. Поэтому полностью цель достигается только тогда, когда все строение звуковой формы прочно и единовременно сливаются с внутренней структурой языка”.

4. Гумбольдт мечтал о составлении энциклопедии всех языков, или “Плане систематической энциклопедии всех языков”. Эта энциклопедия, по его мнению, должна была быть не простым каталогом, справочником, отражающим системы известных языков (такие работы, безусловно, необходимы, и лингвистика знает немало описательных грамматик различных типов), но энциклопедией, рассматривающей язык “с точки зрения разносторонних связей человека” и отражающей то, как “разум и мировоззрение разных народов земли находят способы для решения насущных языковых за-

дач". Тем не менее, В. фон Гумбольдт отмечает: "Понятие творчества в полном и действительном смысле применимо только к первоначальному изобретению языка, т. е. к состоянию, которого мы не знаем, а предполагаем в качестве обязательной гипотезы. В средних периодах развития языка возможно лишь приспособление существующей формы к внутренним потребностям языка".

В качестве интерпретации приведем следующий пример: русское ящерица и итальянское *lucertula*. По мнению М. Фасмера, эти морфология русского слова связана с понятием скорости. В итальянском языке явно просвечивает сема "света". В свою очередь, свет в сознании также часто соотносится со скоростью.

Однако ученый предостерегает: "Неправильной самой по себе является попытка определить круг понятий данного народа в данный период его истории, исходя из его словаря", поскольку в каждом языке есть множество описательных форм.

Характер своеобразия каждого языка В. фон Гумбольдт призывал "отыскивать в его строении". Одна только форма решает, с какими другими языками родствен данный язык. "Различие языков основывается на их форме", а она "находится в тесной связи с мировоззрением народа".

Таким образом, Гумбольдт утверждает, что формы языка национально своеобразны, общее, универсальное можно обнаружить не логическими рассуждениями, а сравнением форм языков.

С одной стороны, Гумбольдт, как и другие компаративисты того времени, пытался установить генетическое родство между всеми языками.

С другой стороны, Гумбольдт противопоставил языки, сходные по их родству, языкам, сходным по языковым типам. В результате была создана типологическая классификация языков. Языковые типы определяются не по общности материальных элементов, а по их структуре.

Тип языка, по Гумбольдту, устанавливается путем выяснения общего в строении его слов и предложений. Ученый выделил четыре основные типы языков: корневые, агглютинирующие, полисинтетические, флексивные. Однако Гумбольдт пытается рассматривать

типы языков как этапы развития всякого языка с точки зрения воплощения в нем "духа", хотя и подчеркивал, что каждый тип обладает лишь "относительным достоинством".

Языковедческая концепция В. фон Гумбольдта оказала огромное влияние на развитие лингвистической теории. Идеи ученого развиваются в учениях Г. Штейнталя, А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, Э. Сепира, Н. Хомского и других. Особенный интерес к концепции В. фон Гумбольдта активизировался на рубеже XX–XXI веков, когда интенсивно стали развиваться лингвокультурология, этнолингвистика, неогумбольдтианство и др.

Значение трудов Гумбольдта для языкознания состоит в том, что он доказал необходимость собственной "философии" для языкознания — лингвистической теории, основанной на обобщении всего фактического материала языков — родственных и неродственных, больших и малых.

Учение Гумбольдта о форме языка, о его динамике, о связи языка и сознания (мышления), языка и общества (народа) способствовало развитию лингвистической теории.

Развитие языкоznания во второй половине XIX века

1. Развитие компаративистики
2. Лингвистическая концепция А. Шлейхера:
 - а) компаративистика;
 - б) натурализм.
3. Логико-грамматические школы середины XIX в.

1. Во второй половине XIX века языкоznание выделилось как особая отрасль науки, уточнило свой предмет и метод, приобрело современное строение. Основными разделами языкоznания стали общее языкоznание, сравнительно-историческое языкоznание и частные языкоznания. Но главным направлением XIX века оставалось сравнительно-историческое языкоznание.

Быстрое развитие компаративистики, и прежде всего теории и практики сравнительно-исторических грамматик, привело к тому, что уже в середине XIX века оно стало рассматриваться не только как самая развитая и точная (благодаря высокому уровню формализации) гуманитарная дисциплина исторического (и сравнительного) цикла, но и как образец для ряда других наук, основанных на принципах историзма и компаративизма. Под влиянием успехов сравнительно-исторического языкоznания и сравнительно-исторического метода в языкоznании оформляются такие направления в европейской науке второй половины XIX века, как сравнительная мифология, сравнительное право, сравнительное литературоведение. Несмотря на быстрые успехи этих дисциплин, они не смогли достичь статуса, сопоставимого со статусом сравнительно-исторического языкоznания: одни из них оказались надежны лишь в той

степени, в какой они опирались на данные языка (см. напр., сравнительную мифологию, исходившую прежде всего из имен богов на родственных языках), другие подменяли сравнительно-исторический метод типологией форм в их историческом развитии (сравнительное литературоведение). Тем не менее сравнительно-историческое языкоznание продолжает оказывать влияние на эти отрасли как в области общих идей, так и в области приемов и методов исследования, в структуре понятийного аппарата, в формах представления своих результатов и т. п.

Более плодотворное и глубокое влияние компаративистика оказывает на другие лингвистические дисциплины, в частности на описательную грамматику, типологию и теоретическое языкоznание.

2а. Второй период в развитии сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков связан с именами А. Шлейхера, А. Потта, И. Мадвина и др.

Немецкий ученый А. Шлейхер (1821–1868) изучал, помимо языков, философию и ботанику, что отразилось на его лингвистической концепции. А. Шлейхер продолжил и углубил начатое основоположниками компаративизма изучение индоевропейских языков с помощью сравнительно-исторического метода. В 1860 году в работе “Немецкий язык” он изложил свои теоретические положения, имеющие принципиальное значение: роль фонетических законов, аналогии, систематичности языка, выражения в языке формы, функции и т. д.

В 1861–1862 годах выходит его “Компендиум сравнительной грамматики индогерманских языков” (компендиум — от лат. “сжато изложенное”). В этой книге обобщаются итоги сравнительно-исторического изучения индогерманских языков, около трети посвящено фонетике, которой прежде уделялось мало внимания.

В работах А. Шлейхера нашло развитие ранее высказанное В. фон Гумбольдтом мнение о том, что в жизни языка есть два периода: период расцвета форм языка (прогресс) и период их упадка, ослабления и исчезновения (регресс). А. Шлейхер утверждал, что общество непрерывно прогрессирует, в истории языка наблюдается непрерывный регресс: “Можно даже объективно доказать, что история и развитие языка находятся в обратных отношениях друг к

другу. Чем богаче и сложнее история, тем скорее происходит распад языка, и чем беднее, медленнее и устойчивее первая, тем более верным остается себе язык". Это неправильное мнение было впоследствии подвергнуто критике.

Главной задачей сравнительной грамматики индоевропейских языков, по мнению А. Шлейхера, является восстановление реального праиндоевропейского языка в том самом виде, в каком он некогда существовал — его лексики, грамматических форм и т. д. Занимаясь этой реконструкцией, ученый написал басню на таком прайзаке. Отметим, что базой для реконструкции явился санскрит.

Avis akvasas ka².

Avis, jasmin varna na ā ast, dadarka akvams, tam, vāgham garum vaghantam, tam, bhāram magham, tam, manum, āku bharantam. Avis akvabhjams ā vavakat: kard aghnutai mai vidanti manum akvams agontam.

Akvāsas ā vavakant: krudhi avai, kara aghnutai vivdidvantsvas: manus patis varnām avisāms karnanti evabhjam gharmam vastram avibhjams ka varnā na asti.

Tat kukruvants avis agram ā bhudat.

Перевод на русский язык.

Овца и кони.

Овца, (на) которой не было шерсти (стриженая овца), увидела коней, везущих тяжелую повозку (с) большим грузом, быстро несущих человека. Овца сказала коням: сердце теснится (во) мне (сердце мое печалится), видя коней, везущих человека.

Кони сказали: послушай, овца, сердце теснится (от) увиденного (наше сердце печалится, потому что мы знаем): человек — господин, делает шерсть овцы теплой одеждой (для) себя и (у) овец нет шерсти (у овец больше нет шерсти, они острижены, им хуже, чем коням).

¹ Eine Fabel in indodermischer Ursprache. "Beitrage zur vergl. Sprachforschung", Bd. S. S. 206, 1868.

Услышав это, овца повернула (в) поле (она удрала, ретировалась).

Прайзак А. Шлейхер не восстановил, что вполне естественно, так как, с одной стороны, прайзак, даже если он и был, функционировал длительное время, а потому обязательно развивался и изменился; с другой стороны, носители этого прайзака расселялись на новых территориях, что неизбежно приводило к распаду его сначала на диалекты, а потом на их базе возникали новые языки.

Однако поставив перед собой в принципе невыполнимую задачу, А. Шлейхер внес большой вклад в развитие компаративистики, выработав систему законов звуковых соответствий, которые остаются в силе до нашего времени.

Таким образом, А. Шлейхер был первым, кто пытался установить как частные фонетические законы, действующие в пределах данного языка, так и всеобщие (универсальные) законы языка. Шлейхеровская реконструкция индоевропейского прайзака, по сути дела, уже предполагает всецелое лингвистических законов. Но сама трактовка этих законов А. Шлейхером не могла быть принята следующим поколением компаративистов, хотя убеждение в исключительной важности фонетических законов стало в 70–80 гг. XIX века общим тезисом младограмматического направления в сравнительно-историческом языкознании.

26. А. Шлейхер явился основоположником натуралистического (или биологического) направления в языкознании. Свои взгляды на язык он изложил в работах: "Язык Европы в систематическом освещении" (1850), "О морфологии языка" (1859), "Теория Дарвина и наука о языке" (1863, рус. пер. 1864), "Значение языка для естественной истории человечества" (1865, рус. пер. 1868), и др.

Идеи натурализма развивал также М. К. Рапп ("Физиология языка", 1836–41; "Сравнительная грамматика как естествоведческая наука", ч. 1–3, 1852–59), М. Мюллер, который трактовал положения натурализма в наиболее упрощенной форме, утверждая, в частности, что мозг выделяет мысль, подобно тому как печень выделяет желчь) и др.

А. Шлейхер считал, что язык должен рассматриваться как создание природы, потому что человек бессилен по своему произво-

лу изменить что-либо в языке, как он не может изменить строение своего тела.

А. Шлейхер писал: “Все языки, которые мы прослеживаем на протяжении длительного времени, дают основание для заключения, что они находятся в постоянном и беспрерывном изменении. Языки, эти образованные из звуковой материи природные организмы, притом самые высшие из всех, проявляют свои свойства природного организма не только в том, что все они классифицируются на роды, виды, подвиды и т. д., но и в том, что их рост происходит по определенным законам”.

После выхода в свет труда Ч. Дарвина “Происхождение видов и естественный отбор” (1859) А. Шлейхер утверждает понимание языка как живого организма, причем не метафорически, а буквально (отметим, что у В. фон Гумбольдта организм — это система). На этом основании А. Шлейхер представление о жизни живого организма переносит на жизнь языка: как отдельное животное или растение, язык рождается, достигает зрелости, дает потомство и умирает.

По образу и подобию классификации животных и растений (вспомним его образование ботаника), А. Шлейхер создает генеалогическую классификацию индоевропейских языков: семейству животных или растений в биологии соответствует семейство языков в языкоznании; родам, на которые делятся семейства в биологии, в языкоznании соответствуют группы и подгруппы языков; видам, на которые делятся роды, в языкоznании соответствуют отдельные языки, а подвидам — наречия и диалекты. Отдельно же взято му животному или растению соответствует язык отдельно взятого индивида.

Таким образом, впервые в истории языкоznания А. Шлейхер представил историю индоевропейских языков в образе генеалогического дерева в виде расщепления и дальнейшего развития, начиная с прайзыка, причем каждый раз такое расщепление было разделением на две ветви, что также навеяно биологическими концепциями.

А. Шлейхер считал, что семьи языков (индоевропейская, тюркская и т. д.) каждая происходит от своего прайзыка, и прайзыки се-

мейств не являются родственными (отметим: В фон Гумбольдт считал, что все языки произошли из одного корня).

А. Шлейхер писал: “Так как языки все более и более исчезают и новые при этом не возникают, то следует предположить, что первоначально было больше языков, чем ныне. В соответствии с этим и количество прайзыков было, по-видимому, несравненно больше, чем это можно полагать на основе еще живущих языков”.

Формулируя общие законы развития языка как естественного организма, А. Шлейхер опирался на философию истории Г. В. Ф. Гегеля, а также на эволюционную теорию Ч. Р. Дарвина, однако А. Шлейхер, как и другие представители натурализма, подчеркивал, что язык — исключительное свойство, привилегия человека, так как у животных нет языка, есть лишь “ужимки”. Изменения языка различны в трех эпохах его существования — “первоначальном создании, развитии, жизни”.

Поскольку материальной основой языка являются мозг, органы речи и чувств, постольку, по мнению А. Шлейхера, создание языка есть очеловечивание природы, т. е. формирование материального субстрата мышления и механизма говорения. Выработке рефлексов речевой деятельности способствуют звукоподражания и непропризвольные выкрики, однако это еще не язык, назначение которого — быть органом (аппаратом) мысли, мышлением в звуковой материи.

Воплощение идеи в звук и есть развитие языка как собственно человеческого свойства; в доисторическую эпоху дух нашел свое воплощение в членораздельных звуках и образовал множество прайзыковых форм.

Язык как форма (организм) возникает только тогда, когда понятия и представления, материализуясь в звуках (корнях), становятся значениями, а их отношения выражаются суффиксами или флексиями. Так возникают корневые, агглютинативные и флексивные классы языковых организмов.

А. Шлейхер писал: “Если в первом классе мы встречали недифференцированное тождество значения и отношения, чистое бытие значения в себе, если во втором классе дифференцируются звуки,

обозначающие значение и отношение, отношение выступает в обособленном звуковом бытии для себя, то в третьем классе это различие включается в единство, но в единство, бесконечно более высокое, потому что выросло из различия, имеет его своей предпосылкой и включает его в себя как снятый ею ...". Таким образом, три различных класса прагматик рассматривались не только с точки зрения морфологической классификации (о ней мы скажем чуть ниже), но и с точки зрения их развития и совершенности. Утверждалось, что в историческую эпоху происходил распад прагматик под воздействием фонетических процессов и аналогии; историческая эпоха породила дифференциацию языковых областей, привела к образованию родственных языков и диалектов.

А. Шлейхер утверждал, что все языки мира, независимо от их происхождения и принадлежности к той или иной семье, идут по одному и тому же пути развития. Рядом с генеалогической классификацией он строит типологическую (морфологическую) классификацию по способу соединения слов в предложении.

Ученый писал: "Значение и отношение, совместно получившие звуковое выражение, образуют слово. Слова в свою очередь составляют язык. В соответствии с этим сущность слова, а тем самым и языка, заключается в звуковом выражении значения и отношения. Сущность каждого языка в отдельности обусловливается способом, каким значение и отношение получают звуковое выражение... Точнее говоря, сущность слова, а тем самым и всего языка, определяется тремя моментами: звуком, формой и функцией".

Таким образом, А. Шлейхер различает в языке значения и отношения. Выражением значений являются значимые единицы — слова и словоформы; выражением отношений являются формальные элементы — суффиксы и флексии, которые выработал язык для связи слов между собой.

А. Шлейхер устанавливает три типа языков: аморфные (изолирующие), агглютинативные и флексивные (напомним, что у В. фон Гумбольдта были еще полисинтетические языки).

У изолирующих языков (юго-восточная Азия — китайский, тибетский и т. п.) нет склонения имен и спряжения глаголов, нет флексий.

Слова представляют собой изолированные, т. е. свободные от каких-либо аффиксов корни. Это и дало основание А. Шлейхеру назвать такие языки бесформенными (аморфными), т. к. форма понималась узко — как наличие флексий.

В агглютинативных языках (турецких, финноугорских и др., их большинство) уже появляются средства выражения отношений — прилепы, однако их связь со словом — корнем слабая.

Наиболее высоких способов выражения отношений достигают флексивные языки (индоевропейские и семитские) с появлением в них флексий.

А. Шлейхер считал, что эти три типа языков представляют три последовательные ступени в их развитии: сначала все языки были бесформенными, затем из них развиваются языки агглютинативные, а из них флексивные.

Значение научных идей и трудов А. Шлейхера велико: он способствовал выработке в историческом языкоznании принципа системности и метода реконструкции языка; морфологическая и генеалогическая классификации прочно вошли в общую теорию языка; рассмотрение создания языка как очеловечивания природы стало компонентом учения о происхождении языка и мышления. Однако такие положения теории натурализма как объяснение причин эволюции языка только биологическими факторами, характеристика индоевропейских языков как самых современных, отрыв развития и истории языка от функционирования и истории общества, подверглись критике уже с момента их выдвижения.

3. Теоретическое языкоzнание середины XIX века развивалось в противоборстве логического и психологического направлений.

Логическое направление в лингвистике XIX века, в отличие от всеобщих рациональных грамматик (например, "Грамматики Пор-Рояля") XVII века, обращало большее внимание на национальную специфику языковой формы, на единство логического и исторического. Основное внимание уделялось синтаксису. Морфология рассматривалась как этимология, лексическое значение — как понятие.

В 1827 году появилась грамматика К. Беккера "Организм языка". Она по сути дела явилась приложением законов логики к материалу современного немецкого языка.

Язык понимается как система органических (полярных) противоположностей, т. е. таких противоположностей, которые не уничтожают друг друга, а, напротив, взаимообусловлены и необходимы друг для друга в развитии организма как целого. Учение о предложении из логики и стилистики было перенесено в грамматику. Ф. И. Буслаев утверждает, что Беккеровская схема “правильно определила части речи и члены предложения”. Логико-семантический принцип надолго стал ведущим в грамматиках современных языков. На Западе логическое направление в грамматике известно под именем беккервянства.

Логико-семантическая школа получила распространение в ряде стран. В России видными представителями этого направления были Н. И. Греч (“Практическая русская грамматика”, 1827 г.; “Пространная русская грамматика”, 1829 г.), И. И. Давыдов (“Опыт общесравнительной грамматики русского языка”, 1852 г.).

К. С. Аксаков делил грамматику на 3 части: часть I — имя, оно отражает осознание предметов, бытия в покое; часть II — глагол, он отражает осознание действия, бытия в движении; часть III — речь (т. е. синтаксис), она отражает осознание жизни в ее целостности. Всеобщие грамматики обычно не были последовательно логическими, например в описании формообразования. В этом сказался опыт собственно лингвистических исследований, начатых римскими учеными (Присцианом, Э. Донатом и др.). Однако за основу принималась универсальная модель, составленная из выделенных в латыни грамматических категорий.

Влияние логической мысли (в версии аристотелевой формальной логики) было велико в интерпретации категорий синтаксиса. В определении И. И. Давыдова синтаксис “исследует или логические отношения понятий и их выражение, или логические отношения мыслей и их выражение”. В дефинициях классов слов указывались не их формальные признаки, а их способность выполнять некоторую синтаксическую функцию. Так, существительные определялись как “слова подлежащего”; в особую группу выделялись слова, приспособленные для выполнения функции сказуемого (Л. Г. Якоб); предложения анализировались по модели суждения (S есть P).

Наиболее ярко логическое направление в отечественном языкоизучении нашло свое выражение в грамматике академика Ф. И. Буслаева (1818–1897) — филолога с широким научным диапазоном: древнерусская литература, фольклор, палеография, русский язык и его история, хотя вопросы языкоznания в кругу его научных интересов не были главными.

Свою деятельность Ф. И. Буслаев начал с гимназии. В то время в методике господствовало начетничество, слепое заучивание. Эта ситуация нашла отражение в рассказе И. Я. Франко “Абабагаламага”. Еще будучи учителем гимназии, Ф. И. Буслаев издал работу “О преподавании отечественного языка” (1844 г.), которая нашла широкий отклик среди русских читателей. В ней автор, добиваясь осмысленности в восприятии языковых фактов учащимися, знакомит их с достижениями сравнительно-исторического языкоznания, которое только и может обеспечить научное истолкование языковых фактов и установить их закономерность. Во второй части впервые был дан очерк истории русского языка.

Ф. И. Буслаев видел в языке выражение духа народа, придерживаясь взглядов В. фон Гумбольдта и Я. Гримма. Это нашло особенно яркое воплощение в его магистерской диссертации “О влиянии христианства на русский язык. Опыт истории языка по Остромировому евангелию” (1848 г.), в ней язык рассматривается как органический элемент истории, культуры, быта и мировоззрения народа. Пересядя на работу в Московский университет, Ф. И. Буслаев впервые в истории Московского университета вводит курсы сравнительного языковедения и истории русского языка (1847 г.).

В 1858 году вышел “Опыт исторической грамматики русского языка” (в последующих изданиях — “Историческая грамматика русского языка”). Это первая действительно историческая грамматика русского языка, в которой излагается история образования морфологических форм современного русского языка, приводится огромный материал по этимологии отдельных слов. В этом плане грамматика Ф. И. Буслаева не потеряла своего научного значения и в наше время.

В данном случае нас, прежде всего, интересует логицизм Ф. И. Буслаева, проявившийся в синтаксисе, причем в наиболее характерной

для логического направления форме: здесь грамматические категории отождествляются с логическими и подменяются ими.

Ф. И. Буслаев определяет предложение как выражение формально-логического суждения; подлежащее — выражение субъекта суждения, сказуемое — выражение предиката.

В логической грамматике установилось ставшее традиционным деление членов предложения на главные (подлежащее, сказуемое) и второстепенные (определение, дополнение, обстоятельство).

В грамматике Ф. И. Буслаева предложение любого типа рассматривалось как выражение суждения. Суждение мыслится как соединение двух понятий или соединение представления с понятием, поэтому, чтобы каждое предложение представить как соединение двух понятий, логисты применили метод подстановки якобы опущенных, но легко подразумеваемых членов предложения, что нередко вело к искажению самих языковых фактов. Так, в логической грамматике нет рубрики “номинативные предложения” (Зима. Воры! и т. п.). они рассматриваются как неполные предложения — с наличествующим подлежащим и якобы опущенным сказуемым, которое легко восстановить: “Зима пришла”, “Воры явились”. Но далеко не всякое предложение поддается такому преобразованию, например: “Пожар!”. Отзвуки логицизма наблюдаются и в Грамматике-80, где в парадигме номинативного предложения форма “Зима.” квалифицируется как настоящее время с опущенной в настоящем времени связкой.

Ф. И. Буслаев рассматривает причастные и деепричастные обороты как результат “сокращения” определительных и обстоятельственных предложений.

Предложения, которые сейчас квалифицируются как предложения с однородными членами, Ф. И. Буслаев рассматривал как результат слияния нескольких предложений и называл их слитными. Например, Миша и Вася собирали грибы = Миша собирал грибы + Вася собирал грибы.

Ф. И. Буслаев создал учение о логико-формальной основе предложения, методику логико-семантического анализа предложения, которой руководствуются в школе и вузе и по сей день.

Критика логических принципов анализа основывалась на следующих положениях: 1) далеко не все категории логики имеют языковое соответствие (в языках не отражены важные для логики родственные отношения, различие между истинными и ложными высказываниями и др.); 2) не все формы языка имеют логическое содержание (так, не все предложения выражают суждение); 3) число логических и грамматических членов предложения не совпадает, вследствие чего объем логического и грамматического подлежащего и сказуемого различен (логически предложение членится на субъект и предикат, грамматика же выделяет в составе группы подлежащего определения, а в составе группы сказуемого — дополнения и обстоятельства); 4) логические и грамматические характеристики членов предложения могут не только расходиться, но и инвертироваться: сказуемое может получать функцию логического субъекта, а подлежащее — предиката (ср. актуальное членение предложения); 5) применение логических определений к категориям грамматики (типа “суждение, выраженное словами, есть предложение”) не корректно; 6) анализ предложений на основе единой логической модели не позволяет описать реальные синтаксические структуры во всем их разнообразии (особенно индоевропейских языков), затеняя существующие между разными языками типологические различия и индивидуальные особенности конкретных языков; 7) логические описания оставляют не выявленными психологический (эмоциональный, оценочный, волевой) и коммуникативный аспекты речи; 8) логика не может дать надежного принципа классификации языковых форм.

Логическое языкознание 60–80-х годов XX века ощутило воздействие предшествующего периода исследований: расширился круг рассматриваемых проблем, усовершенствовалась методика анализа. В лингвистике определились направления, одно из которых тяготеет к собственно логическому анализу естественного языка, другое изучает логический аспект употребления языка, коммуникации и др. Последнее направление сблизилось с социолингвистикой и психолингвистикой, объединившись с философией обыденного языка.

Психологическое направление в языкоznании

1. Становление лингвистического психологизма.
2. Харьковская лингвистическая школа
 - a) общая характеристика;
 - b) лингвистическая концепция А. А. Потебни:
 - а¹ — мысль и речь;
 - б¹ — учение о слове;
 - в¹ — грамматическая теория.
3. Младограмматизм как ведущая школа историко-сравнительного психологического языкоznания:
 - a) вклад младограмматиков в решение проблем компаративистики;
 - b) проблемы теории языкоznания в концепциях младограмматизма.

1. Психологическое направление в языкоznании — это совокупность течений, школ и отдельных концепций, рассматривающих язык как феномен психологического состояния и деятельности человека или народа. Поэтому можно говорить о ряде психологических направлений, школ и концепций, объединенных следующими особенностями:

- 1) общей оппозицией логическим и формальным школам в языкоznании;
- 2) ориентацией на психологию как методологическую базу;
- 3) стремлением исследовать язык в его реальном функционировании и употреблении.

Лингвистический психологизм возник в недрах сравнительно-исторического языкоznания в 50-е гг XIX в. под влиянием филосо-

фии языка В. фон Гумбольдта как реакция на господствующие в то время логические воззрения на сущность языка. Основатель рассматриваемого направления — Г. Штейнталль, в отечественном языкоznании крупнейшим его представителем был А. А. Потебни и возглавляемая им Харьковская лингвистическая школа.

Психологическое направление противостоит логическому по таким направлениям:

- 1) категории грамматики и логики столь же слабо соотнесены друг с другом, как понятия круга и красного; логика общечеловечна и не может вскрыть специфики языка данного народа (Штейнталль);
- 2) логика — наука гипотетическая, тогда как языкоznание — генетическая, т. е. исследующая “процесс сказывания”, которым логика не интересуется;
- 3) “логика настолько формальная наука, что сравнительно с ней формальность языкоznания вещественна” (А. А. Потебни);
- 4) логике как методологической основе предшествующего языкоznания противопоставлялась психология; вслед за В. фон Гумбольдтом, Г. Штейнталль видит в языке выражение “духа народа” — народной психологии. В связи с этим пробуждается интерес к фольклору, мифологии, обычаям народа, выраженных в пословицах, поговорках, загадках и др.

Психологическое направление рассматривало язык как явление историческое и динамическое, вечно развивающееся, что согласуется с назначением сравнительно-исторического метода.

Представители данного направления проявили внимание к речевым актам живого языка, к внутренней стороне языка, к значению слова и предложения.

Истоком психологического направления в языкоznании явилась ассоциативная психология И. Т. Гербарта (1776–1841), ученика Фихте. Ассоциативная психология ставила перед собой задачу установить с позиций психологии принципы познавательной деятельности отдельного индивида.

Деятельность сознания рассматривалась как цепь связей (ассоциаций) представлений, сцепляющихся между собой по разного типа

ассоциациям — по сходству, по смежности, по контрасту. Акт познания действительности рассматривается как апперцепция: новое представление (представление о познаваемом предмете) апперцептируется (увязывается по тому или иному виду ассоциаций) со старыми, уже имеющимися в сознании человека из прошлого опыта представлениями, и благодаря этому осознается. То есть в новом представлении обнаруживаются определенные признаки, по которым познаваемый предмет или явление относится в ту или иную рубрику.

Например, мальчик, увидев на лампе круглый абажур, воскликнул: “Арбузик!”. То есть представление об абажуре (новое представление) как о круглом предмете апперцептировалось в сознании мальчиком со старым, уже имевшимся в его сознании представлением об арбузе, тоже круглой формы; произошла ассоциация по сходству, новое оказалось познанное через старое.

Крупнейшие недостатки ассоциативной психологии:

- 1) преувеличение в деятельности сознания представлений в ущерб понятиям;
- 2) отодвигание на задний план сознательной воли человека;
- 3) умаление роли интеллекта в психической деятельности человека.

2а. Харьковская лингвистическая школа — одно из направлений отечественного языкоznания второй половины XIX в. Наиболее яркие ее представители — А. А. Потебня, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. В. Ветухов, А. Г. Горнофельд, М. А. Колесов, Б. А. Лезин, А. В. Попов, М. Г. Халанский, В. И. Харциев. Они исследовали язык в широком культурном и историческом контексте. Изучая происхождение и развитие языков и словесности в связи с историей народа, представители Харьковской лингвистической школы исследовали фонетические и грамматические особенности восточнославянских языков в их эволюции, собирали и изучали фольклор и художественные ценности, составляющие достояние национальной культуры. У истоков Харьковской лингвистической школы стояли И. И. Срезневский (“Мысли и заметки”, 1831; “Мысли об истории русского языка”, 1850) и его ученик П. А. Лавровский (“О языке северных русских летописей”, 1852).

26. Признанным главой Харьковской лингвистической школы был А. А. Потебня, разрабатывавший теорию происхождения и развития языка, историю грамматики, семасиологию, поэтику, историю литературы, он занимался также фольклором и этнографией, исследовал вопросы взаимоотношения языка и мышления, языка и нации (“Мысль и язык”, 1862 г.).

А. А. Потебня считал, что в основе развития языка лежит смена поэтического мышления, отразившегося в формах слов и высказываний, прозаическим мышлением.

В поэтическом слове и соответственно в поэтическом произведении в целом А. А. Потебня выделяет 3 составные элемента: внешнюю форму (звукание), значение (семантика) и внутреннюю форму (образ). Учение А. А. Потебни о внутренней форме слова восходит к идеям В. фон Гумбольдта.

Ученый подчеркивал вторичность прозы по отношению к поэзии, поэтому предмет филологии после Потебни стал пониматься как сочетание анализа языка с анализом только художественной речи, а филология в школе преподавалась под углом зрения лингвистической поэтики.

А. А. Потебней была дана развернутая картина развития восточнославянской фонетической системы от древнейшего периода до середины XIX в., сформулированы принципы этимологических исследований в связи с изучением фонетических законов развития языка, сделаны открытия так называемого нового Ђ, второго полногласия.

Велики заслуги А. А. Потебни в области диалектологии. В его работах были охарактеризованы границы распространения важнейших диалектных звуковых явлений, определены отношения южно-великорусских говоров к северновеликорусским, указаны признаки, которыми отличается украинский язык.

Ученый стремился выработать нормы украинского литературного языка, для этого он пытался перевести на украинский язык “Одиссею” Гомера. А. А. Потебня считал, что “высокая культура” должна была строиться на культуре народа т. е. крестьянства. Свой высокий стиль крестьянство имело в фольклоре. Теперь на этой

основе, “забыв псалтырь и пророков”, необходимо было строить новый народный литературный стиль. Как известно, в XVI–XVII вв. в художественной речи царила “проста мова”, мова бабы Палашки, героини И. Нечуя-Левицкого. А. А. Потебне необходимо было построить мост между миром бабы Палашки и миром Гомера.

В основу перевода ученый положил нейтральные языковые элементы, архаизация достигалась за счет синтаксических элементов — инверсии и разрыва: “Чорні стягли корабель”, “Вони пир собі милий зробили”.

Перевод не был завершен, но его принципы были ясны. Опубликован перевод после смерти ученого в 1905 г. Неизвестны украинские писания А. А. Потебни вне поэтического жанра (записи украинских песен, опубликованные О. Баллиной). Тем не менее эксперимент А. А. Потебни в создании высокого стиля на фольклорном украинском фундаменте, по мнению украинских лингвистов, необходимо включить в историю украинской литературы и украинского литературного языка.

Сила А. А. Потебни обнаруживается в том, что теория языка вырастает у него из самого анализа языкового материала и на него опирается.

Заслуга А. А. Потебни в том, что он сумел увидеть в грамматике прежде всего сложное, далеко не всегда прямое и не всегда очевидное, но всегда глубокое и несомненное **взаимодействие форм** (в самом широком смысле) и значений. При этом подобное взаимодействие, как доказал ученый, оказывается исторически изменчивым, развивающимся, динамичным.

Желая показать силу всякого развитого языка, А. А. Потебня отмечал его неповторимость, подобно тому как в его концепции оказывается неповторимым всякий “акт творчества”.

А. А. Потебня родился 10 (22) сентября 1835 г. на хуторе Манев Роменского уезда Полтавской губернии в семье отставного штабс-капитана.

Род Потебни старинный, казачий, о чем свидетельствует сама фамилия ученого: потебня — это кожаные лопасти по бокам казачьего седла, пристегивавшиеся на пряжках.

В семье были сильны военные традиции. Дед ученого, получивший в XVIII в. дворянство, служил в русской армии, служил отец будущего ученого, воинская карьера ожидала его четырех сыновей — Александра, Андрея, Николая, Петра. Только благодаря насториям матери и ее родни Александр в 1844 г. поступил в гимназию, а не в кадетский корпус. В 1851 г. он ее закончил с блестящим зттестатом и серебряной медалью.

В 1851 г. А. А. Потебня был зачислен на юридический факультет Харьковского университета, а в 1852 г. перешел на первый курс историко-филологического факультета. Выпускное сочинение (1856 г.) — “Первые четыре года войны Хмельницкого” — написано на базе данных украинских летописей, народных песен и других фольклорных материалов, которые автор использовал как исторические свидетельства, сохранившиеся в народной памяти.

Поработав в первой Харьковской гимназии, А. А. Потебня возвращается в университет для сдачи магистерского экзамена. В этот период ученый ощущает влияние Ф. Миклошича, В. Караджича и особенно Ф. И. Буслаева, которого считал своим учителем.

За два года он выдержал экзамен и подготовил магистерскую диссертацию “О некоторых символах в славянской народной поэзии”. Автор ставит перед собой задачу: выяснить способы и формы создания символов в народной поэзии, ставшей для его работы главным источником. По материалам диссертации была опубликована монография.

После получения степени магистра славянской словесности А. А. Потебня был оставлен при кафедре русской словесности Харьковского университета.

26 а¹. В 1862 г. выходит книга А. А. Потебни “Мысль и язык”. В ней наиболее полно и точно изложены основные теоретические идеи молодого ученого.

Анализируя труды В. фон Гумбольдта, Г. Штейнталя, И. Беккера и др., А. А. Потебня пишет о происхождении языка, связи языка и мышления. Ученый говорит о том, что язык играет важную роль в формировании и развитии человеческого мышления, они находятся в теснейшей связи.

В книге “Мысль и язык”, вслед за В. фон Гумбольдтом, А. А. Потебня разрабатывает учение о внутренней форме слова, под которой понимает признак предмета, легший в основу его номинации. Слово, по мнению ученого, не может отразить все свойства и качества обозначаемого предмета, оно лишь называет один из его признаков. Например, слово *подснежник* указывает на известный цветок, у которого есть много качеств и свойств (цвет, строение лепестков, стебли, корни, химический состав и т. д.), но само слово называет один признак — “тот, что находится под снегом, пробивается из-под снега”. Вот такое называние или представление и является **внутренней формой слова**.

При возникновении каждое слово имеет внутреннюю форму, но со временем многие слова ее утрачивают и о внутренней форме слова приходится лишь догадываться. Почему, например, дерево ДУБ названо именно так? Слово возникло так давно, что его первоначальное значение утратилось. Однако такие слова не мертвы для языка: от слова дуб образуются производные: грибы дубовик и поддубник и т. п.

Не имеют для нас внутренней формы и заимствованные слова, хотя в языке, из которого они пришли, внутренняя форма была. В то же время эти заимствования, прийдя в другой язык из родного, могут стать основой для новых слов. Так, китайское слова чай не имеет в русском языке внутренней формы, но от него образованы слова *чайничать*, т. е. “проводить время за чашкой чая”, *чайничанье*.

Внутреннюю форму имеет не только полнозначные слова, ее имели когда-то и слова служебные. Понятие внутренней формы, по мнению А. А. Потебни, можно применить и к грамматическим категориям, и к синтаксису, и ко всему строению языка.

Ученый считал, что в древнейшие времена мышление было чувственно-образным: свойства, признаки, действия предметов и человека не представлялись абстрактно, но абстрагировались от предметов и человека, которым они принадлежали. В связи с этим А. А. Потебня считает, что известные нам грамматические категории: имя существительное, глагол, наречие, местоимение суть яв-

ления относительно поздних исторических эпох. Постепенно, с развитием абстрактного мышления, из первобытного “имени” вычленяются другие существительные и глаголы, а потом и все другие грамматические категории.

А. А. Потебня указывает на то, что **каждое слово по своей структуре** представляет совокупность членораздельного звука, внутренней формы и значения (содержание). Внутренняя форма выступает как способ передачи значения.

А. А. Потебня постоянно подчеркивает тесную взаимосвязь языка и мышления: “Показать на участие слова в образовании последовательного ряда систем, обнимающих отношение личности к природе, есть основная задача языка. В общих чертах мы верно поймем значение этого участия, если приняли основное положение, что язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, что он не отражение сложившегося мировоззрения, а слагающая его деятельность. Чтобы уловить свои душевные движения, чтобы осмыслить свои внешние восприятия, человек должен каждое из них объективизировать в слове и слово это привести в связь с другими словами. Для понимания своей и внешней природы вовсе не безразлично, как представляется нам эта природа, посредством каких именно сравнений стали ощутительны для ума отдельные ее стихии, насколько истинны для нас сами эти сравнения, одним словом — не безразличны для мысли: первоначальное свойство и степень забвения внутренней формы слова”.

Из этого определения следует:

1. В языке отражается отношение человека и окружающему миру;
2. Язык является средством создания мысли, а не только ее передачи;
3. Все душевные движения человека объективируются в слове;
4. Мир познается благодаря сравнению с уже познанным;
5. Внутренняя форма слова может забываться.

А. А. Потебня утверждал, что “слово является необходимым для преобразования низших форм мысли в понятия и что без языка мысль сама по себе не может существовать”. Ученый доказал,

что язык активно воздействует на мышление и благодаря этому развивается сознание человека.

Книга “Мысль и язык” показала ученому миру России, что в лице ее автора отечественная филология получила исключительно одаренного лингвиста-мыслителя, лингвиста-философа, идущего своим оригинальным путем в исследовании языка.

В 1874 г. А. А. Потебня защитил докторскую диссертацию “Из записок по русской грамматике”, т. I и II.

26 б¹. С точки зрения учения о слове наибольший интерес представляет “Введение”, оно начинается с раздела “Что такое слово”. А. А. Потебня отмечал: Определение отдельного слова как единства членораздельного звука и значения, по-видимому, противоречит обычному утверждению, что “одно и то же слово не только в различные времена или по различным наречиям одного и того же языка”, но и в одном и том же наречии в определенный период “имеет различные значения”. Говоря так, представляем слово независимым от его значений, т. е. под словом разумеется лишь звуки, причем единство звука и значения будет не более единства дупла и птиц, которые в нем гнездятся. Между тем членораздельного звука без значения не называем словом. Такой звук есть искусственный фонетический аппарат, а не слово”.

Из данной характеристики следует:

1. Определение слова как единства звуковой оболочки и значения недостаточно, т. к. возможна омонимия и развитие значений, т. е. полисемия;
2. Нельзя рассматривать связь звуковой оболочки и значения как нечто случайное и механическое (дупло и птица);
3. Членораздельный звук без значения невозможен.

Для пояснения своей точки зрения А. А. Потебня производит анализ слова ВЕРСТА. Прежде всего он устанавливает его исконную форму, затем определяет первоначальное значение, т. е. проводит этимологический анализ.

Ученый отмечает, что слово ВЕРСТА имеет тот же суффикс, что и слова БОТВА, БРИТВА, произносились: ВЕРТ-ВА. Позднее произошло звуковое упрощение. Славянское слово ВЕРСТА родствен-

но лит. ВАРСТАС и значило то же самое — “поворот плуга”, “длина борозды, проводя которую плуг поворачивается обратно”, “мера расстояния”, “мера поля”. Еще в древности слово ВЕРСТА стало многозначным, каждое значение развивалось по-своему: из значения “поворот плуга” возникло значение “борозда”, которое сохранилось в сербохорватском языке у существительного ВРСТА. Из значения “длина борозды” образовалось слово, указывающее на меру расстояния, отсюда же и значение “верстовой столб”, который иногда тоже называют просто ВЕРСТА, а также переносное значение “верзила”. Впоследствии, когда в сознании людей совместилось представление длины пути и жизненного пути, возникло значение “возраст”, сохранившееся в существительном СВЕРСТНИК.

Анализируя связь звуковой оболочки и значения, А. А. Потебня отмечает: “В слове также совершается акт познания. Оно значит нечто, т. е. кроме значения должно иметь и знак. Хотя для слова звук так необходим, что без него смысл слова был бы для нас недоступен, но он указывает на значение не сам по себе, а потому, что прежде имел другое значение.... Поэтому звук в слове не есть знак, а лишь оболочка, или форма знака; это так сказать знак знака, так что в слове не два элемента, как можно заключить из ... определения слова как единства звука и значения, а три”.

Само понятие знака определяется ученым с логико-психологической точки зрения. Знак “есть общее между двумя сравниваемыми сложными мысленными единицами, или основание сравнения”, “знак по отношению к значению предыдущего слова есть лишь указание, отношение к этому значению, а не воспроизведение его”, “знак в слове необходимая (для быстроты мысли и для расширения сознания) замена соответствующего образа или понятия; он есть представитель того или другого в текущих делах мысли, а потому называется представлением, т. е. в слове А. А. Потебня выделяет 3 элемента: звуковую оболочку, значение и представление.

Ученый разделяет ближайшее (народное) и дальнейшее (индивидуальное) значение слова.

26 в¹. Грамматическая теория А. А. Потебни вырастала из анализа конкретных языковых фактов. Главный его грамматический

труд — “Из записок по русской грамматике” в 4 томах, I том — Введение; II том — “Составные члены предложения”, III том — “Об изменении значения и заменах существительного”. Последний IV том “Из записок по русской грамматике”, составленный по архивным материалам ученого, был напечатан в 1941 г., в начале Великой Отечественной войны.

Для А. А. Потебни части речи — грамматические категории, которые существуют лишь в предложении. Таким образом, в сфере грамматики синтаксис имеет решающее значение.

А. А. Потебня считает, что каждый факт языка следует рассматривать в историческом развитии, что задача языкоznания заключается в том, чтобы определить не только “откуда”, но и “куда мы идем”. “В живых языках разрушение старого есть одновременно создание нового, не говоря уже о непрерывных изменениях лексического содержания, создание новых грамматических функций продолжается до нашего времени, ничем не предвещая упада творчества”.

Особенно важные положения второго тома:

1. Причастие — форма, промежуточная между именем и глаголом — в древнерусском языке употреблялась значительно шире, чем в современном, в частности — была второстепенным сказуемым. Историческое развитие причастия свидетельствует о противоположности имени и глагола, которая увеличивается с приближением к нашему времени.
2. В языке происходит увеличение разницы между именем существительным как преимущественно самостоятельным и несогласуемым словом и именем прилагательным как словом атрибутивным.
3. Количество глаголов, служащих предикативными связками, по направлению к новому времени уменьшается; вместе с тем выделяется глагол, который употребляется преимущественно как чистая предикативная форма без всякого содержания.
4. Развитие синтаксиса состоит в стремлении к дифференциации членов предложения, к “различению бывших прежде однородными функций членов предложения, что, в свою очередь, является признаком “усовершенствования языка”.

Третий том “Из записок по русской грамматике” по своему содержанию примыкает к первым двум томам. В нем получили развитие те положения, к которым пришел ученый в результате своих исследований по **истории синтаксиса славянских языков**. Одной из наиболее значимых в этом труде является проблема происхождения существительного и прилагательного из имени. А. А. Потебня показывает, какой путь прошли прилагательные и существительные, как постепенно все более увеличивалась разница между ними в процессе исторического развития обеих грамматических категорий.

В части тома, посвященной **синтаксису**, А. А. Потебня рассмотрел основные структурные типы **безличных предложений**, дал свое решение проблемы их происхождения: основной путь от личных предложений к безличным — это утрата субъекта в личных предложениях или его превращение в творительный действующего лица.

Исключительной заслугой А. А. Потебни является разработка учения о некоторых видах придаточного предложения, именно ему мы обязаны первым научным анализом различных по своей структуре придаточных предложений с цennыми историческими комментариями относительно времени их появления.

Основная часть четвертого тома посвящена **глаголу**: описания развития глагольных категорий вида, времени, наклонения, залога.

А. А. Потебня первым открыл позднее, вторичное, происхождение видов в славянских языках, обобщенно выражавших завершенность и незавершенность действия, раскрыл причины этого процесса.

В 1977–1985 гг. IV том был издан вторично в двух выпусках, так как объем материала значительно возрос (обнаружили новые рукописи ученого). Данный том в основном посвящен проблемам сравнительно-исторической морфологии, а также словаобразования восточнославянских языков.

Так был создан фундаментальный труд, составивший эпоху в отечественной филологии.

Помимо научной, А. А. Потебня на протяжении всей своей жизни вел преподавательскую работу в Харьковском университете.

Деятельность А. А. Потебни получила большое признание: в 1877 г. его избрали членом общества любителей русской словесности при Московском университете, в 1887 — членом чешского Общества наук, в 1890 г. — действительным членом общества любителей природоведения, антропологии и этнографии при Московском университете. В 1891 г. Русское географическое общество присуждает ему свою высшую награду — золотую Константиновскую медаль. Его труды изучают не только лингвисты, но и литературоведы и психологи.

Умер А. А. Потебня 29 ноября (11 декабря) 1891 г.

Имя ученого носит Институт языковедения Национальной Академии наук Украины. Его труды приобрели особую актуальность в наше время.

За. Во второй половине XIX в. под знаком **психологизма** сложился третий период сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков — **младограмматизм**. Его зачинателями были молодые лингвисты лейпцигского университета, поэтому этот период называют также лейпцигским: А. Лескин (1840—1916), К. Бругман (1849—1919), Г. Остгоф (1842—1907), Г. Пауль (1846—1921), Б. Дельбрюк (1842—1922) и др. Они с таким чисто юношеским пылом нападали на концепции старшего поколения компаративистов, что один из его представителей, Ф. Царние, иронически назвал из “младограмматиками” (Jungdrammatiker), а К. Бругман сделал это название наименованием своего направления, под которым оно и вошло в науку.

В России идеи младограмматизма разделяли Ф. Ф. Фортунатов, В. К. Поржезинский, А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Потебня и др.

Программное заявление в этом плане сделали Г. Остгофи и К. Бругман: “Никто не может отрицать, что прежнее языкоznание подходило к объекту своего исследования — индоевропейским языкам, не составив себе предварительно ясного представления о том, как живет и развивается человеческий язык вообще, какие факторы действуют при речевой деятельности и как совместное действие этих факторов влияет на дальнейшее развитие и преобразование

языкового материала. С исключительным рвением исследовали языки, но слишком мало говорящего человека”. Таким образом был провозглашен психологизм младограмматиков.

В области сравнительного языкоznания младограмматики придерживались следующих положений:

1. Младограмматики ставили совершенно иные цели и задачи перед сравнительным изучением индоевропейских языков, что, соответственно, меняло и самый подход к их изучению. Главным объектом своих исследований они делали не мертвые древние, а живые, современные, так как они легче, чем мертвые древние языки, поддаются наблюдению и, следовательно, дают больше материала для вскрытия закономерностей развития языка. Впрочем, младограмматики в своей научной практике были непоследовательны и в противоречии со своими декларативными заявлениями много внимания уделяли изучению именно древних языков и занимались реконструкцией если не индоевропейского праязыка, то его отдельных форм.

Главная цель сравнительно-исторического изучения живых языков — установление их историко-генетических связей на базе фонетических соответствий и звуковых переходов.

Звуковые переходы констатируются определенными фонетическими законами, которым придавалось исключительно важное значение.

Обращение к современным языкам было вызвано так же тем, что стало ясно: реконструируемый праязык можно рассматривать лишь как язык гипотетический, так как с углублением в материалы индоевропейских языков с привлечением новых фактов представление о праформах и прасловках меняется.

Так, первоначально полагали, что в праязыке слово, означавшее “лошадь”, звучало akvas, потом — ekj-vos. Нельзя утверждать, что это окончательная реконструкция.

2. Базой для всякого рода построений в сравнительной грамматике у младограмматиков в первую очередь являются **фонетические законы**.

Г. Пауль и К. Дельбрюк отмечали: “Понятие “фонетический закон” нельзя понимать в том смысле, в каком мы говорим в физике

или химии о законах. Фонетический закон не говорит о том, что должно происходить снова и снова при наличии определенных условий общего характера”, он только констатирует “однородность определенной группы исторических явлений”.

Фонетические законы, во-первых, позволяли обнаружить материальное тождество слов и форм, совершенно не сходных между собою по звучанию. Ведь вначале сопоставлялись слова, близкие по звучанию, и по значению, причем большую роль в сближении таких слов играла интуиция, догадка. Так, например, М. В. Ломоносов соотносил др.-греческое слово *géravos* и русское журавль, *dógon* и дар.

Знание фонетических законов обеспечило необходимые в каждой науке точность и возможность предвидения. Например, из латинского *arduns* (прямой, крутой) выводится русское слово рост, поскольку сочетание гласных с плавными дает метатезу и удлинение.

К. Бругман и Г. Остгоф писали: “...каждое звуковое изменение, поскольку оно происходит механически, совершается по законам, не знающим исключений, т. е. направления, в котором происходит изменение звука, всегда одно и то же у всех членов языкового сообщества, кроме случая диалектного дробления, и все без исключения слова, в которых подверженный фонетическому изменению звук находится в одинаковых условиях, участвует в этом процессе”.

3. Одно время роль фонетических законов в жизни языка младограмматиками сильно преувеличивалась. Был выдвинут лозунг: “Фонетические законы не знают исключений”. Но потом оказалось, что действие фонетических законов ограничено временем и пространством, а также у каждого закона такое множество исключений, что их уже нельзя было игнорировать, а надо было объяснять. Так были открыты следующие причины отклонений от фонетических законов: а) действие одного закона перехлестнулось с действием другого; б) действие аналогии; в) заимствование: слово попало в данный язык из другого, когда в первом звуковой закон, под который это слово должно было попасть, перестал действовать.

Особенное внимание уделялось аналогии. Г. Пауль подчеркивал, что “аналогия... играет некоторую роль и в области фонетики, но

главная сфера её действия там, где одновременно присутствует и значение”. Причины воздействия аналогии Б. Дельбрюк видел в следующем: “неизбежность действия аналогии в языке становится очевидной, если уяснить себе, что слова в душе говорящего являются в значительно большей части своей не обособленно, но в тесной связи (ассоциированные) с другими”.

В данном случае обнаруживается еще одно принципиальное различие между компаративистами старшего поколения и младограмматиками: первые при изучении истории индоевропейских языков и их родства считали, что все, что есть в языке — потомке, является материалом, унаследованным от языка-предка. Младограмматики обнаружили заимствования.

Таким образом, согласно младограмматикам, каждое явление в области фонетики есть исторически обусловленный результат действия фонетического закона или же действия аналогии, или же оно — заимствование.

Следовательно, фонетическое состояние языка обусловливают 3 фактора: фонетические законы, аналогия и заимствование.

4. Младограмматики отвергли положение о двух периодах в жизни языка — период расцвета форм (прогресс языка) и период из падения (регресс языка). Они признали единый процесс развития языка, который совершается по одним и тем же законам, которые могут быть вскрыты не на материале древних языков, известных только по письменным памятникам, а на материале живых языков, жизнь которых может быть прослежена достоверно от их древнейших памятников письменности (реальное исходное их положение) до современного состояния.

5. При изучении живых языков, которое делалось главной задачей языкоznания, обнаружилось, что каждый язык, если он занимает более обширную территорию, обязательно дробится на диалекты. Именно в диалектах, по мнению младограмматиков, только и можно наблюдать настоящую жизнь языка, проявление действия его законов, так как диалекты, не в пример письменным литературным языкам, не скованы никакими писанными грамматическими правилами. Отсюда — особое внимание к диалектам, что дало мощ-

ный толчок для развития диалектологии, которая именно у младограмматиков оформилась как самостоятельная отрасль языкоznания.

6. Увлечение санскритом, характерное для старшего поколения компаративистов и приведшее к “санскритизации” сравнительной грамматики индоевропейских языков, признание его наиболее древним из всех известных индоевропейских языков, заставило полагать, что в прайзыке, как и в санскрите, было только 3 гласных: а, и, у. Исследования младограмматиков показали, что система гласных в санскрите — поздняя, что более архаична она, например, в древнегреческом языке, что в прайзыке было 5 гласных — а, о, е, и, у.

7. Младограмматики обратили внимание на то, что корень и основа — это грамматические абстракции, являющиеся продуктом научного анализа, а не живые явления языка: они никогда не выступали и не выступают в живой речи как самостоятельные единицы. В действительности же в реальном языке индивиды имеют дело с целыми словами, а потому образование новых форм надо рассматривать как результат преимущественно слияния целых слов.

Слабые стороны младограмматизма в сравнительном языкоznании:

- история языка превращалась фактически в историю звуков и форм, недостаточно изучались лексика и синтаксис;
- в изучении языка господствовал атомизм: язык разделялся на отдельные мельчайшие явления, история которых и прослеживалась;
- атомизм у младограмматиков связывался с анатомизмом: изучаемое явление вырывалось из ряда других и исследовалось изолированно (как анатом вырезает из организма тот или иной орган и изучает его, не учитывая его взаимодействия с другими органами). Атомизм и анатомизм не позволяли изучать язык как систему;
- в истории языков главное внимание уделялось движению языкового материала от прайзыка в последовательном расщеплении последнего на языковые ветви вплоть до новых современных языков; изменение этого материала в каждой ветви и каждом языке мыслилось происходящим по тем или иным

фонетическим законам, этим языкам присущим, однако мало внимания уделялось взаимодействию языков внутри семьи, географически близко расположенных, не говоря уже о воздействии на индоевропейские языки языков других семейств;

- в установлении родственной связи между языками внутри семьи не учитывалась возможность самостоятельного, параллельного возникновения сходных явлений: если в близкородственных языках таковые явления обнаруживались, то считалось, что они уже были присущи языку-предку и от него унаследованы;
- прайзык мыслился монолитным (без раздробленности на диалекты) и одноязыковым: не учитывалась история прайзыка до его распадения.

36. Всех младограмматиков объединяет критика шлейхеровского натурализма, в частности, понимания языка как биологического явления. Для младограмматиков язык — результат человеческой деятельности, т. е. явление социальное, но это декларируемое новое понимание языка не только не подтверждалось их практикой, но и входило с ней в противоречие. Основной упор младограмматики делали на говорящего человека, тем самым, с одной стороны, этот факт дает основание признать младограмматизм одним из направлений лингвистического психологизма, с другой стороны, язык оказывался расчлененным на отдельные речевые акты, имеющие место в речевой деятельности индивида. Г. Пауль писал: “Всякий акт языкового творчества всегда является делом индивида. Правда, одно и то же может быть создано несколькими индивидами, но это не меняет существа акта творчества или его продукта. Никогда не бывает, чтобы несколько индивидов создавали в области языка что-то совместно соединенными усилиями, распределив между собой обязанности. Совершенно иначе обстоит дело в экономической или политической области”.

Изложенное выше имеет и еще одна лингвистическая следствие: младограмматики единственным правильным методом считали самонаблюдение, так как свою собственную речь, речь индивида, ученик знает лучше всего.

Однако младограмматики осознают ограниченность такого подхода. Г. Пауль отмечает: “Для полного описания состояния языка по существу надо было бы провести наблюдение над всей совокупностью представлений, связанных с языком у каждого отдельного индивида, принадлежащего и данной языковой общности, и сравнить затем между собой результаты отдельных наблюдений. Однако в действительности нам приходиться довольствоваться гораздо менее совершенным описанием, которое значительно удаляется от идеала”.

Речь каждого индивида специфична. Почему же она носит социальный характер, т. е. оказывается понятной окружающим? Общепонятность индивидуальной речи младограмматики пытались объяснить тем, что психическая деятельность всех людей одинакова, протекает по одним законам, что речевой аппарат у всех людей одинакового устройства и одинаково соотнесен с работой головного мозга и всего организма в целом.

Однако такое объяснение нельзя признать удовлетворительным: если законы и условия речевой деятельности людей универсальны, то почему не понимают друг друга носители разных языков? Значит, социальный характер речи индивидов обусловливается отнюдь не общностью работы их психики и речевого аппарата. Однако отзвуки биологизма еще долго встречаются в трудах младограмматиков. Тем не менее Г. Пауль писал: “...сущность речевой деятельности может быть лучше всего понята посредством наблюдения над родным языком”.

Психогизм младограмматиков проявился также в том, что все они были сторонниками психологического направления в грамматике, т. е. рассматривали предложение как выражение психологического, а не логического суждения.

Г. Пауль писал: “Грамматика и логика расходятся между собой прежде всего потому, что становление и употребление языка происходит не на основе строго логического мышления, а в результате естественного и неупорядоченного движения представлений, которые в зависимости от одаренности и образования следуют или не следуют логическим законам”.

“Психологические и грамматические категории не идентичны”. Между сторонниками психологического направления в грамматике шел спор относительно того, как получается сочетание представлений, оказавшееся психологическим суждением.

Г. Пауль утверждал, что оно — результат соединения (синтеза) двух разных представлений: в предложении “Собака лает” нашло выражение соединение двух самостоятельных представлений — представления о собаке и представление о лае.

В. Вундт же считал, что сочетание представлений в психологическом суждении — результат расчленения (анализа) одного сложного представления (в нашем примере — представление о лающей собаке) на два простых (представления о собаке и представления о лае). А. А. Шахматов же полагал, что психологическое суждение одинаково может быть результатом как соединения двух отдельно взятых представлений, так и разложения одного сложного представления на два простых. Это мнение, несомненно, ближе к истине.

Рассмотрев весьма весомый вклад младограмматиков в развитие теории языкознания, отметим их ошибочные положения: 1) отрицание языка коллектива, реальное бытие признавалось лишь за речью индивида; 2) фактически изучался не язык, а речевая деятельность индивидов. Не случайно Г. Пауль подчеркивал: “Истинной причиной изменения языка является обычная речевая деятельность”; 3) провозглашая язык явлением социальным, младограмматики подменяли язык индивидуальными речевыми актами, а потому не могли объяснить их социальную природу; 4) наука о языке отождествлялась с историей языка; 5) в объяснении языковых явлений с психологическими позиций младограмматики подчас отождествляли языковые категории с психологическими и подменяли вторыми первые.

Г. Пауль писал: “...истинным объектом для языковеда являются все проявления языковой деятельности у всех индивидов в их взаимодействии друг с другом”.

Таким образом, младограмматизм явился важной вехой в развитии историко-сравнительного и теоретического языкознания, он явился точкой отсчета для практически всех последующих направлений языкознания.

Языкоzнание конца XIX — начала XX в.

1. Возникновение социологии языка.
2. Эстетический идеализм К. Фосслера
3. "Вещи и слова" Г. Шухардта.

1. Социологическое направление в языкоzнании утверждается в борьбе против индивидуально-психологического и натуралистического понимания сущности языка. Социологическое направление не возникло сразу как единая школа, а развилось в результате различных подходов к изучению проблемы языка и общества — проблемы, которая интересовала языковедов с древнейших времен.

Во второй половине XIX в. сторонники психологического направления начинают осознавать тот факт, что языковая семантика является не индивидуально-психологическим, а социально-психологическим явлением. Поэтому язык должен рассматриваться в связи с обществом, его социальным изучением, в связи с социальной дифференциацией языка.

Лингвистический интерес к социальной природе языка раньше всего и наиболее определенно обозначился во Франции. Работа П. Лафарга "Язык и революция" (1894 г.), написанная под влиянием идей марксизма, была для своего времени выдающимся явлением. Это было первое лингвистическое исследование, в котором различие социальных вариантов французского литературного языка на рубеже XVIII—XIX столетий — "классовых", по терминологии П. Лафарга, языков аристократического Версаля и буржуазного Парижа, — было не только зафиксировано, но и объяснено как следствие и отражение общественных противоречий эпохи французской буржуазной революции.

Заслуга французской социологической школы в языкоzнании, созданной А. Мейе (учеником Ф. де Соссюра) и его последователями, состояла в том, что социальный аспект изучения языка впервые был введен в науку как существенный и необходимый.

Выдвинув тезис о социальной природе языка, А. Мейе убедительно показал, что конечной причиной изменения значения слов являются не внутренние сдвиги в контексте и не психологические процессы как таковые, а стоящие за ними социальные факторы:

- изменение реалий, обозначаемых словом (например, перестройка в строительстве и как политическое явление);
- изменение исторических условий употребления слова (до конца 90-х гг. XX в. слово мэр было для нас экзотизмом, обозначающим главу городского управления в Западной Европе; градоначальник занимал ту же должность в дореволюционной России, т. е. слово было архаизмом, сейчас оба слова перешли в активный словарный состав русского и украинского языков);
- употребление слова в более широких или в более узких кругах общества (например, с конца XX в. лагерная и тюремная лексика широким потоком хлынула в нашу речь (бомжи, зэки, шмонать и т. п.), иногда стремясь к терминологичности (беспредел).

А. Мейе была показана связь между развитием цивилизации и изменениями в составе словаря, между интеллектуальным прогрессом и переосмысливанием или возникновением новых грамматических форм и категорий.

К этому периоду, который иногда определяется как период кризиса в языкоzнании, относится создание новых лингвистических школ, находящихся в разной оппозиции к младограмматизму.

К ним относятся школа "слов и вещей", с которой был связан Г. Шухардт, возглавляемая К. Фосслером школа эстетического идеализма и оформленная несколько позднее так называемая неолингвистика.

Все эти школы имеют общие точки соприкосновения, особенно в критике младограмматических доктрин, но вместе с тем обладают и рядом своеобразных черт.

2. Социальная природа и обусловленность языка получили своеобразное истолкование в школе К. Фосслера, носящей название эстетического идеализма (название направления связано с названием программного сборника статей “Idealistische Neuphilologie”, 1922 г.)

Глава школы эстетического идеализма К. Фосслер (1872–1947) был не только лингвистом, но и литературоведом (специалистом в области романской филологии). В 1909 г. он опубликовал свою программную работу “Позитивизм и идеализм в языкоznании”. Изложенной в этой книге концепции он остался верен до конца своей жизни. Последующие его работы “Язык как творчество и развитие” (1905), “Избранные статьи по философии языка” (1923 г.), “Дух и культура в языке” (1925 г.), а также многочисленные статьи либо детализируют высказанные в первой книге положения, либо включают их в более широкие культурно-исторические рамки, исследуя отношение языка и речи, религии, науки, поэзии и т. д. Особняком стоит его книга “Культура Франции в зеркале ее языкового развития” (1913 г., со второго издания — 1929 г. — она называется “Культура и язык Франции”). Эта книга представляет собой применение выдвинутых К. Фосслером теоретических принципов к изучению истории французского языка.

Эстетическая теория языка К. Фосслера сложилась под влиянием лингвистической концепции В. фон Гумбольдта и системы философских воззрений Б. Кроче.

Резко критикуя младограмматиков за отказ от изучения “исходной причинной связи” между явлениями, за механицизм, К. Фосслер назвал такой подход к языку позитивизмом, “смертью человеческого мышления”, “концом философии” и противопоставил ему свою теорию языка, которую он определил как “идеализм”, потому что в ней, вслед за В. фон Гумбольдтом, язык рассматривается как непрерывная творческая духовная деятельность, неотделимая от духовной и интеллектуальной истории народа.

К. Фосслер подчеркивал тот факт, что младограмматики, накопив огромный материал, интересуются только вопросами: что есть в языке? и что в нем происходит? Но младограмматики игнорируют

самый важный вопрос: Почему? Для чего совершаются в языке те или иные процессы? К. Фосслер причины языковых явлений ищет в деятельности души, в интуитивной деятельности индивида, той деятельности, которая лежит в основе художественного творчества в искусстве, когда она оказывается обусловленной эстетическими требованиями и устремлениями.

Единственная реальность и тем самым основной объект изучения для К. Фосслера — речь индивида, понимаемая как духовное творчество личности, служащее средством выражения ее интуиции и фантазии.

С точки зрения К. Фосслера, язык не средство общения, а средство выражения, общая языковая деятельность возможна лишь благодаря “общей духовной предрасположенности” говорящих.

По мнению К. Фосслера, язык и все его компоненты “должны находить свое конечное, единственное и истинное толкование в высшей дисциплине — стилистике”.

К. Фосслер пишет: “Языковое выражение возникает в результате индивидуальной деятельности, но оно утверждается если приходится по вкусу другим, если они его принимают и повторяют либо бессознательно, т. е. пассивно, либо точно так же творчески, т. е. модифицируя, исправляя, ослабляя или усиливая, короче говоря, принимая коллективное участие”.

Таким образом, творческая личность создает новое, инертная масса, если принимает это новое, превращает его в шаблон. Грамматика — это описание и систематизация таких ставших общепринятыми шаблонами средств языка. Грамматика по отношению к стилистике является низшей наукой, именно в стилистике язык получает свое полное и настоящие изучение.

К. Фосслер писал: “Каждое средство выражения, прежде чем стать общепринятым и синтаксическим, первоначально и многократно было индивидуальным и стилистическим, а в устах оригинального художника даже после того, как оно стало общим, не перестает быть индивидуальным. Самые тривиальные обороты в соответствующих контекстах могут звучать в высшей степени впечатляюще и своеобразно”.

Примером, на наш взгляд, является стихотворение А. С. Пушкина “Я вас любил...”, в котором нет окказионализмов и других поэтических средств, однако воздействие его на читателей огромно.

К. Фосслер утверждает, что сколько индивидуумов, столько и стилей.

К. Фосслер и другие представители эстетического идеализма решали научные проблемы с позиций субъективно-идеалистических, выдвигая на первый план экспрессивно-эстетическую функцию языка. Однако, рассматривая язык как культурно-историческое явление, которое невозможно исследовать вне связи с культурой и историей народа, школа эстетического идеализма расширила и обогатила проблематику науки о языке, поставив перед ней ряд новых важных задач: создание лингвистической стилистики, изучение языка писателя, его соотношения с общенародным языком, а также роли художественной литературы в развитии литературного языка народа.

3. Г. Шухардт (1842–1927 гг.), которого иногда называют одним из самых виднейших языковедов всех времен, интересовался широким кругом проблем, смело шел навстречу самым сложным вопросам, выделяя новые проблемы и неутомимо работая над изучением разнообразных языков, хотя основной областью его исследований были романские языки.

Г. Шухардт был сильнее в критике, чем в творческом сознании, он был страстным полемистом с очень широкими и разнообразными интересами.

Помимо романских, Г. Шухардт занимался кавказскими и некоторыми африканскими языками, в сфере его интересов были язык и культура басков, проблемы общего и сравнительного языкоznания. Библиография его работ насчитывает около 800 названий.

Широту своих интересов сам Г. Шухардт мотивировал тем, что наука о языке едина: каким бы языком ни занимался лингвист, он обязан помнить об этом единстве и понимать его.

Ученый справедливо утверждал, что все языки равны по своей природе, а несходство между ними определяется прежде всего степенью их исторического развития, условиями их возникновения и функционирования.

В острой борьбе с концепцией младограмматиков Г. Шухардт, постоянно подчеркивал, что язык не является биологическим организмом, вещью (“die Sprache rein Ding ist”), язык — это процесс (Morgang), который находится в состоянии постоянного и вечного становления. Определение языка должно быть детерминировано самим его развитием (“ihre definition liegt in ihrer Entwicklung”).

Сам Г. Шухардт не склонен был переоценивать широту своих интересов. На вопрос о том, сколько языков он знает (об этом его часто спрашивали), он неизменно отвечал: “Едва только свой родной язык, немецкий”.

Язык Г. Шухардт считал продуктом говорящего индивида: положения, условия жизни индивида, его характер, культура, возраст и т. д. оказывают, по его мнению, прямое влияние на язык, создают определенный индивидуальный “стиль”, который затем путем имитации генерализуется. Таким образом, Г. Шухардт закладывает фундамент для разработки такой категории, как языковая личность (см. труды Ю. Н. Карапулова, вышедшие в конце XX в., и др.).

Г. Шухардт, выступая против младограмматиков, отрицал застывшемерности в звуковых изменениях, возможность деления истории языка на четко разграниченные хронологические периоды, наличие границ между отдельными говорами, диалектами, языками. Ученый подчеркивал то, что локальные говоры, поддиалекты, диалекты и языки — абсолютно условные понятия. Это последнее утверждение одной стороной направлено против фонетических границ (нет пространственных границ их действия), а другой — против генеалогической классификации языков по принципу их единства.

Вместо генеалогической классификации языков он выдвигал термин “географического выравнивания”, под которым ученый подразумевает непрерывность переходов одного языка в другой в соответствии с их географическим положением. Он разрабатывает учение о “элементарном” родстве языков, построенном на общности психической природы людей.

Противоречивость суждений Г. Шухардта, неудовлетворенность его пытливым и постоянные поиски все новых решений не способ-

ствовали созданию им особой школы. Он остался фактически одноким в истории языкоznания, хотя отдельными его выводами пользовались и пользуются языковеды, нередко принадлежащие к самым различным направлениям.

Важной проблемой, которой занимался Г. Шухардт, является номинация.

Одним из крупнейших недостатков младограмматиков является изучение языка в отрыве от быта народа, от реальной действительности, в которой язык используется и в связях с которой совершаются его история.

В противовес младограмматикам язык начинают изучать в его естественной, необходимой связи с реальным окружением, и в первую очередь с вещами, с которыми имеет дело человек в своей практической деятельности.

В 1909 году группа австрийских ученых Р. Мерингер, В. Мейер-Любке и др. основали журнал "Слова и вещи", в котором пропагандировалась необходимость изучения слов вместе с обозначаемыми ими вещами.

Принципиальное обоснование нового подхода к изучению языка дал Г. Шухардт в работе "Вещи и слова" (1912 г.). Автор утверждает: жизнь слова только тогда понятна, когда понятна сама обозначаемая этим словом вещь и ее история. Особенно это ясно при заимствовании слова одним языком из другого, т. к. оно обычно является следствием заимствования предмета или понятия одним народом у другого. Так, слово "плуг" заимствовано из немецкого "der Pflug" вместе с обозначаемым этим словом орудием для вспашки земли. На постсоветском пространстве весьма активны американские вязьмы в связи с изменением экономических, политических и культурных приоритетов, таким образом проявляется связь географии вещи, понятия и слова и важность учета этой связи в языкоznании.

Но имеются и другие аспекты связи слова и вещи. Так, в языке существуют синонимы — разные слова для обозначения одной и той же вещи. Этот факт оказывается понятным лишь в том случае, если изучена сама вещь: каждый из ее признаков может стать основанием для номинации. Так, например, один и тот же гриб назы-

вается красноголовиком (по цвету шляпки) и подосиновиком (по месту произрастания — под осиной).

Соотношение вещи и ее названия лежит в основе полисемии, метафоры, когда признаки одного предмета переносятся на другой. Так, высокие качества металла золота переносятся на этические категории (золотое сердце, золотые руки, золотой характер и т. п.).

Перенос наименования одного предмета на другой (полисемия) невозможно объяснить, не зная предметы. Понятно, почему верхняя часть бутылки называется "горлышком", так как бутылка в целом напоминает человеческую фигуру.

В основу номинации одних и тех же предметов и явлений в разных языках могут быть положены разные признаки. Например, женщина в греческом *potnia* (хозяйка), в санскрите *stri* — "производящая" (то же самое в восточнославянских языках), в немецком *Weib* — труженица и т. д., хотя женщина во всех культурах и матерь, и хозяйка, и труженица.

Таким образом, проблема связи "слова" и "вещи" лежит в основе современной теории номинации.

Новаторство Г. Шухардта обнаружилось в стремлении показать активный характер языка, его воздействие на поведение (в широком смысле) людей, его роль в обществе, в процессе коммуникации, во взаимоотношениях между людьми. Этим ученый близок и к более поздним идеям социальной лингвистики.

Социологическое рассмотрение языка становится обычным в сравнительно-историческом и описательном языкоznании.

Казанская лингвистическая школа

1. Неограмматизм.
2. Общая характеристика концепции И. А. Бодуэна де Куртенэ.
3. Вклад Н. В. Крушинского в решение проблем общего языкоznания.
4. Лингвистические проблемы в трудах В. А. Богородицкого.
5. Теория фонемы и фонетических альтернаций.
6. Понятия морфемы и морфологических процессов.

1. В начале XX в., когда вслед за крупными открытиями, сделанными в области языкоznания с помощью младограмматических методов исследования, наступил период относительного затишья, поднимается ожесточенная критика младограмматизма.

Для языкоznания конца XIX — начала XX в. характерно не только отрицание биологизма А. Шлейхера и психологического индивидуализма Г. Пауля, но и подчеркивание относительной автономности языковой системы и лингвистики, стремление определить сущность системы языка, создать классификацию лингвистических дисциплин. Оригинальность школ, переходность периода в языкоznании не позволили дать этому направлению специального названия. В. И. Кодухов предлагает термин **неограмматизм**. По мнению ученого, для него характерны следующее понимание языка:

1. Язык не природный организм и не индивидуальное явление; язык по своей сущности социален, причем его социальность понимается как обязательность языка для говорящего и как коллективно-психологическая сущность.

2. Предметом языкоznания является не только история языка и его этнографическое распространение, но и структура (строение)

современного языка, определение его единиц, их отношений и самого строя языка.

3. Для неограмматики типично выдвижение на передний план истории грамматики, понимаемой как учение о форме языка.

4. Неограмматизм считал важнейшим теоретическим вопросом языкоznания уточнение аспектов исследования и классификацию лингвистических дисциплин. Это требование возникало иззнания самостоятельности лингвистики как науки и сложности объекта.

Наиболее значительными школами неограмматизма явились Казанская лингвистическая школа, Московская лингвистическая школа и Хеневская лингвистическая школа.

2. Казанская лингвистическая школа — одно из направлений русского языкоznания второй половины XIX в., представители которого (И. А. Бодуэн де Куртенэ и его ученики — Н. В. Крушинский, В. А. Богородицкий, А. И. Анастасьев, А. И. Александров, Н. С. Куранов, П. В. Владимиров и др.) работали в Казани в 1875—1883 гг. К Казанской лингвистической школе принадлежали также В. В. Радзев, С. К. Булич, К. Ю. Аппель. Идеи Казанской лингвистической школы изложены в подробных программах лекций, читанных И. А. Бодуэном де Куртенэ в этот период в Казанском университете в книге Н. В. Крушинского “Очерк науки о языке” (1883) и в его посмертно изданных “Очерках по языковедению” (1891—1893 гг.), в работах В. А. Богородицкого “Очерки по языковедению и русскому языку” (1901, 4 изд. 1939), “Лекции по общему языковедению” (1911 и др.), в статьях А. И. Анастасьева “Морфологический анализ слова” (1884—1887 гг.), “Отношение звуков русского языка к правилам русской азбуки” (1879 г.) и др.

Обратимся к творчеству наиболее ярких представителей Казанской лингвистической школы.

Иван Игнацы Нечислав (Иван Александрович) Бодуэн де Куртенэ родился 13 марта 1845 г. в Радзымине (25 км к северу от Варшавы). Он учился в Варшаве, в реальной гимназии, где обратил на себя внимание математическими способностями, что позднее сказалось в представлении им своих лингвистических идей (см., напр., гра-

фик соотношения истории и развития языка, формула языковых изменений и др.). В 1866 г. он окончил варшавскую Главную школу, после чего как стипендиат министерства народного просвещения России отправился за границу в Прагу, Вену, Берлин, Лейпциг. Во время заграничной командировки (1866–1868 гг.) побывал в Праге, где слушал лекции А. Шлейхера, в Берлине — лекции санскритолога Вебера. Однако в языкоznании Бодуэн был оригинальным, самостоятельным ученым и называл себя автодидактом, т. е. самоучкой.

В 1870 г. вышла из печати в Лейпциге знаменитая диссертация Бодуэна “О древнепольском языке до XIV столетия”, на основе которой автор получил в Петербургском университете степень магистра сравнительного языковедения и звание приват-доцента.

В 1874 г. Бодуэн получил в Петербурге степень доцента сравнительного языковедения на основе работы “Опыт фонетики рязанских говоров” и в том же году начал читать лекции в Казанском университете сначала в качестве доцента, а затем экстраординарного и ординарного профессора.

С 1883 г. по 1893 г. он был профессором Юрьевского университета, с 1893 по 1900 — Krakowskого. Вследствие отказа венского министерства возобновить контракт с Бодуэном, он вынужден был покинуть Krakов и переехать в Петербург, где преподавал в университете сравнительное языковедение и санскрит.

В 1918 г. по приглашению Варшавского университета в качестве почетного профессора Бодуэн приехал в Варшаву, где работал до самой смерти, наступившей 3 ноября 1929 г.

Свои многочисленные работы Бодуэн писал на русском, польском, чешском, немецком, французском, итальянском и литовском языках.

В работах И. А. Бодуэн де Куртенэ часто предвосхищал положения и теории, которые в дальнейшем оказывались основополагающими для целых лингвистических направлений.

Еще до младограмматиков он стал последовательно применять к изучению звуковых процессов принцип аналогии (его даже называли одним из основоположников младограмматизма). Но он же

подверг резкой критике механистическое понимание младограмматиками звуковых законов, указав на то, что они являются результатом действия разнообразных и часто противоречивых факторов, поэтому их вообще нельзя называть законами.

Он выступил также против проповедуемого младограмматиками универсально-исторического подхода к изучению фактов языка и защищал права “писательского” исследования языка. В связи с этим находится и его положение о законности двух точек зрения на язык — статической и динамической, которые позже появляются у Ф. де Соссюра под именем синхронической и диахронической лингвистики.

И. А. Бодуэн де Куртенэ критиковал компаративистов за схематическую прямолинейность их реконструкций и призывал отдавать предпочтение изучению живых языков и диалектов, на материале которых можно отчетливей вскрыть связь явлений, причины их изменений и всю совокупность факторов, управляющих развитием языка.

Он много способствовал укреплению в языкоznании психологической точки зрения (“Объяснение языковых явлений может быть только психологическим или в известных пределах физиологическим”), но в то же время стремился внедрить социальный подход к языку (“Язык как в целом, так и во всех своих частях имеет только тогда цену, когда служит целям взаимного общения между людьми”). В развитии этого общего положения он задолго до возникновения социологической школы указывал на социальную дифференциацию языка.

И. А. Бодуэн де Куртенэ учил, что корни и основы — отнюдь не реальные элементы языка (как думали А. Шлейхер и др.), а лишь научные абстракции, они изменяются в жизни языка. В статье “Заметки об изменяемости основ склонения, в особенности же об их сокращении в пользу окончаний” (написана в 1870 г., опубликована в 1902 г.) Бодуэн устанавливает закон для славянских языков, согласно которому индоевропейские основы на — а, -и, ү под действием фонетических законов и аналогии видоизменялись: конечные согласные под действием закона открытого слога исчезли, а предшествующие им гласные основы стали окончаниями.

Бодуэн одним из первых поставил вопрос об относительной хронологии звуковых изменений в индоевропейских языках (этот принцип позднее развивал его последователь В. А. Богородицкий). Так, самыми поздними в истории звуков русского языка являются дивергенты — гласные, различающиеся в ударном и безударном положении (в^ол — в^Алы; о // А), им предшествуют коррелятивы — звуки, некогда одинаковые, но ставшие различными (темь — темный; э // о) — эти чередования появились на русской почве. Чередования лечу — летит (ч // т) возникли в общеславянском языке, а чередования типа носить-нести (о // э) восходят к дославянскому периоду, а может быть — и к праязыку.

Бодуэн считал, что звук речи не является единицей языка, потому что он в языке может существовать лишь в составе морфемы. Ученый делает вывод: “стало быть, морфологические сопоставления составляют исходную точку для сопоставлений фонетических”. И. А. Бодуэн де Куртенэ — основоположник учения о фонеме, которое продолжали развивать его ученики (прежде всего — Л. В. Щерба). Учение о фонеме — существенный вклад отечественной лингвистики в мировую науку.

Бодуэн заложил основы истории польского языка, изучение которого затрудняется тем, что практически не сохранилось древних польских памятников, поэтому его историю приходится в основном восстанавливать по отдельным польским словам, чаще антропонимам и ономастической лексике, вкрапленным в средневековые документы (папские буллы и т. п.), написанные на латыни.

Бодуэна и его школу характеризует острый интерес к общим проблемам языкоznания, стремление к широким обобщениям, “без которых немыслима ни одна настоящая наука”.

В решении поставленных проблем Бодуэн исходил из психической деятельности индивида. Рассматривая язык как всегда находящийся в движении, он сводил появляющиеся в нем изменения и действию таких фактов, как привычка (бессознательная память), стремление к удобству (к экономии сил и времени), бессознательного забвения, бессознательной абстракции, бессознательного обобщения (анalogии) и т. д.

Как и младограмматики, Бодуэн считал, что реально существует не только языки индивидов, но уже пытался объединить психическую и социальную природу языка. Признавая язык исторической категорией, Бодуэн считал, что в изучении языка невозможно ограничиться только его историей (звуков, форм и т. д.), но необходимо читывать общие признаки жизни языка, внутренние и внешние факторы, определяющие его существование. И. А. Бодуэн де Куртенэ утверждал, что каждый язык должен изучаться сам по себе, т. е. без навязывания ему предвзятых схем.

Ученый исследовал и диалекты, признавая за каждым народом неотъемлемое право на свой язык. За брошюру “Национальный и территориальный признак автономии” (1913 г.), в которой он отстаивал право наций на самоопределение, Бодуэн был приговорен царским судом к двум годам тюремного заключения и был освобожден по настоянию общественности.

З. И. А. Бодуэн де Куртенэ посвятил Н. В. Крушевскому статью, в которой оценил его так: “Крушевский принадлежал к лингвистам-“философам”, т. е. к лингвистам, стремящимся к обобщениям, стремящимся к открытию и формулировке общих законов языковой жизни. Фактический материал также давали ему ариоевропейские языки… он обладал необыкновенной способностью использовать фактические сведения для своих научных обобщений”.

Николай (сын Вацлава) Хабданк Крушевский родился в Луцке 6 (18) декабря 1851 г. Начальный курс он прошел в бывшей шляхетской (уездной) трехклассной школе в Луцке. Потом он перешел в четвертый класс в гимназии в Хельме (Люблинской губернии), которую окончил с серебряной медалью и поступил на историко-филологический факультет Варшавского университета.

В университете истории он занимался немного, главным образом работал над философией, слушая лекции и самостоятельно изучая английских философов. По мнению И. А. Бодуэна де Куртенэ, “это была превосходная школа мышления, побуждавшая к точной формулировке своих мыслей, а также к удачному обобщению деталей”.

В 1875 г. Н. В. Крушевский закончил Варшавский университет и вскоре женился. Чтобы содержать семью, устроился учителем

гимназии в г. Троицке Оренбургской губернии, там проработал 3 года, а затем до конца жизни прожил в Казани.

Магистерскую диссертацию “К вопросу о гуне. Исследование в области старославянского вокализма” Н. В. Крущевский защитил в 1881 г., а докторскую “Очерк науки о языке” в 1883 г.

В 1885 он был назначен ординарным профессором сравнительной грамматики и санскрита в Казанском университете, читал курсы антропофоники и санскрита, некоторые отделы русской сравнительной грамматики, сравнительной грамматики романских языков, историческую фонетику французского языка, а также общее языкознание, сравнительную фонетику ариоевропейских языков, лингвистическую палеонтологию.

С 1880 г. Н. В. Крущевский начал болеть, последнее его письмо датировано 15 сентября 1885 г. Для нации, по мнению И. А. Бодуэна де Куртенэ, перестал существовать с конца 1884 г., а с конца 1885 г. — это была “только тень видимости человека”. Смерть наступила 3 октября (12 ноября) 1887 г.

За свою недолгую жизнь Н. В. Крущевский успел опубликовать немного работ, основные — “Очерк науки о языке” (1883) и изданные посмертно “Очерки по языковедению. Антропофоника” (1893). Но и в этом немногом он проявил себя как талантливый и глубокий ученый.

Главной задачей лингвистики ученый считал определение законов развития языка, и основной закон усматривал в “соответствии мира слов миру мыслей”. Изучение законов развития как конкретных языков, так и языка вообще Н. В. Крущевский считал возможным проводить в первую очередь на материале живых языков: “Только изучение новых языков может способствовать открытию разнообразных законов языка, теперь известных потому, что в языках мертвых их или совсем нельзя открыть, или гораздо труднее открыть, нежели в языках новых. Наконец, только изучение новых языков может установить взаимную связь между отдельными законами”.

В статье “Предмет, деление и метод языкознания” (1880 г.) он призывает построение всякого рода прагматик заменить изучением

живых языков. Н. В. Крущевский пытался найти общие законы, управляющие жизнью языков. Элементы языка (предложения, слова, морфемы) одновременно и сложны и неустойчивы по своей природе. Данные свойства делают их изменчивыми, а это определяется внутренней необходимостью системы языка, что приводит к вечной перегруппировке элементов и к их видоизменению.

Н. В. Крущевский обращает внимание на то, что фонетические законы констатируют лишь внешнюю сторону звуковых изменений, тогда как нужно вскрыть внутренние факторы последних.

В “Очерке науки о языке” Н. В. Крущевский рассматривает язык как систему знаков и сосредоточивает внимание на соотношении между мышлением и языком: развитие языка есть вечное стремление к соответствию между ним как системой знаков и содержанием мышления, т. е. тем, что эти знаки обозначают. Однако достижение полного соответствия невозможно, поэтому процесс развития бесконечен.

Н. В. Крущевский считал, что в основе языковой деятельности человека лежат ассоциации. Ученый отмечает: “Все старое в языке основывается преимущественно на воспроизведстве, на ассоциации по смежности, тогда как новое — на производстве, на ассоциации по сходству. Прогресс языка с известной точки зрения представляется нам как вечный антагонизм между прогрессивной силой, обусловливаемой ассоциацией по сходству, и консервативной, обусловленной ассоциацией по смежности”.

В плане изучения законов развития языка Н. В. Крущевский уделяет много внимания (как и В. А. Богородицкий) вопросам морфологической структуры слова и словообразования. Он подвергает тщательному анализу намеченные И. А. Бодуэном де Куртенэ процессы переинтеграции составных элементов слова (переразложение и опрощение), а словообразование стремится представить в виде стройной системы одинаково организованных типов слов, обладающих своими закономерностями. Образование же этих структурных типов слов он ставит в связь с обозначаемыми ими понятиями.

4. В. А. Богородицкий (1857–1941) всю свою научную жизнь провел в Казанском университете. Придерживаясь в целом положений,

которые характеризуют Казанскую лингвистическую школу, он развивал и уточнял их, фиксировал основные принципы научного изучения языка.

В. А. Богородицкий определяет язык как “средство обмена мыслями”, причем средство “наиболее совершенное”. Более того, язык “в значительной мере является и орудием мысли, он служит вместе с тем показателем успехов классифицирующей деятельности ума”.

Ученый подчеркивал и социальную природу языка: “Однаковость языка, объединяя людей к общей деятельности, становится таким образом социологическим фактором первой важности”.

Как и другие представители Казанской лингвистической школы, особенно ее глава И. А. Бодуэн де Куртенэ, В. А. Богородицкий отличался широчайшим кругом интересов, хотя основное внимание он сосредоточивал на русском языкоznании (например, “Гласные без ударения в русском языке”, Казань, 1884 г.; “Общий курс русской грамматики”, изд. 5, 1935 г.; “Очерки по языковедению и русскому языку”, изд. 4, 1939 г.; “Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных”, Казань, 1930 г. и др.), ему также принадлежат солидные работы в области общего и индоевропейского языкоznания (“Лекции по общему языковедению”, изд. 2, Казань, 1914 г.), романо-германского языкоznания (“Введение в изучение современных романских и германских языков”, Москва, 1953) и особенно — тюркского языкоznания (“Этюды по татарскому и тюркскому языковедению”, Казань, 1933; “Введение в татарское языковедение в связи с другими тюркскими языками”, Казань, 1934; “О научных задачах татарского языкоznания”, Казань, 1934 и др.).

В. А. Богородицкий явился одним из основоположников экспериментальной фонетики. Он создал при Казанском университете первую в России экспериментально-фонетическую лабораторию, и его работы по экспериментальному изучению звуков человеческой речи предшествуют работам в этой области аббата Русло, В. А. Богородицкий первым развернул исследования по определению относительной хронологии фонетических явлений, которыми он занимался еще в конце XIX в.

С именем В. А. Богородицкого связывается теория морфологических процессов, в частности — переразложения и опрошения.

5. В Казанский период деятельности И. А. Бодуэн де Куртенэ и Н. В. Крушевский вводят термин “фонема”, позаимствовав его у Ф. де Соссюра, но содержание в него они внесли свое.

В работе “Некоторые отделы “сравнительной грамматики” славянских языков” (1881) И. А. Бодуэн де Куртенэ определяет фонему как обобщенное выражение всех антропофонических свойств звуков, как фонетический тип: “...знаки... фонем — это знаки фонетических типов, знаки отвлеченностей, знаки результатов обобщения, очищенных от положительно данных свойств действительного появления или существования”.

Давая определение фонемы, И. А. Бодуэн де Куртенэ учитывает ее этимологом-морфологический характер, т. к. “морфологические сопоставления составляют исходную точку для сопоставлений фонетических”. Таким образом, И. А. Бодуэн де Куртенэ говорит о тесной связи фонетики и морфологии. Позднее понимание фонемы Бодуэном несколько изменилось, и он стремится дать психологизированное определение фонемы: “Постоянно в нашей психике существующее представление “звука”, т. е. одновременного сложного комплекса произносительных работ и получаемых от этого впечатлений, мы будем называть фонемой”, т. е. фонема становится нематериальным образом в сознании.

Однако, по мнению Ф. М. Березина, это не переход от одного понимания фонемы к другому, т. к. в разное время Бодуэн фонемами называл различные единицы.

В классическом труде “Опыт теории фонетических альтернаций” (1895 г.), положившем начало морфонологии, И. А. Бодуэн де Куртенэ объясняет фонетические изменения на морфологическом уровне.

Под альтернацией он понимает отношение друг к другу фонетически различных фонем, находящихся в этимологически родственных морфемах и занимающих в фонетической структуре этих морфем постоянное место. Так, в морфологических формах *везу-воз*, *несу-ноша*, *муха-мушка*, фонемы *e* // *o*, *c* // *ш*, *x* // *ш* находятся в отношениях альтернации и являются альтернатами.

Ученый писал: “...Во всех подобных случаях альтернирующими единицами могут считаться не фонемы, а целые морфемы, так

как только морфемы являются семасиологически неделимыми языковыми единицами, а фонемы составляют часть определенного типа морфем. Следовательно, в приведенном примере альтернирующими (чредующимися) являются морфемы: *вез-* // *воз-*, *нес-* // *нош*; фонетическое различие морфологически родственных морфем И. А. Бодуэн де Куртенэ называет **фонетической альтернацией**. Для альтернации чрезвычайно важно, по его мнению, историческое происхождение фонем из общего источника, этимологическое родство в пределах одного и того же языка.

При этимологическом родстве морфем в разных языках мы имеем дело с **корреспонденцией**.

Причиной альтернации являются **произносительные нормы**, характерные для данного состояния языка.

С точки зрения фонетической (антропофонической) причинности, в альтернациях можно выделить **дивергенции**, т. е. чередования, возникшие в современном языке вследствие расщепления одной фонемы на две под воздействием фонетического окружения. Сравним *а* с словах *мат* и *мать*, под влиянием *т'* а передвинулось в более переднее положение. Это чисто **фонетическая дивергенция**.

Расщепление гласного в родственных морфемах дает фонетически-этимологическую **дивергенцию**, или **неофонетическую альтернацию**: *воды*, *водá*, *водяной* — *о//آ//ъ*.

Альтернация фонем, связанная с морфологическим или смысловым различием, дает **корреляции**, или **психофонетические альтернации**, используемые наряду со словообразующими морфемами для различия морфологических категорий (*носить* — *ноша* — *с//ш*; *святить* — *свеча* — *т'//ч*); сюда же относится внутренняя флексия, служащая для различия видовых значения глаголов (русск. *ходить* — *хаживать* — *д//ж*), образование множественного числа (нем. *Wolf* — *Wölfe* — *о//ö*).

В морфологических чередованиях фонетическую значимость имеют нулевые фонемы (*сон* — *сна*, *о // о зв.*); нулевой фонеме аналогична нулевая морфема, как писал И. А. Бодуэн де Куртенэ, “лишенная всякого произносительно-слухового состава и тем не менее

ассоциируемая с известными семасиологическими и морфологическими представлениями”.

Таким образом, для дивергентов характерна фонетическая причинность, для коррелятивов — психическая, для палеофонетических — историческая эволюция языка.

Наряду с перечисленными макроскопическими процессами, И. А. Бодуэн де Куртенэ выделяет микроскопические, эмбриональные альтернации фонем (типа *гód* — *годá*, где ударные и неударные гласные [а, о] вызывают несколько различное звучание [г, д]).

Учение И. А. Бодуэн де Куртенэ о фонеме, не понятое современниками ученого, активно используется современной лингвистикой.

6. И. А. Бодуэн де Куртенэ первым в лингвистике обратил внимание на историческую изменчивость основ склонения в индоевропейских языках. Он указал на то, что корни или основы слова, как и вообще все в языке, подвергаются постоянным изменениям, фонетическим и под влиянием аналогии, которые приводят к изменению границ между морфемами слова. Он прослеживает последовательные этапы процесса переоформления древних основ, начиная с праязыка и до появления отдельных языков. Итогом такого морфологического переоформления явилось, по мнению И. А. Бодуэна де Куртенэ, полное смешение типов склонения, исчезновение категорий основ в их прежнем значении и появление новых основ. Бодуэн также определил основное направление процессов переоформления морфологической структуры слова в индоевропейских языках. Данные положения развивал Н. В. Крушинский и В. А. Богородицкий.

Н. В. Крушинский установил то, что в индоевропейских языках корень, суффикс и флексия зависят друг от друга, часто смешиваются, так что границы между ними становятся изменчивыми. Это приводит к тому, что корень развивается и обогащается морфологическим путем, поглощая суффикс или префикс.

Однако ученый решал вопросы изменения структуры слова, в частности проблемы морфологической абсорбции, лишь в общетеоретическом плане. Когда же он обращался к конкретному языковому материалу, то делал выводы несколько односторонние, напри-

мер, что при морфологической абсорбции решающую роль играет только фонетические изменения.

Восприняв идеи Н. В. Крущевского, В. А. Богородицкий характеризует виды абсорбции: аналогию, дифференциацию, оправдание, переразложение и обращает внимание на их исторический характер.

Анализируя аналогию, В. А. Богородицкий определяет фонетические и морфологические основы ее действия.

Под фонетической основой действия аналогии он понимает дивергенцию (расщепление) морфем, возникающую в результате фонетических процессов. Сущность морфологической основы аналогии стоит в изменении формы слова под влиянием другой формы, выражающей то же или подобное значение. Например, глагол *чихать* в первом лице единственного числа имел форму *чешу* (ср. пишу), однако под влиянием широко распространенных глаголов с темой — а- в инфинитиве (читать-читаю, мечтать-мечтать) в настоящее время употребляется форма *чихаю*. Возможно, в данном случае наблюдается еще стремление избежать омонимии (чешу от глагола чесать).

Причины дифференциации кроются в выразительности языка: за каждым вновь возникающим оттенком значения закрепляется, по возможности, и особое выражение. Например, оттенки значений окончаний форм родительного падежа единственного числа существительных мужского рода (*цвет снега* — *много снегу*, флексия — свойственна словам с количественным значением).

Переразложение, или изменение границ между морфологическими элементами слова, чаще всего происходит между основой и флексией и а приводит к сокращению основ (основа на а рыба утрачивает тематический гласный, который переходит к окончанию: *рыбá* — *мъ*, *рыбá* — *хъ>рыб-ам*, *рыб-ах*); переразложение возможно между префиксом и основой, когда в качестве префикса выступает предлог, древнейшая форма которого оканчивалась на н, например

кън — *кмоу > к нему*

вън — *кго > в него*

сън — *кмъ > с ним*

Морфологические изменения основ В. А. Богородицкий подразделяет на изменения *внешней* стороны (аналогия, дифференциация, переразложение) и *внутренней* стороны (оправдание).

Под оправданием В. А. Богородицкий понимает такой случай изменения морфологической структуры слова, когда “слово, в умах индивидуумов прежнего времени разлагавшееся на морфологические части, в умах индивидуумов последующего времени не разлагается, становится простым”.

Причины оправдания: 1) потеря со временем значения, связывавшегося с данным словом, например, слово *подушка* не связывается с *ухом*; 2) выход из употребления родственного слова, когда слово остается одиноким в языке (например, слово *кольцо* связано со словом *коло*, которое утрачено в современном русском языке).

Оправдание может быть *неполным*, когда еще возможна “продукция слова, и *полное*, как, например, в слове *сутки*. Если бы мы вздумали попросту разложить это слово на морфологические части, то, вероятно, разложили бы *сут-ки*, принявши *сут* за корень, а *ки* за суффикс с окончанием: такое деление получилось бы с точки зрения чутья современного языка. Между тем, принявши в соображение этиологические указания, мы должны разделить это слово так: *су-тк-и*, где корень *тк*... (ср. *ткнуть*)”.

В. А. Богородицкий различал еще оправдание внутреннее и внешнее.

Пример *внутреннего оправдания* — *слава богу*, словосочетание, утратившее в современном языке первоначальное значение и употребляющееся в значении “хорошо”. Пример *внешнего оправдания* — слово *безвыходный*; сложного префикса *безвы* — нет, хотя слово *выход* имеет прозрачный морфологический состав.

Семасиологическое оправдание — слово *дворянин*, не связываемое в сознании со словом *двор*.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что для Казанской лингвистической школы характерны следующие принципы: преимущество строгого разграничения звуков и букв, фонетической и морфологической членности слова; четкая дифференциация процессов, происходящих в языке на данном этапе его существования, и

процессов исторических, совершающихся на протяжении длительного времени (это была первая — еще до Ф. де Соссюра — попытка сформулировать различия между синхронией и диахронией); преимущество наблюдений над живыми языками и изучения новых языков — перед догадками, извлекаемыми из рассмотрения памятников письменности, в связи с чем подчеркивалась особенная значимость диалектологии. “Казанцы” последовательно утверждали и отстаивали в своих работах полное равноправие всех языков как объектов исследования. Характерной чертой Казанской лингвистической школы, и в особенности И. А. Бодуэна де Куртенэ и Н. В. Крушинского, было стремление к обобщениям, без которых, как подчеркивал Бодуэн, “немыслима ни одна настоящая наука”.

Наиболее плодотворные идеи Казанской лингвистической школы позднее развивались и углублялись учеными московской фонологической школы и пражской лингвистической школы, а также представителями других направлений отечественного и зарубежного языкознания.

Московская лингвистическая школа

1. Общая характеристика Московской лингвистической школы.
2. Лингвистическая концепция Ф. Ф. Фортунатова.
 - а) общая характеристика;
 - б) учение о форме слова;
 - в) синтаксические аспекты концепции;
3. Лингвистические воззрения А. А. Шахматова.

1. Московская лингвистическая школа — направление, сложившееся вследствие научной и преподавательской деятельности Филиппа Федоровича Фортунатова в Московском университете в 1876—1902 гг. Концепция школы в области русистики, славистики, компартистики, общей теории языка оказала существенное влияние на развитие отечественного и европейского языкознания. Московскую лингвистическую школу называют **формальной**, т. к. ее представители стремились выделить собственно лингвистические критерии для анализа языковых фактов — форму. Пафос Московской лингвистической школы, по словам Л. Ельмслева, “в протесте против смешения грамматики с психологией и логикой”.

Московская лингвистическая школа внесла существенный вклад в процесс осознания целостности языкознания соответственно самой природе языка как целостного предмета науки, такой подход создавал научные основы для разработки новых методов и приемов лингвистического анализа.

Учениками Ф. Ф. Фортунатова были А. А. Шахматов, М. М. Покровский, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, А. М. Пешковский, В. К. Поржезинский, В. М. Истрин, В. Н. Щепкин, Б. М. Ляпунов,

А. М. Томсон и др., а также иностранные ученые О. Брок, А. Белич, Э. Бернекер, Н. ван Вейк, Х. Педерсен, Т. Торбъёрнссон, Ф. Зольмсен, И. Ю. Миккола, Й. Богдан, М. Мурко и др.

2а. Ф. Ф. Фортунатов родился 2 (14) января 1848 г., (умер 20 сентября 1914 г.) в семье директора училищ Олонецкой губернии. Уже в раннем возрасте у Ф. Ф. Фортунатова пробудился интерес к вопросам русского языка, о чем свидетельствуют находящиеся в его архиве записки по русской грамматике и тетради по русской словесности, сделанные в десятилетнем возрасте.

После окончания гимназии в 1864 г. Ф. Ф. Фортунатов поступает в Московский университет, который закончил в 1868 г. В 1871 г. сдал магистерский экзамен, осенью того же года он был командирован за границу и за 2 года слушал в Лейпциге лекции А. Лескина и Г. Курциуса, в Париже — М. Бреали, в Лондоне и Берлине изучал санскрит и ведийский язык, в Кенигсберге — древние рукописи и документы литовского языка.

С января 1876 г. Ф. Ф. Фортунатов приступил к чтению лекций по языкоznанию и сравнительной грамматике в Московском университете, создав первое систематическое преподавание этих курсов.

Вся жизнь ученого связана с Московским университетом, где он 25 лет читал лекции по старославянскому и литовскому языкам, санскриту, общему языкоznанию, сравнительной фонетике и морфологии индоевропейских языков, вел семинары, готовил молодых ученых.

Все его мысли и идеи изложены в лекциях, при жизни опубликованы всего 36 статей. Лишь в 1956 году были изданы 2 тома избранных трудов, содержащих в частности 4 обширных университетских курса.

Рассмотрим его концепцию.

Задача языкоznания как науки — “понять язык, т. е. установить, узнать причинную связь понятий, представляемых языком, а эта связь может быть открыта лишь при историческом изучении, так как каждое явление имеет причины в целом ряде предшествующих явлений”

Ф. Ф. Фортунатов говорит о развитии языка: “Язык изменяется во внешней стороне — звуках и во внутренней стороне — значении слов. В объяснении этих изменений и заключается, следовательно, объяснение фактов языка”.

Это стремление изучать причинно-следственные связи фактов языка — сильная сторона Московской лингвистической школы, в этом плане данная школа опередила многие течения языкоznания середины XX в., в частности американский дескриптивизм.

Особенно велико значение разысканий Ф. Ф. Фортунатова в сравнительном славяноведении. Придерживаясь принципа относительной хронологии звуковых явлений, ученый указывал на то, что в истории старославянского языка переход заднеязычных “г”, “к”, “х” в “з”, “ц”, “с” перед ъ и і дифтонгического происхождения произошел ранее, чем в шипящие “ж”, “ч”, “ш” перед гласными переднего ряда и перед ј.

Ф. Ф. Фортунатов является одним из основоположников индоевропейской акцентологии. По мнению Л. В. Щербы, “акцентология балтийских и славянских языков — один из триумфов современной сравнительной грамматики”. В 1897 г. Ф. Ф. Фортунатов открывает одновременно с Ф. де Соссюром закон переноса ударения в связи с качеством слогового акцента в балтийских и славянских языках, закон, которому много позднее присваивается имя Фортунатова — Соссюра.

Ф. Ф. Фортунатов ввел в программу филологического факультета чтение курса литовского языка, имеющего особо важное значение для славистики, т. к. он, с одной стороны, наиболее близок к славянским языкам, а с другой — наиболее архаичный из всех современных индоевропейских языков.

Ученый считал необходимым изучать современные языки не только по отношению к праязыку (как это делали представители старшего поколения компаративистов), но и самостоятельное развитие каждого из них, причем всякий современный индоевропейский язык рассматривается как один из возможных вариантов развития праязыка и не конечный результат такого развития, а лишь как промежуточную стадию между предыдущим и будущим, которое должно поступить в последующем его существовании.

Лекции Ф. Ф. Фортунатова изобиловали замечаниями и положениями, касающимися проблем общего языкоznания. Он, например, предложил новый подход к изучению грамматического строя языка.

В словах, действительных языковых единицах, он учил различать: 1) реальное значение (соотношение с фактами действительности) и 2) формальное значение (грамматические категории, относящиеся к самому языку).

Соответственно языкоznание должно делиться на два раздела: 1) лексикологию, изучающую реальное значение слова (сюда же отходят этимология и семасиология) и 2) грамматику, изучающую формальные значения и формы слов. Поэтому в грамматике тот ее раздел, который раньше назывался "этимология" (Ф. И. Буслаев) и в котором имелось много материала по этимологии слов, Ф. Ф. Фортунатов предложил называть морфологией, поскольку в этом разделе должны изучаться формы склонений и спряжений.

Положение Ф. Ф. Фортунатова о наличии в слове двух сторон семасиологической и формальной — стало отправным в грамматической концепции и послужило базой для формального направления в грамматике.

Ученый подчеркивал связь истории языка с обществом; это положение в дальнейшем развивал его ученик А. А. Шахматов.

По отношению к языкам Ф. Ф. Фортунатов занимал демократические позиции: каждый язык он считал достойным изучения. Ученый большое значение придавал анализу диалектов и промысловой лексики.

В вопросах самой природы языка Ф. Ф. Фортунатов стоял на типично младограмматических позициях: он изучал язык как сумму речевых актов индивидуумов, сам язык коллектива оказывался фикцией.

26. Одним из основных положений концепции Ф. Ф. Фортунатова является учение о форме слова, давшее имя всему направлению.

Он делил слова на полные, частичные и непростые, или сложные.

Полными Ф. Ф. Фортунатов считал слова, обозначающие предметы мысли, образующие часть предложения или целое предложение (Дом. Морозит!).

Частичные слова — это частицы; они не существуют отдельно от значений полных слов.

Междометия "выражают чувствования".

Формами обладают полные слова. "Формой отдельных (полных) слов в собственном значении этого термина называется... способность отдельных (полных) слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова". Есть у Ф. Ф. Фортунатова и другое определение формы слова: "присутствие в слове делимости на основу и аффикс дает слову то, что мы называем его формою".

Из этих определений следует, что под формой слова ученый понимал внешнее морфологическое выражение грамматического значения, т. е. сводил его к **флексии** (внешней или внутренней), к ее отсутствию или словообразовательным аффиксам.

Отсутствие флексии (формальной принадлежности), по мнению лингвиста, тоже форма, но форма **отрицательная**. Ф. Ф. Фортунатов пишет: "Например, в русском языке слова *дом*, *человек* заключают в себе известную форму, называемую именительным падежом, причем формальной их принадлежностью к данной форме является самое "отсутствие в них какой-либо формальной принадлежности". Слова *дом*, *человек* как бы распадаются на *дом + о*, *человек + о*, по этим-то нулям мы и узнаем форму. Про такие слова можно сказать, что они имеют нулевую формальную принадлежность.

Ф. Ф. Фортунатов различает два вида форм отдельных полных слов в зависимости от того, предстают они как **знаки отдельных предметов мысли** или обозначают **отношения** между предметами мысли.

В соответствии с этим выделяются формы отдельных знаков предметов мысли (формы словообразования) и формы слов в предложении (формы словоизменения).

Формы словообразования бывают двух типов. Первую составляют формы, обозначающие различия в признаком того или иного предмета мысли (*белый*, но *беленький*, *войк*, но *войки*). Ко второй категории относятся формы, находящиеся в определенных отношениях к предметам мысли, обозначаемым другими (*синька* по отношению к *синий*, читатель по отношению к *читать* и т. д.).

Также на две категории Ф. Ф. Фортунатов делит формы словоизменения, или формы флексий слов. К первой категории относятся формы времени, наклонения и лица в глаголе; эти формы показывают определенные отношения, существующие между подлежащим и сказуемым. Вторая категория форм включает в себя формы, обозначающие различия в отношениях данного предмета мысли к другим предметам, например формы склонения существительных и прилагательных (*я назову друга, но я назову другом*).

Исходя из изложенного понимания формы слова, Ф. Ф. Фортунатов по-новому понимает грамматику.

Грамматика — это учение о формах слова.

В грамматике Ф. Ф. Фортунатов различает морфологию и синтаксис. В морфологии изучаются отдельные слова по отношению к другим отдельным словам. В синтаксисе изучаются формы отдельных слов по отношению к употреблению их в словосочетаниях, т. е. основная единица синтаксиса — словосочетание.

Части речи, по Ф. Ф. Фортунатову, — это классы слов, различающиеся по значению, по способности сочетаться с другими словами в предложении и выполнять определенные синтаксические функции. Ученый рассматривает части речи как чисто формальные классы слов.

Он выделял полные, т. е. самостоятельные слова, имеющие формы словоизменения, и слова, не имеющие такой формы. Первые, в свою очередь, он разделяет на слова с формами склонения (существительные), формами спряжения (глаголы) и слова, которые, кроме форм склонения, имеют еще формы согласования в роде (прилагательные). Вторые он делит на слова, имеющие формы словообразования (большинство наречий), и слова, не имеющие никакой формы (некоторые наречия и отдельные числительные).

В соответствии с этой схемой местоимения и числительные не являются отдельными частями речи, они распределяются по другим частям речи в соответствии с парадигмами. Причастие относится к прилагательному, деепричастие и инфинитив попадают в одну категорию с наречиями, т. е. категорию слов, не имеющих ни словообразования, ни словоизменения. Таким образом распадается

класс глагольных форм. Это противоречит реальным фактам языка, что подверглось острой критике (В. В. Виноградов и др.).

Формальный подход к классификации грамматических категорий использовался в структуральных школах, частично — в "Грамматике — 80".

2в. К определению предложения Ф. Ф. Фортунатов подходил с двух точек зрения: с точки зрения того, что в предложении выражается, и с точки зрения того, как предложение строится. Ученый отмечает: "Предложение в речи является выражением целевой мысли в слове или словах".

Мысль, выраженную в предложении, Ф. Ф. Фортунатов называет психологическим суждением. Анализ предложения с формальной точки зрения может не совпадать с анализом психологического суждения, грамматическое предложение может выражать несколько психологических суждений в зависимости от того, что известно говорящему или слушающему и что сообщается нового о каком-либо факте.

Так, например, предложение *NN приехал из Москвы* как психологическое суждение делится на психологическое подлежащее *NN приехал* (факт, известный говорящему и слушающему) и психологическое сказуемое *из Москвы* (сообщение нового об известном факте). В другой ситуации, например в факте сообщения *приехал NN*, психологическим подлежащим может быть грамматическое сказуемое *приехал* (известный факт), а психологическим сказуемым — подлежащее *NN* (новый факт, сообщаемый говорящему или слушающему). Возможна и третья ситуация, когда все сочетание *NN приехал из Москвы* входит в состав психологического сказуемого, а психологическим подлежащим выступает представление прошавшего человека вообще.

Если соотнести эти рассуждения Ф. Ф. Фортунатова с предложенной в 1947 г. чешским ученым В. Матезиусом теорией актуального членения предложения, то вполне можно согласиться с утверждением о том, что Ф. Ф. Фортунатов различал грамматическое и актуальное членение предложения и выявил некоторые типы соответствий между ними.

Словосочетание — объединение слов в речи и мысли; сочетание слов становится словосочетанием тогда, когда оно имеет форму, т. е. определенное внешнее и внутреннее строение. Форму словосочетания образуют синтаксические формы слов и порядок слов.

Синтаксическими являются такие формы слов, которые обозначают в связной речи зависимость одних слов от других (падеж существительных, лицо, число, время, род глаголов и т. п.)

По аналогии с формами и классами слов выявляются типы связей слов в словосочетании: сочинение, включение (линейное подчинение, которое делится, в свою очередь, на согласование, управление и примыкание) и соподчинение.

Как слова делятся на полные и частичные, формальные и бесформенные, так и словосочетания, по Ф. Ф. Фортунатову, делятся на полные (законченные) и незаконченные, грамматические и неграмматические.

Ученый писал: “**Законченное словосочетание** и предложение полное — синонимы в языкоznании, т. е. в более современной терминологии, законченное словосочетание — это предикативное сочетание слов.

Грамматические словосочетания образуются из форм отдельных слов, они существуют в большинстве языков. Если же сочетание частей само по себе грамматическое и определяется порядком слов, то это грамматическое словосочетание второго типа, они функционируют, например, в китайском языке.

Формально-грамматическое синтаксическое учение Ф. Ф. Фортунатова на материале русского языка блестяще развивали А. А. Шахматов и А. М. Пешковский. Оба теорию предложения связывают с учением об основе предложения, т. е. о простом предложении и распространении и обособлении второстепенных членов предложения, учение о второстепенных членах предложения — с учением о словосочетании, а сложное предложение рассматривали как сложное синтаксическое целое, а не предложение.

З. Алексей Александрович Шахматов (1864–1920 гг.) — выдающийся языковед, преимущественно русист, историк русского языка. Л. В. Щерба писал об А. А. Шахматове: “Будучи гениаль-

ным ученым вообще, он является истинным вдохновителем у нас всей работы в области русской филологии в самом широком смысле слова (отчасти он оказывается им еще и в настоящее время)”.

В капитальном труде А. А. Шахматова “*Очерк древнейшего периода истории русского языка*” (1915 г.) прослеживается история изучения звуков русского языка с древнейших эпох и до настоящего времени, это типичный для младограмматиков подход к изучению языка.

Особого внимания заслуживает его попытка восстановления первой (Несторовской) русской летописи. Его “*Введение в курс истории русского языка*” (1916 г.) является попыткой восстановления по истории языка истории народа — его носителя, что явилось продолжением идей Ф. И. Буслаева.

А. А. Шахматов, что типично для младограмматизма, отрицал реальное существование языка коллектива и подчеркивал его индивидуальную сущность. “Язык села, города, народа оказывается известной фикцией, ибо он слагается из фактов языка входящих в состав тех или иных территориальных или племенных единиц индивидуумов; между тем число этих индивидуумов представляется неопределенным, исчерпывающее изучение их языка невозможным” (“*Очерк современного русского языка*”).

А. А. Шахматов исследовал и русские диалекты. В состав редактируемого им академического словаря русского языка он включил диалектизмы, за что подвергся резкой критике.

Ученый создал непревзойденное описание и классификацию русского простого предложения. Он одним из первых применил в “*Синтаксисе русского языка*” (1925 г., издание посмертное, переиздание в 1941 г.) дескриптивный метод в современной научной грамматике. Труд незаконченный, включающий лишь типы простого предложения. Таким образом, А. А. Шахматов явился автором оригинальной концепции предложения, влияние которой ощущает вся современная русская грамматика.

Академик А. А. Шахматов представляет собой редкий тип ученого-языковеда, который изучал язык всесторонне — и в его истории, от древнейших эпох до его современного состояния, и во всех

его разновидностях — от литературного языка до диалектов и говоров.

В последней трети XIX — первой половине XX в. русское языкознание прочно занимало ведущую роль в сравнительном славяноведении и почетное место в индоевропеистике.

Традиционная грамматика в начале века получила в России черты, которые оказались на всем развитии современной грамматической теории: тенденция к четкому и строгому морфемному анализу слова, которую проводили Ф. Ф. Фортунатов и его школа, подчеркнутый интерес к обобщенному грамматическому значению, грамматической форме.

Однако Л. В. Щерба отмечал: “Фортунатов, Потебня, Бодуэн де Куртенэ ... все трое не сыграли в мировой науке о языке той роли, которую они должны были бы сыграть по своим личным ученым качествам, по широте и глубине своего лингвистического мировоззрения. Они были вождями лингвистической мысли у себя на родине, но не были вождями мировой науки о языке”.

По мнению академика Л. В. Щербы, наибольшая удача выпала на долю Ф. Ф. Фортунатова, так как он имел много учеников — будущих профессоров университетов России и Европы, которые и распространяли идеи своего учителя.

В чем же причины недостаточной известности русской лингвистики в мире? Л. В. Щерба называет две:

1) русские лингвисты писали на русском языке, который тогда в Европе не знали, поэтому то, что открыли Шмидт и др., уже было описано А. А. Потебней и Ф. Ф. Фортунатовым. Однако уже А. Мейе читал по-русски.

2) Ф. Ф. Фортунатов вообще мало писал.

Тем не менее, конец XIX — начало XX в. — звездный период в развитии языкознания в России.

Лекция № 10

Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра

1. Речевая деятельность как антиномия языка и речи.
2. Язык как система знаков.
3. Объект, предмет и метод лингвистики.
4. Строение лингвистической теории.
5. Женевская и Парижская лингвистические школы.

Ф. де Соссюр родился в 1857 году, умер в 1913 году, это один из самых выдающихся ученых-лингвистов. Его труды находятся на стыке разных направлений и школ: психологизма, социологии, неограмматизма. Его идеи легли в основу таких лингвистических направлений, как структурализм, лингвосимеотика и др. Р. А. Аванесов отмечает: “... от Соссюра как бы тянутся две методологические линии развития языкознания в нашем (XX веке — Л. И.) столетии: одна из них стремится установить преемственность между Соссюром и лучшими традициями исторического и сравнительно-исторического языкознания, а другая — преемственность между Соссюром и представителями наиболее абстрактных разновидностей “чистого структурализма”, весьма модных, особенно в 50—70-х годах нашего века. Представителям этих последних направлений всегда были чужды судьбы исторического развития языков мира”.

Н. Я. Слюсарева считает, что Ф. де Соссюр впитал традиционные для французской лингвистики взгляды на социальную сущность языка, отдав дань психологизму. Таким образом, концепция швейцарского ученого лежит в русле психологического социологии, а из философских течений он был ближе всего к позитивизму.

Объяснение данной противоречивости следует искать в сложности и противоречивости научной жизни Ф. де Соссюра, а особенно его научного наследия.

Интерес к проблемам языка у Ф. де Соссюра проявился в 14 лет, когда он, вдохновленный разысканьями А. Пикте по лингвистической палеонтологии, преподнес маститому ученому в 1872 году свой “Очерк о языках”. В нем думающий подросток выступил против теории происхождения языка из подражания звукам природы и написал: “Я полагаю, напротив, что он (человек) подошел к произношению всех возможных звуков посредством длительного обучения”. Таким образом в сознании будущего лингвиста начала формироваться идея социального характера языка.

Систематическое лингвистическое образование Ф. де Соссюра получил в Лейпциге и Берлине, где сильны были позиции младограмматизма.

В возрасте 21 года он опубликовал выдающуюся монографию “Исследования первоначальной системы гласных в индоевропейских языках” (1878 год, на обложке — 1879). В ней автор попытался свести весьма сложные количественные и качественные отношения гласных и сonorных согласных индоевропейских языков к сравнительно простой схеме чередования сильного и слабого (редуцированного) звукового вида однотипной огласовки. Впоследствии А. Мейе высоко оценил это исследование, отметив его роль в формировании нового метода анализа звуковых соответствий в истории родственных языков. Затем, после столь удачного начала, Ф. де Соссюр совсем перестал печататься, а его вторая диссертация “О функциях родительного абсолютного в санскрите” (1881 г.), по отзыву того же А. Мейе, “является лишь простым техническим описанием”. На протяжении всех последующих лет вплоть до смерти (1891 г.) ученый опубликовал лишь несколько статей (среди них выделяется этюд о литовском ударении).

Как педагог и ученый Ф. де Соссюр совершенствовался в Париже. В 1881 г. М. Бреаль передал Ф. де Соссюру свой курс в “Высшей практической школе”. Молодой ученый начал читать курс сравнительной грамматики германских языков и вел семинары по гот-

скому и древневерхненемецкому языкам. Затем курс был расширен за счет сравнительной грамматики греческого и латинских языков, поздней был добавлен и литовский язык.

В 1891 г. Ф. де Соссюр переезжает в Швейцарию и читает те же курсы в Женевском университете, позднее были добавлены и литературоведческие курсы — о Нibelунгах, о французском и ведическом стихосложении и др. В 1905 г. Ф. де Соссюр возглавил кафедру лингвистики, а с 1907 г. начал читать курс общей лингвистики, также истории и сравнения индоевропейских языков. В период до 1911 года он прочел курс общей лингвистики трижды, публиковать его он не собирался, это сделали его ученики А. Сеше и Ш. Балли, уже после смерти своего учителя. “Курс” вызвал широкий отклик со своими новаторскими и оригинальными идеями. Эта книга оказала своим содержанием, своей концепцией большое влияние на современное языкознание, и до сих пор отдельные ее положения и вся концепция в целом вызывают горячие споры.

Отметим, что А. Сеше и Ш. Балли сами курс по общей лингвистике не слушали, но Ш. Балли занимался у Ф. де Соссюра по ряду дисциплин с 1895 по 1905 год, А. Сеше — с 1891 по 1893 год, общий курс в 1910–1911 гг. слушала супруга А. Сеше, записи которой были использованы, так же, как и записи А Ридлингера, при подготовке “Курса” к печати.

В общих курсах де Соссюр уделял большое внимание иллюстрациям на обширном материале индоевропейских языков, однако это не нашло места в тексте “Курса”, что лишило теорию её языковой опоры.

Таким образом, складывается такое объяснение “непоследовательности” и “противоречивости” “Курса”: во-первых, курс читался на протяжении нескольких лет, естественно, у мыслящего ученика взгляды и оценки меняются; во-вторых, курс составлялся пусты и учениками, но не слушателями, поэтому они развивали и даже видоизменяли текст рукописей, давая свою интерпретацию, хотя причины отступлений, по словам Годеля, не всегда ясны. Таким образом, как пишет Н. А. Слюсарева, “издатели предложили свой вариант теоретической мысли”. Первый русский перевод “Курса”

вышел в 1933 г., второй, с привлечением других материалов, в 1977 г., он переведен и на украинский язык.

Расставить точки над *i*, подкорректировать трактовки А. Сеше и Ш. Балли, продемонстрировать истинную точку зрения великого швейцарского ученого призваны "Записки по общей лингвистике", вышедшие в русском переводе в 1990 году с вступительной статьей Н. А. Слюсаревой. Оказалось, что многое, за что суроно критиковали Ф. де Соссюра, он не говорил. Именно с поправкой на "Записки" мы и будем излагать некоторые положения учения Ф. де Соссюра, которым посвящена наша лекция.

Подчеркнем еще одну особенность лингвистической концепции Ф. де Соссюра: он силен не критическим отношением к своим предшественникам, а тем, что он внес в традиционные лингвистические теории существенные изменения. Его сила в новом взгляде на уже поднятые лингвистические проблемы. Развивая теорию языка, Ф. де Соссюр опирался не только на лингвистическую традицию, но и на философские труды И. Канта, О. Конта, Э. Дюрингайма.

1. Ф. де Соссюр различает "язык" (*langue*), речь (*parole*) и речевую деятельность (*language*).

Речевая деятельность — система выразительных возможностей данного народа. Она весьма многообразна и соприкасается с рядом областей: физикой, физиологией, психологией.

В совокупности речевых процессов Ф. де Соссюр выделяет два полярных аспекта — язык и речь.

Язык — это грамматическая система и словарь, т. е. инвентарь языковых средств, без овладения которым невозможно речевое общение. Язык как лексическая и грамматическая системы потенциально существует в сознании индивидов, принадлежащих к одной языковой общности. Таким образом, язык — это общественный продукт, средство взаимопонимания людей, он не зависит от индивида, который на нем говорит. Напротив, последний должен прила-

гать немалые усилия, чтобы в совершенстве овладеть системой языка, поэтому изучение языка — психологический процесс.

В этой характеристики языка обратим внимание на два момента — системность и социальность языка.

Ф. де Соссюр уподоблял систему языка правилам шахматной игры: неважно, из какого материала сделаны шахматы, правила остаются неизменными. По аналогии с ними Ф. де Соссюр пытался выявить универсальную систему языка как свойства человека вообще. Ученого критиковали за то, что он отрывал систему от субстанции языка. С позиции сегодняшнего дня, когда столь интенсивно развиваются сопоставительная типология, теория языковых универсалий, подходы великого лингвиста становятся более понятными и объяснимыми. С другой стороны, в "Заметках" читаем: "... обобщающее исследование языковой деятельности непрерывно подпитывается всякого рода наблюдениями, которые должны производиться на конкретном материале того или иного языка". Следовательно, Ф. де Соссюр признавал необходимым изучение конкретных языков для выработки лингвистической теории.

В связи с социальным характером языка в "Заметках" приводятся две основные черты языка, отличающие его от всех других социальных учреждений: 1) то, что ни одно из этих учреждений не распространяется на всех индивидов в любой момент времени и никакое другое социальное явление не связано со всеми индивидами таким образом, что каждый принимает в нем участие и даже может оказать влияние на него; 2) то, что большинство социальных учреждений в какой-то период времени может быть подвержено замене, исправлению, преобразованию по чьей-то воле, в языке же не бывает ничего подобного, и даже академики никакими декретами не могут изменить тот курс, по которому следует учреждение, именуемое языком.

В своих записях к лекциям Ф. де Соссюр подчеркивает: "Язык обладает двойной социально-индивидуальной природой, и обе стороны — социальная и индивидуальная — соотносятся между собой, и, следовательно, язык живет и в той и в другой, так как его формы и грамматика существуют лишь как социальный феномен,

но их изменения происходят в индивиде". Из этого следует, что Ф. де Соссюру была близка диалектика соотношения языка и речи, хотя в ряде работ акцентировалось то, что ученый "отрывал" язык от речи. На самом же деле, признавая их связь, он требовал их разграничения и отдельного изучения.

Речь означает акт, посредством которого индивид пользуется языком для выражения своих мыслей, т. е. это использование средств языка в целях общения. Речь состоит из индивидуальных актов говорения и восприятия, осуществляемых в процессе общения. Поэтому изучение речи должно быть психофизиологическим. Ф. де Соссюр утверждает, что наилучшим способом выделить единицы языка является именно анализ речи, выступающей в виде регистрации языка, поскольку мы не имеем возможности изучить то, что происходит в клеточках нашего мозга.

В трактовке Ф. де Соссюра речь — это нечто индивидуальное (речь отдельных людей), язык, напротив, представлялся ученым коллективным сознанием, средой коммуникативных отношений, объединяющих всех представителей данного народа. Речевая деятельность синтезирует язык и речь.

Ученый считал, что главная задача лингвистики сводится к изучению языка, в котором устраниется все случайное и остается лишь наиболее общее и категориальное. Поэтому, разграничивая язык, речь и речевую деятельность, ученый стремился ярче оттенить особенности языка как абстрактной системы отношений.

Исследуя речевую деятельность, ф. де Соссюр, как и В. фон Гумбольдт, признает ее противоречивую природу и в качестве основного метода исследования признает метод антиномий, что выразилось в 5 антиномиях:

1) язык социален — речь индивидуальна.

Язык — это своего рода кодекс, навязываемый обществом всем его членам в качестве обязательной нормы. Как социальный продукт, он усваивается каждым индивидом в готовом виде. Речь всегда индивидуальна, каждый речевой акт имеет своего автора, импровизирующего высказывание по своему усмотрению;

2) язык системен — речь асистемна;

- 3) язык потенциален — речь реальна;
- 4) язык синхроничен — речь диахронична;
- 5) язык — сущность, речь — явление.

2. Подчеркивая системный характер языка, Ф. де Соссюр обосновал его знаковую природу: язык есть система знаков. Каждый языковой знак имеет две стороны: означающее (план выражения) и означаемое (план содержания).

Языковой знак, с одной стороны, произволен, условен (это относится к выбору знака), но, с другой стороны, он обязателен для языкового коллектива.

Разрабатывая теорию языкового знака, Ф. де Соссюр детально и всесторонне исследовал свойства знака и доказал, что знаки образуют систему отношений.

Поскольку язык является семиологической системой, постольку центральным оказывается понятие значимости (ценности, valuer).

Ф. де Соссюр писал: "Для определения значимости слова недостаточно констатировать, что оно может быть сопоставлено с тем или иным понятием, т. е. что оно имеет то или иное значение; его надо, кроме того, сравнить с подобными ему значениями, т. е. с другими словами, которые ему можно противопоставить... Входя в состав системы, слово облечено не только значением, но еще главным образом значимостью, а это нечто совсем другое".

Из этого высказывания можно сделать следующие основные выводы: кроме значения, слово может обладать значимостью, возникающей только в определенной системе как результат лингвистической соотнесенности (сопоставления, или противопоставления) с другими словами. Входя в качестве составного элемента в ту или иную систему, языковая единица, сохраняя свое значение, характеризуется "главным образом значимостью", которая, "взятая в своем концептуальном акте, есть элемент значения".

Следовательно, значимость языковой единицы — это ее качество, отличительный признак, определяющий "ценность и место данной языковой единицы в выбранном языковом измерении, в системе".

Например, рус. баран и фр. mouton имеют одинаковое значение, но разную значимость, так как русский язык лексически различает барана и баранину, чего нет во французском языке.

Рус. пастух и болг. пастир имеют общее значение, но разную значимость, т. к. русский пастух пасет всякий скот, болгарский пастир имеет конкретизацию: говядар, овчар, козар.

Категория значимости актуальна не только для лексикологии, но и для морфологии. Так, например, значимость множественного числа в современных русском, украинском и старославянском языках различаются, т. к. в последнем была категория двойственного числа.

Различается значимость именительного падежа в русском и украинском языках, поскольку в последнем есть звательная форма.

Указанная категория проявляется в фонетике и фонологии. Ф. де Соссюр отмечал: “Важен в слове не звук как таковой, но звуковые различия, позволяющие отличать это слово от всех других, так как только эти звуковые различия значимы”. Например, [т] — [т'] — ток-тек; [к] — [г] — кость-гость и др.

Таким образом, категории “значение” и “значимость” не противостоят, а дополняют друг друга, это разные аспекты одного и того же явления — языкового знака. Оба определяются через общую для них категорию отношения. Но если при определении значения устанавливается соотношение между означающим (материальной стороной знака) и означаемым (понятийно-смысловой его стороной), то значимость языковой единицы определяется отношением означаемых в той или иной системе. Можно считать также, что значимость языковых единиц представляет собой *разность*, “смысловой остаток” означаемых, получаемый при их сопоставлении.

Таким образом, благодаря разысканиям Ф. де Соссюра системность стала краеугольным камнем всякой современной лингвистической теории.

Рассматривая язык как систему произвольных знаков, Ф. де Соссюр уподобляет его любой другой знаковой системе, выражающей идеи: “Язык есть система знаков, выражающих идеи, а следовательно, его можно сравнить с письмом, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами; с формами учтивости, с военными сиг-

налами и т. п.”. В связи с этим ученый предлагает создать особую науку, изучающую жизнь знаков внутри общества, — семиологию, или семиотику, в которую как составная часть вошло бы и языкоzнание. Однако Ф. де Соссюр признает, что лингвистика — это наука о знаках особого рода, т. к. языковой знак занимает исключительное место среди других знаковых систем. Следовательно, “язык, — как пишет Ф. де Соссюр, — самая сложная и самая распространенная семиологическая система”.

3. Как мы уже отмечали, всякая отрасль знаний становиться наукой, если у нее есть собственный предмет, объект и метод исследования. Рассмотрим с этих позиций взгляды Ф. де Соссюра.

Предметом (материалом) лингвистики, по его мнению, являются все проявления речевой деятельности. Она индивидуальна и в тоже время социальна.

Объектом лингвистики, с точки зрения ученого, является язык как система знаков. Поэтому лингвистика является семиологической наукой, частью социальной психологии, изучающей жизнь знаков внутри общества.

Бытует утверждение, что Ф. де Соссюр заканчивал свой курс общей лингвистики такими словами: “...единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для самого себя”. Первая часть этого вывода возражений не вызывает: действительно, объект лингвистики — язык. Вторая часть (язык должен изучаться в самом себе и для самого себя) вызывала горячую ожесточенную и справедливую критику. Однако составители и комментаторы “Записок по общей лингвистике” утверждают, что на самом деле эти слова не принадлежат Ф. де Соссюру.

Основным методом лингвистического анализа Ф. де Соссюр, как и В. фон Гумбольдт, избрал метод антиномий. Он даже рассматривал антиномии как строение лингвистической теории.

4. Вслед за И. Кантом, Ф. де Соссюр считал, что лингвистическая теория может быть упорядоченной и непротиворечивой, несмотря на “хаотичность” языковой материи и семантики. Создать непротиворечивую лингвистическую теорию можно, по его мнению, путем противопоставления предмета лингвистики ее объекту.

Лингвистическая теория признавалась дедуктивной наукой, имеющей исходную точку зрения и опирающейся на операциональную методику.

Ф. де Соссюр рассматривает языкознание как систему лингвистик, воплощенных в трех антиномиях: лингвистика языка — лингвистика речи; внутренняя лингвистика — внешняя лингвистика, синхроническая лингвистика — диахроническая лингвистика. Рассмотрим каждую из них.

Лингвистика языка изучает язык как систему знаков. Лингвистика речи исследует индивидуальную психофизическую сторону речевой деятельности.

Внутренняя лингвистика рассматривает язык без обращения к внеструктурной действительности. Внешняя лингвистика анализирует связь языка с этносом, политикой, культурой, литературный язык, взаимоотношение книжной и разговорной речи, географическое распространение языков и их диалектное дробление. Ф. де Соссюра критиковали за то, что он, сосредоточившись на внутренней лингвистике, полностью игнорировал внешнюю лингвистику. Это противоречит реальным высказыванием Ф. де Соссюра, приведенных в его "Записках": "Язык является важной частью духовного багажа нации и помогает охарактеризовать определенную эпоху, определенное общество". С концепцией В. фон Гумбольдта перекликается такое высказывание: "Язык скорее похож на стекла очков, через которые мы созерцаем предметы".

Таким образом, Ф. де Соссюр признавал и внутреннюю, и внешнюю лингвистику, хотя для него из его исследований ближе первая.

Особенное значение имеет противопоставление синхронии и диахронии. Впервые эту проблему поставил И. А. Бодуэн де Куртенэ, указанные аспекты он называл статикой и динамикой. Р. А. Будагов указывал на то, что Ф. де Соссюр был лично знаком с Бодуэном де Куртенэ, однако они никогда не ссылались на работы друг друга.

По мнению Ф. де Соссюра, внутренняя сущность языка познается именно в синхронии.

Синхрония — это единовременное существование языка, статический аспект, язык в его системе. Отделенный от истории, синхронический аспект позволяет исследователю изучить отношения между существующими фактами, познать систему языка. Историческая точка зрения (диахрония), по мнению Ф. де Соссюра, разрушает языковую систему и превращает ее в собрание разрозненных фактов.

Диахроническая лингвистика исследует отношения между сменяющимися, последовательными во времени элементами. Предметом диахронической лингвистики является в первую очередь "вся фонетика в целом": фонетические изменения и грамматические последствия фонетической эволюции, а также аналогия как обновляющее и консервативное начало в языке. Ф. де Соссюр подчеркивал необходимость соотносить эволюцию отдельных явлений с последовательными хронологическими срезами и различать диахроническую лингвистику перспективную, отражающую историю языка в соответствии с действительным развитием событий, и ретроспективную, которая занимается реконструированием форм языка. Диахрония — это последовательность языковых фактов во времени, исторический и диахронический аспект.

Ф. де Соссюр считает, что синхронический аспект важнее диахронического, т. к. для говорящей массы только он — подлинная и единственная реальность. Действительно, коллектив говорящих овладевает языком в его современном состоянии, с существующей системой языка следует знакомиться до изучения его истории и связей с родственными языками.

Ф. де Соссюра очень резко критиковали за отрыв синхронии от диахронии; ему приписывают высказывание, согласно которому "синхронное состояние одного языка ближе к синхронному состоянию любого другого языка, чем к его же прошлому состоянию".

В "Заметках" читаем: "Язык варьирует во времени, и в то же время он варьирует, или разнится, в пространстве. Язык, взятый в двух разных моментах времени, не тождествен самому себе. Взятый в двух более или менее отдаленных пунктах на территории своего распространения, он также не тождествен самому себе".

Таким образом, Ф. де Соссюр указывает на то, что язык развивается и на большой территории распадается на диалекты и наречия. Данная точка зрения у современных лингвистов возражения вызывать не может.

Указанная цитата не случайная фраза, она подкреплена другими высказываниями великого лингвиста: “наука о языке является исторической, и только исторической наукой”, “фундаментальный факт непрерывности языка во времени… нельзя назвать день, который можно считать днем смерти латинского языка, и нельзя назвать день, который можно считать днем рождения французского языка”.

Следовательно, ни о каком разрыве синхронии и диахронии не может быть и речи, а выделение указанных аспектов изучения языка методологически правильно и закономерно.

Центральными положениями синхронической лингвистики, по мнению Ф. де Соссюра, является его учение о языковом знаке, языковой значимости, теория синтагм и ассоциаций. Первые два учения мы рассмотрели ранее.

Теория синтагм и ассоциаций основывается на мнении Ф. де Соссюра о том, что все в языке базируется на отношениях. Как и Н. В. Крушинский, Ф. де Соссюр выделял два вида отношений: синтагматические и ассоциативные.

Синтагматические отношения основаны на линейном характере языка, на протяженности, последовательности его элементов. Сочетания знаков, опирающиеся на протяженность, называются синтагмами (пере-читать, общее языкознание). В синтагмах нет резкой грани между фактами языка и речи. В синтагматических целых значимость целого определяется его частями, синтагмы могут характеризоваться как значимостью составляющих частей, так и зависимостью их от окружения в речевой цепи.

Ассоциативные отношения опираются на память говорящих, на притягивание элементов друг к другу. Соединения знаков в памяти говорящих образуют мемонические ряды, например, глагол прочитать — с одной стороны, объект (книгу, газету, журнал и т. п.), с другой, глаголы действия той же модели (проговорить, пропеть, прокричать), с третьей, глаголы интеллектуальной деятельности (продумать, уяснить, выучить) и т. п.

Мемонические ряды, в отличие от синтагм, существуют потенциально, их состав может быть различным. На синтагматических и ассоциативных отношениях базируется, согласно мнению Ф. де Соссюра, грамматическая система и рациональное деление грамматики.

Подытоживая сказанное, отметим, что Ф. де Соссюр внес существенный вклад в развитие теории языкознания: доказал системное устройство языка, знаковую его природу, разграничил язык — речь — речевую деятельность, синхронию — диахронию, обосновав адекватность этих подходов к анализу языка, пытался создать непротиворечивую лингвистическую теорию. Анализ его концепции с привлечением современных сведений показывает, что великий ученый не отрывал, как полагали многие, ни язык от речи, ни синхронию от диахронии, ни внутреннюю лингвистику от внешней, он только требовал разделенного их изучения.

Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра дала мощный толчок для дальнейшего развития теории языкознания.

5. Ученики и последователи Ф. де Соссюра не образуют единства, так как многие положения его концепции противоречиво изложены и получили неоднозначное толкование.

Женевскую школу образуют составители и издатели его “Трудов по языкознанию” Ш. Балли, А. Сеше, а также Р. Годель, русский языковед С. О. Карцевский. Крупнейшим представителем этой школы был Ш. Балли (1865–1947гг.). Его основные работы (“Французская стилистика”, “Язык и жизнь”, “Общая лингвистика и вопросы французского языка” и др.) посвящены прежде всего анализу (в терминологии Ф. де Соссюра) речи, речевой деятельности, внешней лингвистике.

К парижской школе принадлежали А. Мейе, Ж. Вандриес, М. Граммон, М. Коэн и др. Наибольшие заслуги перед языкознанием принадлежат А. Мейе (1866–1936), одному из самых видных специалистов в области общего и сравнительно-исторического языкознания, бессменному (с 1906г.) секретарю Парижского лингвистического общества, редактору его “Бюллетеней”, организатору парижского Института славяноведения и редактору его органа “Славянское обозрение”. Он автор 24 книг и 540 статей.

Некоторые положения концепции Ф. де Соссюра послужили теоретической базой для различных направлений структурализма.

Зарубежное языкознание XX века

1. Основные лингвистические направления.
2. Возникновение и развитие структурализма.
3. Чешское языкознание и Пражская лингвистическая школа (функциональная лингвистика):
 - а) система и функции языка;
 - б) проблема языковых союзов;
 - в) фонология;
 - г) морфологические оппозиции и функциональный синтаксис;
 - д) функциональные стили и культура языка.
4. Американское языкознание:
 - а) дескриптивная (дистрибутивная) лингвистика;
 - б) трансформационная методика и порождающая грамматика.
5. Датское языкознание и глоссематика.
6. Теория языковых кодов Б. Бернстайна.

1. Языкознание XX века — развитая наука, включающая разные школы и направления, различные аспекты, проблемы и методики. И именно это обеспечивает лингвистике возможность решать разнообразные задачи, которые ставит перед ней жизнь.

По-прежнему развивается сравнительно-историческое и типологическое языкознание, социолингвистика и менталингвистика, лингвистика отдельных ярусов языковой структуры. Сильны позиции лингвистического логизма и психологизма, актуальны проблемы принципов и методов лингвистики, ее философской основы и практической направленности.

Существенные сдвиги в современном языкознании происходят как в результате внутреннего развития "старых" школ и направлений, так и под влиянием новых школ. Так, например, сравнитель-

но-историческое языкознание вступает в третий период своего развития. Этот период характеризуется расширением фактической базы, пересмотром проблемы пражского языка, уточнением приемов сравнительно-исторического метода, расширением его культурной базы. Внешним проявлением этого перелома является, с одной стороны, применение структурных методов в сравнительно-историческом языкознании (особенно в связи с возникновением ларингальной гипотезы), а с другой стороны — появление неолингвистики. Была выдвинута проблема ареальной лингвистики, поставленная еще младо- и неограмматиками.

Социальное языкознание также уточняет свою проблематику, оно развивается то как учение о социальных типах и формах существования и контактирования языков, их социальной дифференциации, то как учение о норме языка, его стилях и литературном языке, то уделяет основное внимание вопросам этно- и психолингвистики. На постсоветском пространстве обостряется внимание к проблемам государственного языка и статуса других национальных языков.

Продолжает развиваться и менталингвистика — лингвистическое направление, изучающее связи языка с мышлением, языковую семантику, происходит размежевание логико-грамматического и логико-математического языкознания, моделирования языка и семантико-психологического и интуитивно-дедуктивного изучения текста и речевой деятельности. В конце XX — начале XXI века стала интенсивно развиваться когнитивная лингвистика.

Проблема динамики и устойчивости языка, внутренней структуры ярусов языковой структуры, внешней структуры, функциональных стилей и т. п. — все это получает разнообразное освещение и разработку, так что ни одна современная школа, ни один метод, ни одна лингвистическая концепция, взятая в отдельности, не дает представления о современной науке о языке. В целом же происходит смена парадигм: от компаративистики XIX века (рассматривавшей прежде всего то, как возник конкретный язык) к структурализму XX века (изучавший то, как язык устроен) и к функционализму конца XX—XXI века (основная задача которого установить, какие факторы влияют на употребление языка).

2. Термин структурализм принадлежит голландскому лингвисту Позу. Внутренняя форма связывает название данного направления со структурой, хотя школы структурализма направляют свои исследования прежде всего на выявление системных отношений в языке.

Бурный рост естественных наук (открытие менделеевской периодической системы элементов, закон Менделея о расщеплении наследственных признаков родителей и их потомков, открытия Ч. Дарвина и др.) ввел в науку понятия **дискретной структуры материи**. Понятие фонемы и морфемы, утвердившееся в этот период, как раз и выражало собой применительно к языку то, что отражали атомы, молекулы применительно к химическим и физическим явлениям неорганической материи.

Впервые понятие структуры было применено К. Марксом и Ф. Энгельсом в середине XIX в. относительно общества.

В языкоznании первым, кто в начале XX в. попытался установить взаимные связи между фактами языка, сгруппировать их и выявить внутренние коррелятивные отношения, синтезировать их в единое целое, построить систему соответствующих элементов и создать единый целостный объект исследования, был Ф. де Соссюром.

По-разному подходя к разработке и дальнейшему развитию того или иного общетеоретического положения де Соссюра, представители различных школ структурализма вместе с тем выдвинули собственные методы и принципы анализа языка.

В. И. Кодухов выделяет следующие общие для всех структуральных школ постулаты:

1) язык является знаковой (семиотической) системой, структурность языка, его уровневое членение оценивается как его существенное свойство, а внутренние отношения единиц одного и того же функционального образования и иерархия уровней абстракции признаются более важными, чем их связи с внеструктурной действительностью, которые проявляются лишь при функционировании языка, при его входжении в текст и ситуацию речи;

2) основными единицами языка являются фонемы и морфемы (морфемы — база для образования слов и конструкций). Фонемы и

морфемы рассматриваются как наборы дифференциальных признаков или типовых окружений. Парадигматические и синтагматические отношения истолковываются как основные формы существования структурных единиц языка;

3) синхроническому описанию языка отдается предпочтение сравнительно с изучением его истории и диахронии, поскольку, вслед за Ф. де Соссюром, структуралисты считали, что система существует лишь в синхронии, диахрония эту систему разрушает;

4) методика лингвистического описания структурных единиц языка занимает первостепенное место в исследованиях сторонников указанного направления, оттесняя на второй план изучение реальности языковых единиц и категорий. Последние трактуются как дедуктивные построения и противопоставляются тексту как единственной реальности.

Основными школами структурализма являются Пражская лингвистическая школа (функциональная лингвистика), Йельская лингвистическая школа (дескриптивная лингвистика) и Копенгагенская лингвистическая школа (глоссематика).

Отечественные сторонники структурализма не образовали единой школы; кроме того, у нас структурализм, начав развиваться довольно поздно, сомкнулся с математической лингвистикой и инженерным языкоznанием.

3. Одним из направлений структурализма является Пражская лингвистическая школа (Пражский лингвистический кружок, как называли себя пражские структуралисты). Она образовалась в 1926 г. и просуществовала до 1952 г. Во главе школы стоял В. Матезиус, помимо него, среди представителей ее были Б. Трнка, Б. Гавранек, Й. Вахек, Я. Мукаржовский, позднее В. Скаличка, Й. М. Коржинек, П. Трост и др., в кружок входили питомцы Московского университета Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, а также С. О. Карцевский, близкий женевской школе.

Отличительной особенностью Пражской школы является тесная связь с перечисленными русскими и западноевропейскими учеными — К. Бюлером (Австрия), Л. Блумфильдом (США), А. Мартине (Франция).

Теоретические взгляды представителей Пражской лингвистической школы нашли свое отражение в “Тезисах Пражского лингвистического кружка” (1929 г.), а также в многочисленных публикациях. С 1935 г. кружок стал создавать журнал “*Slovo á slovesnost*”.

На формирование лингвистической теории пражских языковедов большое влияние оказали некоторые взгляды Ф. де Соссюра, а также русской лингвистики, представленной трудами И. А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова.

За. Одним из важнейших положений в концепции Пражской лингвистической школы является понятие **языковой функции**. Понятие функции языка у пражан основывается на учении немецкого языковеда К. Бюлера о языковых функциях, изложенном им в работе “Теория языка. Структурная модель языка” (1934 г., переиздание на русском языке в 1993 г.).

Пражские лингвисты развивали представление о языке как функциональной системе, видя в языке систему средств выражения, служащих определенной цели. Термин “функция” пражане понимали не в математическом смысле (выражение строгой зависимости), а как целевую установку речевого высказывания. Введение понятия функции привело к установлению так называемой телесологической (целевой) точки зрения, согласно которой любое языковое явление следует оценивать с точки зрения цели, к которой оно направлено.

Требование системности так же необходимо в изучении языка, как и требование функциональности. В “Тезисах” записано: “Ни одно явление в языке не может быть понято без учета системы, к которой оно принадлежит”.

Условием включения явления в систему является выделение его различительных признаков и рассмотрение языковых категорий как оппозиций. Представители Пражской лингвистической школы выявили дифференциальные признаки фонем и морфем, разработали учение о языковых оппозициях, причем между фонологическими и морфологическими оппозициями установили структурно-логический изоморфизм, так что учение о категориях системы языка было истолковано как процедурно-методическое.

Системность и функциональность являются двумя характерными особенностями Пражской лингвистической школы, вот почему ее называют школой функциональной лингвистики.

36. Пражские структуралисты отвергли приписываемое де Соссюру противопоставление синхронии и диахронии. В “Тезисах” отмечалось, что нельзя воздвигать непреодолимых преград между синхроническим и диахроническим подходами. Вместе с тем пражские языковеды подчеркивали преимущество синхронного анализа, поскольку изучение современного состояния языков представляется единственным критерием, дающим исчерпывающий материал и позволяющим составить о языках непосредственное представление.

Признание тесной связи синхронии и диахронии привело пражских языковедов к целому ряду важных положений.

Основатель Пражской лингвистической школы В. Матезиус выдвинул метод “аналитического сравнения” языков, согласно которому в синхронном плане сравниваются системы родственных и неродственных языков с выявлением тенденций их развития.

Ф. де Соссюру приписывают высказывание о том, что два языка в одном синхронном срезе ближе друг к другу, чем к своим более ранним состояниям.

Изучение сходных явлений в родственных и неродственных языках, генетически относящихся к разным языковым семьям, позволило пражским ученым разработать понятие **языкового союза** в противоположность понятию языковой семьи.

Под **языковым союзом** они понимали группу географически смежных неродственных (или не близкородственных) языков, обладающих сходными чертами в синтаксической, морфологической и фонологической структурах. Сходные черты возникают в результате контактов народов — носителей этих языков, когда возникают общие особенности, которые со временем проникают вглубь ареалов распространения языков.

Члены Пражской лингвистической школы описывали Балканский языковой союз. Как известно, на Балканах функционируют языки славянской, романской, албанской, греческой групп индоевропейской семьи: болгарский, македонский, сербохорватский (частич-

но), восточно-романские, албанский, новогреческий. В процессе интенсивного взаимодействия языки, относимые к Балканскому языковому союзу, выработали комплекс типологических схождений, так называемых балканализмов, на всех уровнях языковой структуры. Сторонники строго типологической точки зрения на Балканский языковой союз считают, что эти схождения основаны не на материальной, а на структурной тождественности по принципу "слова разные, грамматика подобная". Типологическая классификация языков Балканского языкового союза осуществляется на основе как различительных, так и сходных признаков развития их структуры.

Основоположник теории языковых союзов — Н. С. Трубецкой, выдвинувший также понятие Балканского языкового союза. Он впервые в 1923 г., а затем в 1928 г. на I Международном конгрессе лингвистов на примере Балканского языкового союза обосновал необходимость ограничения языковых союзов от языковых групп и семей. Исследованием проблем Балканского языкового союза занимались Р. О. Якобсон, П. Скок, Б. Гавранек, В. Скаличка, В. Георгиев, А. Росетти, Г. Райхенкрон, О. Зайдель, Г. Бирнбаум, Х. В. Шаллер. Значительный вклад в изучение Балканского языкового союза принадлежит отечественным языковедам А. М. Селищеву, А. В. Деницкой, С. Б. Бернштейну, Т. В. Цивьян, Г. А. Цыхуну, М. А. Габинскому и др.

Украинские лингвисты начали работу над Карпатским языковым союзом. В перспективе возможно изучение Кавказского языкового союза и др.

Зв. Одной из основных заслуг Пражской лингвистической школы перед мировым языкознанием является создание фонологии как научной дисциплины. Наиболее полно взгляды на сущность и методику изучения фонологических проблем изложены в книге Н. С. Трубецкого "Основы фонологии" (в нашей стране эта книга вышла в 1960 г. (пер. с нем.). Напомним, что разработка учения о фонеме принадлежит главе Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэну де Куртенэ.

Н. С. Трубецкой подчеркивал: "Никогда не следует забывать, что в фонологии основная роль принадлежит не фонемам, а смыслом-

различительным оппозициям". Фонема как член оппозиции не совпадает с конкретным звуком. Конкретные звуки являются лишь материальными символами фонем. Фонема может реализоваться в ряде различных звуков. Такие физически различные звуки, в которых реализуется одна и та же фонема, Н. С. Трубецкой называет вариантами фонем. Например, в словах *кон* — *конь* имеется одна фонема [н], реализуемая [н] и [н̄], которые являются вариантами этой фонемы; огубленное [д̄] в слове *дупло* и [д] с боковым взрывом в слове *длань* являются вариантами фонемами [д]. Н. С. Трубецкой, вслед за И. А. Бодуэном де Куртенэ, различает фонетику — науку о звуках речи и фонологию — науку о звуках языка.

Фонема — кратчайшая фонологическая единица языка. Фонемы, различая слова, характеризуются различительными (дифференциальными) и неразличительными признаками. Различительные признаки образуют **фонологические оппозиции**.

Оппозиции изучаются с точки зрения их логической структуры и представленности в реальных языках. По мнению Н. С. Трубецкого, оппозиции могут классифицироваться по трем основаниям — по отношению к системе оппозиций, по отношениям между членами оппозиции и по действенности в различных позициях.

Зг. Принципы структурного и функционального подхода члены Пражской лингвистической школы стремились распространить на изучение проблем морфологии и синтаксиса.

Пражане признавали изоморфизм фонологического и морфологического исследования, поэтому логическая классификация оппозиций, разработанная для фонологии, применяется и для морфологии. Эти принципы были обоснованы в работах В. Скалички "О грамматике венгерского языка" и Р. О. Якобсона "Очерк общего учения о падеже".

Морфологическая проблематика Пражской лингвистической школы ограничивалась изучением морфемы и морфологических оппозиций (например, нейтрализация родов во множественном числе), совокупности оппозиций. Так, имя существительное в русском языке понимается как способность слова, принадлежащего к этой части речи, участвовать в оппозиции падежей, чисел и родов.

В работах Р. О. Якобсона о грамматических оппозициях была поставлена задача поисков единого семантического инварианта каждого из членов морфологической категории, обосновывался тезис о непременной бинарности лингвистической (в том числе грамматической) оппозиций, выдвигалась идея неравноправности членов морфологической корреляции (связанная с соответствующими наблюдениями русских грамматистов и с идеей Трубецкого о неравноправности членов фонологической корреляции).

Морфология как раздел теории лингвистической номинации в учениях Пражской лингвистической школы была противопоставлена синтаксису как теории синтагматических способов.

В синтаксисе противопоставление языка и речи ведет к разграничению предложения и высказывания.

Член Пражской лингвистической школы В. Матезиус разработал теорию актуального членения предложения, чем и заложил основы **функционального синтаксиса** (работы “О так называемом актуальном членении предложения” (1947 г.), “Основная функция порядка слов в чешском языке” (1947 г.) и др.).

Отметим, что идеи о психологическом членении предложения были ранее высказаны представителями Московской лингвистической школы Ф. Ф. Фортунатовым и А. А. Шахматовым.

Актуальное членение, по В. Матезиусу, следует противопоставить его формальному, грамматическому членению. Если формальное членение разлагает состав предложения на его грамматические элементы, то актуальное членение выясняет **способ включения предложения в предметный контекст**, на базе которого оно возникает.

В качестве основных элементов актуального членения В. Матезиус выделяет исходную точку (или основу) высказывания, то есть то, что является в данной ситуации известным или, по крайней мере, может быть понято из контекста, и ядро высказывания, т. е. то, что говорящий сообщает об исходной точке высказывания. Основными средствами актуального членения выступают интонация и порядок слов. В отечественно синтаксисе более распространены термины **тема-рема**.

Зд. Функциональный подход был плодотворно применен к исследованию проблем литературного языка и культуры речи (у пражан — языка). Решению этих вопросов способствовали также практические задачи, стоящие перед чешскими лингвистами. Эти задачи были обусловлены особенностями развития чешского литературного языка.

Поскольку существуют разные функции речевой деятельности, то им, считают пражские лингвисты, должны соответствовать функциональные языки. Б. Гавранек в статье “Задачи литературного языка и его культуры” (1932 г.) пишет: “Различие между функциональными языками и функциональными стилями заключается в следующем: функциональный стиль определяется конкретной целью того или иного высказывания и представляет собой функцию высказывания, то есть речи (*parole*), в то время как функциональный язык определяется общими задачами нормативного комплекса языковых средств и является функцией языка (*langue*”).

Утверждение Пражской лингвистической школы о том, что “каждая функциональная речевая деятельность имеет свою условную систему языка в собственном смысле”, вряд ли правильно, так как до уровня “языка” поднимаются различные стили: поэтический, фамильярный и т. п., а о поэтическом и о литературном языке говорится как о различных языках, отличающихся от общенародного языка.

Функционализм Пражской лингвистической школы сказался в теоретическом обосновании проблемы **культуры языка**. Под культурой языка пражские ученые понимают заботу о стабильности, устойчивости литературного языка, который должен избавиться от всех ненужных колебаний. Поддержка стабильности тесно связана с разработкой стилистического богатства языка, способного без труда выражать самые разнообразные оттенки значения. Все это требует, в свою очередь, сохранения своеобразия языка, то есть усиления тех черт языка, которые обуславливают его специфику. Борьба за культуру языка предполагает сознательное воздействие лингвистов на разработку вопросов функционального и стилистического использования языковых средств, на формирования норм литературного языка, его стабилизации.

Деятельность Пражской лингвистической школы сыграла важную роль в истории языкоznания. Она оказала и продолжает оказывать существенное влияние на развитие мировой лингвистики. Основные идеи Пражской лингвистической школы не утратили актуальности и в наши дни. Общим достоянием лингвистики стало, в частности, признание лингвистической значимости элементарных фонологических признаков (играющих особенно важную роль в генеративной фонологии). Широкое признание получила "динамическая" концепция языка, обоснованная в трудах Й. Вахека, Ф. Данеша и др., тезис об "открытом" характере языковой системы, включающей наряду с "центральными" (системными, регулярными) также и "периферийные" элементы. В числе плодотворно развивающихся в современной лингвистике понятий, выдвинутых представителями Пражской лингвистической школы, — понятия маркированности/немаркированности языковых единиц. В отечественном языкоznании весьма активно разрабатываются проблемы функциональной стилистики, культуры речи, языковой политики.

4. Для американского языкоznания и психологии характерно понимание речевой деятельности как словесного поведения, как реакции говорящего на ту или иную ситуацию. Язык — это система сигналов, имеющих внешние и внутренние связи, поэтому языкоznание делится на металингвистику (долингвистику) и микролингвистику (собственно лингвистику).

Металингвистика изучает внешнюю сторону словесного поведения. Она объединяет такие дисциплины, как этнолингвистика, психолингвистика, социолингвистика, менталингвистика, фонетика (изучение акустических и артикуляционных свойств звуков), прагмалингвистика.

Микролингвистика занимается описанием словесных сигналов без обращения к металингвистическим фактам и истории. Это наука о выражении, а не значении.

4а. Дескриптивная лингвистика (англ. *descriptive* — описательный) — одно из направлений американского языкоznания, возникшее и активно развивающееся в 30–50-х гг. XX в. в общем русле структурной лингвистики.

Основоположники дескриптивной лингвистики — Л. Блумфилд, Ф. Боас и Э. Сепир.

Дескриптивная лингвистика не ставила задачи создания общей лингвистической теории, которая объясняла бы явления языка в их взаимосвязи, но разрабатывала методы синхронного описания и моделирования языка. Описание языка понималось как установление языковой системы, индуктивно выводимой из текстов и представляющей собой совокупность некоторых единиц и правил их расположения.

Дескриптивная лингвистика — это схема процессов, ведущих к открытию грамматики некоторого языка, или экспериментальная техника сбора и первоначальной обработки сырых данных. Лингвист выступает в роли дешифровщика.

Единственной реальностью, с которой лингвист имеет дело, является текст, подлежащий "дешифровке". Все сведения о "коде" (структуре языка), лежащем в основе этого текста, должны быть выведены исключительно из анализа этого текста. Но в нем непосредственно не содержатся данные о значениях слов, грамматике, истории языка и генетических связях его с другими языками. В тексте непосредственно даны лишь некоторые его элементы (части, отрезки), и для каждого из них можно установить распределение, или дистрибуцию — сумму всех окружений, в которых этот элемент встречается т. е. сумму всех (различных) позиций элементов относительно других элементов. Примерно такую методику применил Ж. Ф. Шампольон, который на основании анализа текстов, написанных на Розеттском камне, в результате многолетних исследований дешифровал систему египетского письма ("Письмо к г. Дасье", 1822 г.).

Особенности дескриптивной лингвистики как разновидности структурализма таковы:

1) представление о лингвистическом описании как наборе независимых от строя того или иного конкретного языка процедур обработки текстов, выполнение которых в определенном порядке должно автоматически привести к открытию грамматики (структурь) данного языка;

2) различие в языке нескольких уровней: фонологического, морфологического, синтаксического. Эти уровни образуют иерар-

хию, основанием которой является фонологический уровень, а вершиной — синтаксический (нет лексического, поскольку именно слово прежде всего обладает значением). Единицы более высокого уровня строятся из единиц непосредственно предшествующего уровня (морфемы — из последовательности фонем, конструкции — из последовательности морфем или символов классов морфем). Поэтому, приступая к описанию языка, необходимо начать с обнаружения его простейших единиц и переходить ко все более сложным единицам;

3) представление о единицах языка как **классах** в некотором смысле дистрибутивно эквивалентных единиц текста (вариантов данной языковой единицы);

4) требование объективности описания, которое при дешифровочном подходе к языку является залогом и единственной гарантией истинности значений.

Таким образом, описать структуру языка исчерпывающим образом — значит установить: 1) его элементарные единицы на всех уровнях анализа; 2) классы элементарных единиц; 3) законы сочетания элементов различных классов.

Упрощенное понимание языка, ограниченность проблематики, абсолютизация дистрибутивного аспекта языка привели уже в конце 50-х — началу 60-х гг. к кризису дескриптивной лингвистики, резкой критике “Лингвистики без смысла” и механистического дистрибуционализма, к появлению теорий, широко обращающихся к семантике, в разработке которых приняли участие многие бывшие дескриптивисты — трансформационная и порождающая грамматика, теория компонентного анализа, различные теории синтаксической семантики и т. д.

46. В основе трансформационной методики лежат следующие идеи З. Харриса: синтаксическая система языка может быть разбита на ряд подсистем, из которых одна является ядерной, исходной, а все другие производны от нее. Эти положения основываются на развитии речи детей и утрате речевых навыков вследствие афазии: начинающий говорить ребенок употребляет простейшие (ядерные в терминологии З. Харриса) конструкции, с развитием малыша

сложняется его речь, в том числе и синтаксис. Афазия — поражение мозга, в результате которого человек утрачивает речевые навыки, но этот процесс протекает постепенно (от более сложных конструкций к менее сложным, а от них — к простейшим (ядерным)).

Ученик З. Харриса Н. Хомский разработал трансформационную методику порождающей (генеративной) грамматики: “Три модели описания языка” (1956 г., русский перевод в 1961 г.), “Синтаксические структуры” (1957 г., русск. пер. — 1962 г.), “Логические основы лингвистической теории” (1962 г.)

Н. Хомский язык рассматривает не как набор единиц языка и их классов (дескриптивная лингвистика), а как своеобразный механизм, создающий правильные фразы.

Выделяются синтаксические структуры двух родов — ядерные и неядерные. Последние являются трансформами ядерных предложений. Их описание содержит правила соединения элементов и правила классификации. Такое описание осуществляется при помощи трансформационной методики.

Трансформации понимаются как формальные операции, необходимые для того, чтобы из простого (ядерного) предложения получить более сложное, как глубинную структуру и трансформу. Н. Хомский выделяет 24 типа трансформаций и разрабатывает “алгебру трансформаций”, то есть последовательность трансформаций, если она не единственная. Среди трансформационных операций выделяются, например, такие: а) перестановка элементов (пермутация), не совсем правильно — совсем не правильно; б) добавление элемента (адьюнкция); ‘сын приехал’ — ‘сын не приехал’ — ‘сын ли приехал’ и т. д.

Генеративная лингвистика получила широкое распространение не только в США, но и в мире в 60-х годах XX в. Она привлекла внимание к ненаблюдаемым объектам синтаксиса, существование которых определяется косвенно; способствовала выработке аппарата описания синтаксиса, ввела в лингвистику технику формализации описания. Однако сразу после выхода “Аспектов теории синтаксиса” Н. Хомского (1965 г.), отражавших этап так называемой стандартной теории (Standard Theory), уже в рамках самой генера-

тивной лингвистики возникли оппозиционные течения, например, порождающая семантика, падежная грамматика. В 70-е гг. влияние идей Хомского заметно ослабляется, вскрываются ее слабые стороны, например, априорность в выделении исходных синтаксических единиц и правил базового компонента; неориентированность на моделирование речевой деятельности и, в частности, недооценка роли семантического компонента и pragматических факторов, слабая применимость к описанию разноструктурных языков.

В 80-е годы идеи порождающей грамматики продолжают развиваться Хомским и его учениками (так называемая “Расширенная стандартная теория”, “Пересмотренная расширенная стандартная теория” и др.). Эти теории также не преодолели недостатков генеративистики. Однако терминологический аппарат трансформационной порождающей грамматики вошел в лингвистический обиход (например, глубинная структура, поверхностная структура, трансформация и др.). Из генеративной лингвистики в языкознание и методику пришли алгоритмизация, ролевая грамматика.

5. Давая название своему направлению (*glōssēma*, род. п. *glōssēmatos* — слово), Л. Ельмслев хотел подчеркнуть тем самым независимость своей лингвистической теории от традиционного языкоznания. Основные пороки предшествующей ему лингвистики Л. Ельмслев усматривал в том, что ее главное содержание — изучение истории языков и родственных отношений между ними — в общем было направлено не столько на изучение природы языка, сколько на психологические, физиологические, социологические и исторические проявления. Традиционная лингвистика, по мнению Л. Ельмслева, цеплялась за случайные и преходящие явления, находящиеся вне пределов языка. Подлинное же научное языкоznание, по мнению ученого, должно быть имманентным, т. е. оно должно изучать внутренние, постоянные, конструктивные элементы языка, присущие человеческой речи вообще, а не данному конкретному языку. Лингвистика, по Л. Ельмслеву, должна попытаться охватить язык как самодовлеющее целое, структуру.

Таким образом, была сделана заявка на создание новой лингвистической теории XX в., объемлющей и теорию, и семиотику, и об-

щую теорию науки. Основные принципы этой теории Л. Ельмслев изложил в работах “Пролегомены и теории языка” (1943 г.), “Метод структурного анализа в лингвистике” (1950–1951 гг.) и др. К ограниченному по своему составу направлению примыкали В. Брэндаль (“Структурная лингвистика”, 1939 г.), Х. Ульдаль (“Основы глоссематики”, 1957 г.) и ряд других менее известных языковедов.

Философскую основу лингвистической теории Л. Ельмслева составляет логический позитивизм, отрицающий реальное существование предметов материального мира, объявляя эти предметы пучком пересечения их отношений. Кроме того, позитивизм отрицает критерий практики.

Глоссематическая теория, по Л. Ельмслеву, сама по себе независима от опыта, т. е. она независима от возможности ее применения, от отношения к опытным данным. С другой стороны, Л. Ельмслев утверждает, что целое состоит не из вещей, а из отношений; и только внутренние и внешние отношения имеют право на существование.

Свою задачу глоссематики видят в анализе текста. Именно из текста в результате анализа извлекается система. Предварительным моментом анализа является **катализ**, сводящийся к доведению фраз до нормальной формы.

В последующем как план выражения, так и план содержания, членится на все более дробные единицы вплоть до мельчайших компонентов. Минимальной единицей плана выражения является **фонема**, которую Ельмслев предлагает называть **таксемами выражения**. В плане содержания неразложимой далее единицей является введенное Л. Ельмслевом понятие **фигуры**. Фигура — это не знаки, входящие в знаковую систему как части знаков. Фигуры выступают как некоторые элементарные смыслы (семантические множители), комбинация которых придает значение знаку. Например, знак ‘мальчик’ можно разложить на фигуры {человеческое существо} + {молодой} + {мужской пол}, изменение последней фигуры дает знак ‘девочка’.

Фигуры, фонемы и другие единицы текста вступают в различные отношения — зависимости (в терминологии Л. Ельмслева,

функции). Отметим, что глоссематики функцию понимают как зависимость (такая терминология принята в математике), а не как в Пражской лингвистической школе (телеологическая установка).

И в тексте, и в системе устанавливаются три типа глоссематических функций:

1) двусторонняя зависимость, или интердепенденция, имеющая место между двумя элементами, не существующими одни без других: если в предложении есть подлежащее, то обязательно есть и сказуемое и наоборот; если в языке есть имена существительные, то обязательно есть и глаголы и наоборот;

2) односторонняя зависимость, или детерминация, при которой один элемент предполагает другой: в русском языке предлог **около** предполагает имя в родительном падеже, но родительный падеж имени возможен не только с предлогом **около**;

3) свободная зависимость, или констелляция, когда один элемент может существовать без другого: категории лица и рода в русском глаголе.

В любом языке число фонем (таксем выражения) не превышает 70–80, а число фигур не намного больше. Л. Ельмслев утверждает: “Таким образом, язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря им все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков. Если бы язык не был таковым, он был бы орудием, негодным для своей задачи”.

При всей методологической порочности глоссематика внесла свой вклад в развитие лингвистики. Как общая дедуктивная теория языка она явилась одной из первых попыток соединения языкоznания с формальной логикой и этим оказала воздействие на совершенствование точных методов исследования языка. Однако стремление утвердить при помощи глоссематики идеалистическое понимание природы языка, с одной стороны, обусловило ряд противоречий в самой глоссематической теории (например, между положением о независимости теории от опыта и признанием того, что применение теории должно вести к результатам, согласующимся с экспериментальными данными), а с другой — обусловило невозможность ее практического использования для анализа конкретных

языков. Между тем отдельные понятия, методы и термины глоссематики нашли применение в некоторых лингвистических концепциях: понятия “схемы” (структуры), “коммутации”, метод компонентного анализа.

Структурализм как особое лингвистическое направление, противопоставленное “традиционному” языкоznанию, перестал существовать с 70-х гг. XX в. Главное его наследие — провозглашение и реализация системного подхода к анализу языка, разработка методов и методик, которые успешно применяются по сей день в других лингвистических дисциплинах (психолингвистике, социолингвистике и др.). Структурная лингвистика повлияла на развитие структурных методов исследования в других гуманитарных науках: литературоведении, искусствоведении, этнологии, истории, социологии, психологии.

6. В противовес структурализму, в рамках которого язык рассматривался как имманентная сущность, в 60–70-е годы стали развиваться направления, связанные с “внешней” лингвистикой. Одной из наиболее популярных социолингвистических концепций является теория языковых кодов Бэзила Бернстайна, о которой иногда принято говорить, что с нее началась современная социолингвистика на Западе.

Свой эксперимент ученый начал осуществлять в 1958 г. Для него Б. Бернстайн подобрал две группы участников. Первая — юноши 15–18 лет, проживающие в разных районах Лондона. Все они работали курьерами, посыльными, никто из них не имел среднего образования. Эта группа участников соотносилась Бернстайном с социальным слоем общества — рабочим классом, а также с сельскохозяйственным населением.

Вторая группа — юноши такого же возраста, обучающиеся в привилегированных закрытых частных школах Лондона, отличающиеся стремлением к получению знаний и интересом к языковым дисциплинам. Эта группа соотносилась с средним и высшим классом.

На основании результатов эксперимента Б. Бернстайн пришел к выводу, что между подростками из “низших” слоев и их сверстниками из “высших” слоев имеются значительные различия в отно-

шении языковой компетенции и владения языком, обозначенные терминами “ограниченный” код и “развернутый” код. На лингвистическом уровне эти коды различаются степенью предсказуемости того, какие структурные элементы будут использованы для организации высказывания. В случае **развернутого** кода говорящий имеет возможность выбора из довольно широкого набора языковых средств, поэтому степень предсказуемости такого высказывания невелика. При **ограниченном** коде количество вариантов выбора резко сокращается и тем самым повышается степень предсказуемости высказывания.

В целом с этой точки зрения развернутый код характеризуется следующим: разнообразные синтаксические конструкции с разнообразными средствами связи (союзы, порядок слов и т. п.); лексика и семантика кода разнообразны и дифференцированы; высказывания в целом носят абстрактный, обобщенный характер.

Ограниченному коду свойственны краткие простые предложения, нередко синтаксически незавершенные, мало предлогов и союзов, придаточных предложений. Лексика ограничена, высказывание конкретно, обращение прямолинейно.

Оба кода находятся в состоянии взаимодополнения. Носитель расширенного кода может перейти в соответствующих обстоятельствах на ограниченный, при обратном переходе требуется длительное обучение.

Ограниченный код может использоваться в определенных условиях, например, в различных ритуальных формах коммуникации (церемонии, предписанные протоколом, религиозные обряды и т. п.).

Таким образом, лица, владеющие развернутым кодом, располагают широким языковым диапазоном и могут избирательно относиться к языковым средствам в зависимости от конкретной ситуации. Они, естественно, могут пользоваться и ограниченным кодом.

В условиях ограниченного кода невербальные средства коммуникации приобретают особую роль (жесты, мимика).

По подсчетам Б. Бернстайна, носителями ограниченного кода оказалось 29 % населения Англии. Ученый рассматривает оба кода в качестве “функций различных социальных структур”. У ребенка,

воспитанного в среде ограниченного кода, сковываются возможности духовного развития и познавательные способности, т. е. поколения таких групп обречены на самопроизводство.

Концепция Б. Бернстайна интересна для нас тем, что она предотвращает от культивирования ограниченного кода, побуждая учителей и методистов создавать условия для максимального развития речи учащегося, что создаст возможности интенсивного интеллектуального развития ребенка.

В конце XX века в зарубежном языкознании стали развиваться такие новые направления, как функционализм, когнитивная лингвистика, лингвистическая прагматика, психолингвистика, этнолингвистика, этнопсихолингвистика и др. Обращает на себя внимание то, что новые школы и направления не отрицают предшественников, а активно используют их идеи и методы лингвистического анализа.

Лекция № 12

Отечественное языкоzнание в советский период

1. Основные достижения отечественного языкоzнания в советский период.
 2. Вклад Л. В. Щербы в решение проблемы общего языкоzнания и фонологии.
 3. Лингвистическая концепция И. И. Мещанинова.
 4. В. В. Виноградов как лингвист.
 5. Языкоzнание Украины.
1. Советское языкоzнание продолжило и укрепило традиции дореволюционного языкоzнания. После Октябрьской революции 1917 г. языкоzнание превратилось в многоотраслевую дисциплину, располагающую богатейшей эмпирической базой.

С одной стороны, целый ряд крупнейших языковедов успешно продолжали традиции Казанской и Московской лингвистических школ (В. А. Богородицкий, Д. Н. Ушаков, А. М. Пешковский, А. М. Селищев, С. П. Обнорский, Е. Д. Поливанов, Л. В. Щерба и др.).

С другой стороны, возникло “новое учение” о языке, или яфетиология, представленное Н. Я. Марром и его последователями. Это направление резко порвало с научными традициями языкоzнания как дореволюционного, так и зарубежного, объявило их “буржуазными” и на основе вульгарно трактуемых “материалистических” положений сделало попытку создать оригинальную лингвистическую теорию.

До революции большинство народностей, населявших России, не имели письменности. Существовало только 5 типов графики: кириллица (русские, украинцы, белорусы), армянское, грузинское, еврейское письмо, латиница (народы Прибалтики). Если в дореволю-

ционной России даже в развитых районах с населения не умели писать и читать, а многие национальности не имели своей письменности, то по переписи 1959 г. называли себя неграмотными 1,5 % граждан СССР.

Таким образом, была совершена культурная революция, составной частью которой явилось языковое строительство-создание письменности для ранее бесписьменных языков, ликвидация неграмотности, составление стабильных школьных учебников на основании добрых научных грамматик и словарей, а также подготовка научных и педагогических кадров.

Главное достижение советского языкоzнания — создание 70 письменностей для ранее бесписьменных народов, а также нормирование 50 языков, т. е. создание литературных языков.

Из индоевропейских языков стали литературными: молдавский (романская группа), осетинский, курдский, талышский (иранская группа). Из тюркских языков 15 получили письменность (гагаузский, кумыкский, ногайский, башкирский и др.). На Кавказе возникли следующие литературные языки: абазинский, абхазский, адигейский, ингушский, чеченский, аварский и др. Создана письменность для угро-финских языков и многих народов Севера.

Отметим, что если в Америке интерес к местным индейским языкам не выходил за пределы чистой теории, то в Советском Союзе все народы на базе своего языка и своей письменности стали развивать самобытную национальную культуру. Этот процесс коснулся и языкоzнания. Все языки изучались из уст народа, и это имело два важнейших последствия: с одной стороны, интенсивно стали развиваться фонетика и фонология, что привело к созданию Московской и Ленинградской (опиравшейся на традиции Казанской лингвистической школы) фонологических школ; с другой стороны, формировались национальные лингвистики. В каждой союзной республике был создан институт языкоzнания, имевший целью изучать языки народов, проживающих на территории данной республики. Особенно велик вклад в создание письменности, в формирование новых литературных языков Е. Д. Поливанова, Д. В. Бубриха, Н. Ф. Яковлева и др.

Изучение языков народов СССР, принадлежащих к разным языковым группам (уральские, тюркские, тунгусо-манчжурские, кавказские, чукотско-камчатские, эскимосо-алеутские и др. языки) обогатило сопоставительно-типологические и ареальные исследования. Наиболее важный обобщающий труд — “Языки народов СССР”, т. 1–5, 1966–1968 гг.

В советской лингвистике большое внимание уделялось проблемам становления и развития национальных литературных языков (И. К. Белодед, Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, Ф. П. Филин и др.). Становление национальных языков рассматривается в связи с процессами образования наций. Разрабатывается вопрос о выборе диалектной базы на ранних этапах формирования литературного языка, так как для многих народов СССР задача создания литературного языка приобрела актуальное значение. Изучалась история ряда литературных языков Западной Европы (германских — В. Н. Ярцева, М. М. Гухман и др.), романских (Г. В. Степанов, Е. А. Реферовская и др.) на основе выработанной в советском языкоznании теории развития литературного языка.

Советский опыт теории и практики языкового строительства (создание письменности, выработка литературного языка, подготовка научных грамматик и словарей) имеет важное международное значение и по сей день.

Расширяются типологические исследования языков (И. И. Мещанинов, а также М. М. Гухман, Г. А. Клиmov, В. М. Солицев, Б. А. Успенский, В. Н. Ярцева и др.). Определяются основные понятия типологии, ее отношение к другим лингвистическим дисциплинам. И. И. Мещанинов создает первую типологическую классификацию языков на синтаксических основаниях. Исследуется диахроническая типология.

С 50-х годов второе дыхание в отечественном языкоznании приобрело сравнительно-историческое языкоzнание. Сравнительно-историческому исследованию подверглось множество языков (напомним, что советское языкоzнание, благодаря включению в научный обиход многих ранее неизвестных языков народов Советского Союза, резко расширило эмпирическую базу нашей науки). Кроме

индоевропейского и отчасти уральского языкоzнания, уже имевших богатые традиции, наиболее развитые отрасли компартистики в СССР — тюркское, картвельское, афразийское языкоzнание (А. И. Белецкий, Л. А. Булаховский, Т. В. Гамкрелидзе, А. В. Деницкая, Вяч. В. Иванов, П. С. Кузнецов, В. П. Мажюлис, Э. А. Манаев, Г. И. Мачавариани, М. Н. Петерсон, Я. М. Эндзелин и др.).

Новые перспективы открывают работы, в которых типологические методы привлекаются для верификации сравнительно-исторических данных, охватывающих как языковую, так и культурную историю народов. Так, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. В. Иванов за фундаментальный труд “Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры”, кн. 1–2, 1984 г., в 1988 году были удостоены Ленинской премии.

Растет интерес к ареальной лингвистике. Составляются лингвистические атласы. Разрабатываются понятия языкового союза, субстрата, суперстрата и адстрата. Институтом востоковедения АН СССР создается многотомный труд “Языки Азии и Африки” (т. 1–3, 1976–1979).

В 60–80-х гг. интенсивное развитие получило сопоставительное (контрастивное) изучение языков, имеющее непосредственный выход в практику преподавания иностранных языков.

В области лексикологии изучались основные принципы номинации, а также варьирующие по разнотипным языкам принципы организации лексики (О. С. Ахманова, В. Г. Гак, Ю. С. Степанов, А. А. Уфимцева, Д. Н. Шмелев и др.).

Интенсивно развивается словообразование (Е. А. Земская, В. В. Лопатин, И. С. Улуханов и др.).

В самостоятельную область исследования превратилась фразеология (В. В. Виноградов, Н. М. Шанский и др.). Создана серия фразеологических словарей.

В области теории словаобразования и фразеологии советская лингвистика занимала ведущее место в мире.

Грамматическая теория строится под знаком системной трактовки синтаксических и морфологических явлений с учетом функци-

онально-семантической значимости грамматических категорий. Новым перспективным направлением явилось создание функциональных грамматик различных языков, прежде всего русского (А. В. Бондарко, А. Е. Супрун, А. А. Юлдашев и др.).

Фонетика и фонология рассматриваются как два аспекта науки о звуковом строении языка.

В советской славистике центральное место занимает систематическое описание и нормализация восточно-славянских языков. Развивается белорусская, русская и украинская лексикография. “Словарь украинского языка” в 11 томах (1970–1980 гг.) получил в 1983 г. Государственную премию СССР. “Словарь современного русского литературного языка” в 17 т. т. (1950–1965 гг.) в 1970 г. был удостоен Ленинской премии.

“Русская грамматика” (т. 1 – 2, 1980 г.) в 1982 г. получила Государственную премию СССР. Важную роль в развитии теории грамматики сыграл труд В. В. Виноградова, “Русский язык. Грамматическое учение о слове” (1947 г.), в 1951 году ему была присуждена Государственная премия СССР.

На материале русского и славянских языков зародились и оформились в самостоятельные научные дисциплины фонология, морфонология и диахроническая фонология, значение которых в зарубежном языкоznании было осознано значительно позднее.

В недрах славистики возникла и стала особой лингвистической дисциплиной история литературных языков (Л. А. Булаховский, В. В. Виноградов, Г. О. Винокур и др.). Описан язык крупнейших писателей (А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.).

По памятникам письменности детально прослеживается история русского, украинского и белорусского языков (С. Ф. Бевзенко, В. И. Борковский, М. Г. Булахов, М. П. Жовтобрюх, Е. Ф. Карский, Ф. Ф. Филин и др.).

Значительно активизировалась работа по изданию древних памятников славянской письменности, создаются этимологические словари.

Разрабатываются принципы преподавания языков (А. М. Пешковский, Е. Д. Поливанов, Л. В. Щерба и др.).

Активизировалось исследование истории русского и советского языкоznания (Ф. М. Березин, М. Г. Булахов, Н. А. Кондрашов и др.).

Социолингвистика как наука о закономерностях функционирования языка в обществе зародилась в недрах советского языкоznания (В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, Р. О. Шор, Б. А. Ларин, Л. Н. Якубинский и др.). Разрабатываются теории языковой нормы и литературного языка, многоязычия, культуры речи, изучается роль социальных факторов в языковой эволюции. Интенсивно изучается языковая ситуация в стране и отдельных ее регионах.

В особое направление выделилась психолингвистика, изучающая психофизиологические механизмы речи (А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, А. А. Брудный и др.).

В советский период закладываются основы прагмалингвистики, когнитивной лингвистики, функциональной лингвистики, лингвокультурологии, теории коммуникаций и других современных направлений языковедения.

Как уже отмечалось, в каждой союзной республике были созданы институты языкоznания, с одной стороны, изучающие языки, функционирующие на территориях соответствующих республик, а с другой стороны – развивающие теорию лингвистики. Так, например, в Институте языковедения им. А. А. Потебни АН УССР наибольших успехов достигли в исследовании проблем теории языкоznания и социальной лингвистики (И. К. Белодед, А. С. Мельничук, В. М. Русановский и др.).

Таким образом, большие достижения советского языкоznания бесспорны. Наша наука всегда занимала почетное место в мире.

2. Академик Л. В. Щерба (1880–1944) – выдающийся языковед, непосредственный ученик И. А. Бодуэна де Куртенэ, оставившего его при кафедре сравнительной грамматики и санскрита в 1903 г.

С 1906 г. он изучает в Италии тосканские диалекты и занимается в лаборатории Экспериментальной фонетики у аббата Руссло в Париже. Собранные им материалы и методика изучения звуков послужила базой его магистерской диссертации “Русские гласные в качественном и количественном отношении” (1912 г.). В 1907–1908 гг. Л. В. Щерба, по совету своего учителя, изучает мужаковский диалект

лужицкого языка в Германии. Затерянный славянский диалект крестьян в немецком языковом окружении важен был для разработки теории смешения языков и языковых контактов. Ученый поставил перед собой цель всесторонне изучить живой, совершенно незнакомый ему язык, чтобы не навязывать языку каких-либо предвзятых категорий, не укладывать строй языка в готовые схемы. Материалы и лингвистические выводы по фонетике, теории грамматики и смешению языков стали предметом его докторской диссертации “Восточнолужицкое наречие (с приложением текстов)”, защищенной в 1915 г.

С 1909 г. Л. В. Щерба начинает преподавательскую работу в Петербургском университете, а также создает и развивает кабинет экспериментальной фонетики.

Круг научных интересов ученого был очень широк: 1) общие проблемы языкоznания; 2) фонетика и орфоэпия; 3) грамматика; 4) лексикография; 5) проблемы письменности, орфографии, транслитерации и транскрипции; 6) методика преподавания иностранных языков; 7) язык поэзии А. С. Пушкина; 8) французский язык.

К языку Л. В. Щербы подходит как к системе, полагая, что система “есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что представляется в “индивидуальных речевых системах”, возникающих под влиянием этого языкового материала. Следовательно, в языковом материале и надо искать источник единства языка внутри данной общественной группы”.

В языке Л. В. Щерба различал: 1) речевую деятельность, то есть процессы говорения и понимания; 2) систему языка, куда входят слова, образующие в каждом языке свою очень сложную систему морфологических и семантических рядов, живые способы создания новых слов, а также схемы или правила построения различных языковых единств; 3) языковой материал, т. е. совокупность всего говоримого и понимаемого в определенную эпоху.

Основная задача лингвиста при изучении системы языка — это обобщение фактов речи и выведение из них системы языка, т. е. выявление словаря и грамматики, адекватных действительности.

Языковая система все время находится в непрерывном изменении и развитии.

Л. В. Щерба включил в грамматику словообразование.

Ученый создал теорию синтагмы как предельной и основной синтаксической единицы. Синтагма — это “фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи — мысли и могущее состоять из слова, словосочетания и даже группы словосочетаний”.

Л. В. Щерба много работал в области экспериментальной фонетики, создал свою теорию фонемы (звуковой тип, не зависящий от видоизменения морфемы), изложенную им в “Фонетике французского языка” (1937 г.). Ученый всегда подчеркивал тесную связь фонологии с фонетикой. Л. В. Щерба признавал важность лингвистического эксперимента не только в фонетике, но и в грамматике и стилистике.

Основы научной лексикографии он заложил в статье “Опыт общей теории лексикографии” (1940 г.). Большое значение имеет выдвинутый им в предисловии к “Русско-французскому словарю” (1936 г.) принцип создания объяснительного, или переводимого, двуязычного словаря.

Ученый отдал дань методике: при изучении иностранных языков на начальной стадии он рекомендовал сопоставление с родным языком учащихся.

Таким образом, научная деятельность академика Л. В. Щербы была плодотворна и многообразна.

3. Иван Иванович Мещанинов — ученый исключительно широкого диапазона. С его именем связано возникновение и развитие целого ряда направлений в области общего и некоторых частных языкоznания. Он был крупнейшим специалистом по археологии и истории Юга России и Закавказья, неоспоримы его заслуги в организации этнографических исследований.

Иван Иванович Мещанинов родился 24 ноября 1883 г. в Уфе. После окончания с золотой медалью петербургской гимназии в 1902 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета. В 1905 г. он в течение двух семестров занимался у профессоров В. Виндельбандта, М. Еллинека и Г. Аншюца в Гейдельбергском университете. В этом же году И. И. Мещанинов поступа-

ет в Археологический институт в Петербурге. Юридический факультет он закончил в 1907 г., а Археологический — в 1910 г.

После окончания Института И. И. Мещанинов на протяжении 13 лет (с 1910 по 1923 гг.) заведовал историческим архивом Археологического института, получив в 1911 г. звание почетного члена правления этого института. С 1914 г. ученым приступили к изучению коллекции древностей Передней Азии, хранившихся в Археологическом институте.

Одновременно с изучением эlamских древностей И. И. Мещанинов приступил к исследованию эlamского языка. На этой почве произошло сближение между ним и акад. Н. Я. Марром, крупнейшим востоковедом того времени, оказавшим большое влияние на дальнейший творческий путь И. И. Мещанинова.

Уже в те времена ассириология была комплексом гуманитарных дисциплин, изучающих историю, культуру и языки народов, которые в древности писали клинописью. В более узком понимании — это комплекс дисциплин, изучающих историю, культуру и языки древней Месопотамии (Ассирии и Вавилонии).

Монументальные урартские надписи были обнаружены на Армянском нагорье еще в 19 веке, найдено и некоторое количество табличек. Интерпретация урартского языка была выполнена в основном трудами И. Фридриха, А. Гетце и И. И. Мещанинова, но она по сей день не может считаться завершенной.

Таким образом, И. И. Мещанинов начал свою научную деятельность как ученый столь широкого диапазона. Такой подход к явлениям языка стал особенно актуальным в наши дни.

Принцип историзма стал основополагающим для научных разысканий И. И. Мещанинова как в области археологии, так и в области языкоznания.

С 1925 по 1931 г. сначала под руководством проф. Б. В. Формановского, а затем в качестве руководителя И. И. Мещанинов участвовал в археологических экспедициях по раскопкам Ольвии — центра античной колонизации Северного Причерноморья. В 1926—1933 гг. учесный проводил систематические археологические исследования в различных районах Закавказья — Нагорном Карабае

(Ходжалы), Нахичевани (Кызыл-Вал), в Айдумских горах, в степной полосе Кировобада и Мильской степи.

Признанием выдающегося вклада, внесенного И. И. Мещаниновым в освещение исторического прошлого Северного Причерноморья и Закавказья, было его избрание в 1928 г. членом Академии истории материальной культуры, а в 1933 г. он был избран академиком АН СССР.

В 1927 г. И. И. Мещанинов представил к защите докторскую диссертацию "Халдоведение. История древнего Вана, включающую древнейшие сведения о Закавказье. Система письма и чтения клинописных текстов халдов — урартов".

Занятия халдским (урартским) языком И. И. Мещанинов считалася к его исследованию в последнее 15 лет своей жизни, опубликованным в эти годы детальное описание его грамматического строя (Грамматический строй урартского языка, ч. 1. Именные части речи. М.-Л., 1958; ч. 2. Структура глагола. М.-Л., 1962) и оставил в руко-писи "Анnotatedный словарь урартского языка" объемом более 20 авторских листов. Ранее были опубликованы "Язык ванских клинописных надписей на основе яфетического языкоznания" (Л. 1932 г.) и "Язык ванской клинописи. 2. Структура речи" (Л. 1935).

Тем не менее наиболее существенную роль в развитии отечественной языкоznания сыграли труды И. И. Мещанинова по общепринятой лингвистике. Считая себя учеником Н. Я. Марра, начиная с 30-х гг. И. И. Мещаниновшел своими путями, творчески развивая и перерабатывая идеи своего учителя.

Основополагающим принципом при исследовании языка и языкоznания И. И. Мещанинов считали принцип историзма. Это означало: 1/ язык — продукт человеческого общества, средство общения в нем, поэтому должен рассматриваться как общественное, а не как естественное явление, т. е. в связи с обществом, его породившим, в обусловленности общественными факторами; 2/ язык, будучи историческим явлением, должен рассматриватьсь не как раз и навсегда застывшая система, но в движении и развитии.

Принцип историзма по сей день остался основополагающим принципом отечественного языкоznания.

Понимание языка как общественного явления получило развитие в “новом учении о языке”, сформулированном Н. Я. Марром, а затем продолженном И. И. Мещаниновым.

Н. Я. Марр, став после Октябрьской революции на путь освоения и применения положений диалектического и исторического материализма в области языкоznания, не смог, однако, правильно определить специфику языка как общественного явления. Причислив язык к надстройке, он искал прямолинейную и однозначную связь между языковыми и другими социальными явлениями, отрицая тем самым относительную самостоятельность языка по отношению к общественным факторам.

Ряд учеников Н. Я. Марра, в том числе И. И. Мещанинов, стали развивать “новое учение о языке” в сторону сближения с традиционным языкоznанием. И. И. Мещанинов, пользуясь некоторыми идеями Н. Я. Марра, исследовал основные этапы развития языков, разработал теорию понятийных категорий и создал синтаксическую типологию языков, сформулировал теорию членов предложения и синтаксических отношений в связи с частями речи и т. д.

Рассмотрим некоторые положения лингвистической концепции И. И. Мещанинова.

ПОНЯТИЙНЫЕ КАТЕГОРИИ обычно понимаются как универсальные, свойственные всем /или большинству/ языков мира; благодаря именно этому свойству они выступают как основа сводимости описаний разнообразных и разносистемных языков. В разработке учения о понятийных категориях важную роль сыграли труды О. Есперсена и И. И. Мещанинова.

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ создается на основе одной черты языковой структуры, которая признается ведущей (работы советских типологов 20- 40-х г. г., содержательно ориентированная типология в работах И. И. Мещанинова), группирующая типологически релевантные признаки языков вокруг одного признака (структурной доминанты), например, противопоставление субъекта – объекта в номинативных языках, агентива –

фактивива в эргативных, агентивности – инактивности в активных языках и т. п.

Типология И. И. Мещанинова опиралась на стратификацию типов предложений разноструктурных языков. Типы предложений рассматривались с точки зрения универсальности субъектно-предикатных отношений и конкретно-морфологической выраженности их. Детальный анализ каждого типа направлен на выделение трех последовательных стадий: посессивной, эргативной, номинативной.

В посессивной стадии развития языка, которая, по мнению И. И. Мещанинова, характерна для чукотского, алеутского, нивхского и других палеоазиатских языков, нет различия субъекта и объекта. Глагол не знает переходности – непереходности действия. Словесный комплекс, включая в свой состав различные части, представляет из себя единое целое.

Эргативная стадия, наблюдающаяся в кавказских языках (грузинском, абхазском, адыгейском и др.), характеризуется выделением субъекта в особом эргативном падеже, а объекта – в именительном.

В номинативной стадии ведущим синтаксическим признаком является наличие субъекта в именительном падеже в качестве единственной формы подлежащего вне зависимости от переходности – непереходности глагола.

Последующее развитие языкоznания продемонстрировало несостоятельность данной стадиальной схемы, но идея проведения синтаксических исследований, построенных на изучении сходств и различий в выражении синтаксических отношений в родственных и разноструктурных языках, была новой для советского языкоznания 30-х гг. и знаменовала становление типологического изучения языков. Своими трудами И. И. Мещанинов способствовал включению в общетеоретическое рассмотрение бесписьменных и малоизвестных языков народов СССР, стимулируя их конкретное изучение.

Если первая половина 20 в. в западной лингвистике характеризуется в целом преобладанием формальной типологии, то в СССР в трудах И. И. Мещанинова разработка данного направления шла по линии контенсивно-синтаксической и категориальной типологии.

Проблема типологии непосредственно связана с УНИВЕРСАЛИЯМИ. Теория диахронических универсалий активно развивается с 70-х гг. 20 в. Признание универсалий в диахронии (например, что самое позднее глагольное время в языке — это будущее) предполагает принятие идеи однотипности языкового развития. Концепции этого рода высказывались в нашем языкоизнании еще в 30-е гг. в трудах И. И. Мещанинова.

В типологической классификации языков И. И. Мещанинова исследование сочетаемости слова, общих свойств предложения как единицы языка тесно связано с морфологией.

Обратимся к некоторым размышлениям и наблюдениям ученого в области синтаксиса и морфологии.

ПРЕДИКАЦИЯ. В теории лингвистики существует два основных подхода к предикации: 1/ предикация рассматривается как функция предложения в целом, а ее показатели, “морфемы спряжения”, — как принадлежность не глагола, а предложения (Л. Ельмслев, Э. Бенвенист и др.); 2/ предикация рассматривается как функция “глагольного комплекса” и отождествляется со “сказуемостью” (И. И. Мещанинов).

Естественно, “сказуемость” неизбежно приводит к глаголу и его категориям.

ВИД (спектр). В языках мира выделяются аспектуальные противопоставления, связанные с достижением \ недостижением внутреннего предела действия, с подчеркиванием процесса протекания действия, с понятием состояния и достигнутого состояния, с понятием многократности, обычности и т. п. Противопоставление значений этого типа выступает как вид, поскольку оно получает в том или ином языке статус грамматической категории. В противном случае оно рассматривается И. И. Мещаниновым как семантическая (понятийная) категория.

НАКЛОНЕНИЕ. Количество и значение наклонений в тюркских и других агглютинативных языках совпадает, но, по наблюдениям И. И. Мещанинова, включившего в научный обиход множество ранее не изученных языков на территории Советского Союза, имеют и свои особенности: в самодийских языках есть формы изъявительного, сослагательного, простительного, предположительного, долженствовательного, вопросительного, побудительного (иначе: юссиба), условного, аудитивного наклонения.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА. Обобщения сопоставительной стилистики приводят к выводу о том, что в разных языках имеются разные предпочтительные способы выражения одних и тех же содержаний (мыслей). Так, индоевропейские языки в целом противопоставляют “субстанцию” и её “форму” (например, “чашка чаю”), тогда как индейские языки соединяют их в понятии “явление” (“чаечашка”) и т. п. Стилистика, таким образом, выходит в область общей проблемы “язык и мышление”, составляющей содержание таких разных концепций, как стадиальная типология (работы И. И. Мещанинова).

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ГРАММАТИКА. И. И. Мещанинов, излагая в работах 40-х годов теорию понятийных категорий, базирующуюся на его типологических исследованиях, выдвигал на первый план все то, что в этих категориях связано с “языковой передачей”, в которой он уделял особое внимание наличию определенной системы. Тем самым труды И. И. Мещанинова имели большое значение для разработки теоретических оснований функциональной грамматики.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ. Понятие поля в грамматике разрабатывается в отечественном языкоизнании с 60–70-х гг. 20 века (В. Г. Адмони, М. М. Гухман, Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс, А. В. Бондарко и др.). Во многих отношениях оно опирается на теорию понятийных категорий И. И. Мещанинова.

В лице И. И. Мещанинова сочетались качества выдающегося исследователя-теоретика и крупнейшего организатора науки. В 1933–1937 гг. он был директором Института антропологии и этнографии АН СССР, в течение длительного периода (1934–1950 г. г.) руководил Институтом языкоизнания и мышления АН СССР, а с 1939 по 1950 г. г. возглавил советскую филологическую науку, будучи академиком-секретарем Отделения литературы и языка и членом Прези-

диума АН СССР. И. И. Мещанинов принимал также активное участие в организации научных исследований в национальных республиках — в течение ряда лет он руководил Отделением общественных наук Азербайджанского филиала АН СССР, был председателем Дагестанского филиала АН СССР.

Будучи директором Института языкоznания и мышления и академиком-секретарем Отделения литературы и языка АН СССР, И. И. Мещанинов осуществлял большую работу по организации исследований многочисленных бесписьменных и младописьменных языков народов СССР, по созданию письменностей для ранее бесписьменных народов СССР, а также по переводу письменностей ряда народов СССР с арабского и монгольского на латинский и кириллический алфавиты.

Много сил и труда вложил И. И. Мещанинов в подготовку языковедческих кадров, в особенности национальных научных работников. Более 30 лет он преподавал в Ленинградском университете, был деканом его филологического факультета, заведовал кафедрой общего языкоznания, кафедрой палеоазиатских языков.

Академик И. И. Мещанинов оставил большое научное наследие. Он был удостоен звания Героя Социалистического Труда.

Умер И. И. Мещанинов в 1967 году.

4. Академик Виктор Владимирович Виноградов (1895–1969 гг.) учился у А. А. Шахматова и Л. В. Щербы.

В. В. Виноградов был ученым с широкими исследовательскими интересами, огромной эрудицией, филологом в подлинном значении этого слова, в котором сочетались лингвист и литературовед.

Основное направление его интересов было связано с созданной им областью науки — историей русского литературного языка. Основные его труды в этом аспекте: “История русского литературного языка” (1938 г.), “Язык Пушкина” (1935 г.), “Стиль Пушкина” (1941 г.), “О языке художественной литературы” (1959 г.).

В. В. Виноградов многое сделал для развития на новом этапе стилистики русского языка (“Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика” (1936 г.).

Ученый показал неразрывную связь развития литературного языка с языком лучших мастеров художественного слова, он глубоко

решал проблемы поэтической речи, стилистики и стилей русской художественной прозы.

В мировое языкоzнание вошли грамматические труды В. В. Виноградова. Он сказал свое весомое слово и в словообразование, и в морфологии, и в синтаксисе. Наиболее важна его книга “Русский язык. Грамматическое учение о слове” (1947 г.). В ней изложены новые трактовки и оригинальные идеи по всем проблемам грамматики. Труд академика В. В. Виноградова оказал значительное влияние на изучение грамматического строя многих языков (объект грамматики, ее системный характер, слово как грамматическая единица, классификация частей речи, строение слова, взаимоотношение морфологии с синтаксисом, словообразованием, лексикой).

В. В. Виноградов, будучи знатоком русского языка и языка русских писателей, отдал дань лексикографической работе. Он был одним из составителей “Толкового словаря русского языка” под редакцией Д. Н. Ушакова, редактировал “Словарь языка Пушкина” и семнадцатитомный академический “Словарь русского языка”.

С именем В. В. Виноградова связано превращение фразеологии в самостоятельную отрасль языкоzнания, имеющую дело с семантической сочетаемостью слов.

Ученый был выдающимся организатором советской науки. В 1950–1963 гг. В. В. Виноградов был академиком — секретарем отделения русского языка и литературы АН СССР.

5. В 1930 г. был основан Институт языкоzнания, однако лингвистические исследования начались раньше. В мае 1921 г. на базе правописно-терминологической комиссии УАН, а также терминологических комиссий Киевского научного общества, объединившегося с Академией, был создан первый в историко-филологическом отделе институт — Институт украинского научного языка. Его задача — изучение и разработка научной терминологии, установление норм правописания. Директором Института был избран акад. А. Ю. Крымский.

На протяжении 20-х годов сотрудники Института обработали значительный терминологический материал и на его основе был подготовлен и издан целый ряд переводных отраслевых словарей.

После воссоединения с Западной Украиной в 1940 г. было создано Львовское отделение Института языковедения во главе с акад. И. Й. Студинским, он же возглавлял это отделение после освобождения Украины от фашистских захватчиков.

После войны Институт языковедения был восстановлен 15 июня 1944 г., возглавил его акад. Л. А. Булаховский. Организационную структуру Института составили лексикографический отдел, отделы украинского языка, общего, романского и германского языкоznания, русского и других славянских языков.

По инициативе акад. Л. А. Булаховского 13 февраля 1945 г. указом Президиума Верховного Совета УССР Институту языковедения было присвоено имя А. А. Потебни.

В 1991 г. из состава Института языковедения вычленился Институт украинского языка.

Обратимся к основным достижениям Института языковедения.

В центре описательной лексикографии было создание словарей: русско-украинского, украинско-русского, со временем толкового. В 1983 г. "Словник української мови" в 11-ти томах был удостоен Государственной премии СССР. К 150-летию со дня рождения Кобзаря был подготовлен двухтомный "Словник мови Шевченка" (К., 1964 г.). Создаются русско-украинские терминологические словари (технический, сельско-хозяйственный). Большим событием стала подготовка и издание академических "Фразеологічного словника української мови" в 2-х кн. (К., 1993, 2-е изд. 1999) и "Словника синонімів української мови" в 2-х т. (К., 1999–2000).

В конце 60-х – начале 70-х годов появился фундаментальный обобщающий труд "Сучасна українська літературна мова" в 5-ти т. (общ. ред. акад. И. К. Белодеда).

Большое внимание уделяется изучению истории украинского литературного языка (М. А. Жовтобрюх, В. М. Русановский и др.). Исследуются памятники украинского языка (В. В. Нимчук и др.). Результатом этих разысканий стало четырехтомное издание "Історія української мови".

Весомый вклад сотрудники Института внесли в разработку проблем диалектологии, в частности – Атласа украинского языка. Создан "Український діалектичний фонофонд", а также издан целый

ряд монографий, посвященных отдельным диалектам украинского языка и их особенностям.

Со второй половины XX в. в Институте разворачиваются ономастические исследования, возглавляемые К. К. Цилуйко. Был создан "Словник гидронімів України" (1979 г.) "Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі" (К., 1985). Ученые-ономасты собрали картотеку из 1 млн карточек, преимущественно топонимов, гидронимов и антропонимов.

В 1971 г. начал работу отдел русского языка во главе с Г. П. Ижакевич (позднее – Н. Г. Озеровой). Главная задача его – сопоставительное изучение родственных языков, например, "Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков" (К., 1981), "Сопоставительная грамматика русского и украинского языков" (К., 2003), "Словарь языка русских произведений Т. Г. Шевченко" (К., 1985–1986, отв. ред. Т. К. Черторижская).

В Институте изучаются современные славянские, романские, германские и балтийские языки.

Усилиями А. С. Мельничука была создана сравнительно-историческая школа славистов. Основное ее достижение – "Етимологічний словник української мови" в 7 томах.

Важным этапом в развитии украинской языковедческой науки стала энциклопедия "Українська мова" (К, 2000, 2004 гг., главные редакторы В. М. Русановский и А. А. Тараненко).

В 60-е гг. ХХ в. усилиями В. И. Перебейнос в Институте и на всей Украине был заложен фундамент нового направления – структурно-математической лингвистики. Созданы частотный словарь украинской художественной прозы (1972 г.), структурная грамматика украинского литературного языка (1981 г.), разработана оригинальная система автоматического анализа текста – универсальная компьютерная модель. В 1986 г. в отделе сформировался сектор машинного фонда украинского языка, возглавляемый М. М. Пещак. С 1991 г. он стал сердцевиной созданного в системе НАН Украины Украинского языко-информационного фонда.

В Институте плодотворно разрабатываются проблемы стилистики, культуры украинской речи, социолингвистики. Создана и активно работает лаборатория экспериментальной фонетики.

Труды сотрудников Института языковедения им. А. А. Потебни получили высокую оценку: среди ученых Института есть академики и члены-корреспонденты НАН Украины, их избирали и в Академию наук СССР. Группа лексикографов, подготовивших 11-томный "Словник української мови", стала лауреатами Государственной премии СССР, составители и редакторы "Русско-украинского словаря" в 3-х т. (1968 г.) — лауреатами Государственной премии Украины, составители и редактооры "Словника мови Шевченка" удостоены премии великого Кобзаря. Исследования многих ученых Института отмечены премиями им. И. Франко, А. А. Потебни, Н. И. Костомарова НАН Украины.

Ученые-филологи Украины и соседних государств знают, что Институт языковедения им. А. А. Потебни продолжает разрабатывать проблемы этимологии, акцентологии, морфемной структуры языка, сравнительного русско-украинского языковедения, украино-ионославянской лексикографии, истории украинского литературного языка и др. Таким образом, традиции продолжаются.

Таким образом, отечественное языкознание в советский период развивалось мощно и интенсивно, создавая новые направления исследований, плодотворно работая в традиционных, вовлекая в науку десятки не описанных языков и наречий.

Язык как система

1. Проблемы системы и структуры языка в современной лингвистике.
2. Признаки системы и специфика системы языка, ее открытость и динамизм.
3. Язык как система систем. Система языка в синхронии и диахронии.
4. Теории единства структуры языка.
5. Ярусы структуры языка.

I. В современной науке невозможно назвать такую отрасль знания, развитие которой не связывалось бы с внедрением в нее понятий системы и структуры. Изучение системных и структурных свойств объекта познания стало одной из центральных задач большинства теоретических дисциплин, переходящих по мере своего совершенствования от описания наблюдаемых фактов, их классификации к познанию глубинных свойств объекта и принципов его организации, выражаемых прежде всего в системных и структурных отношениях.

Благодаря системному подходу к анализу различных языковых единиц и категорий в лингвистике произошли заметные изменения: 1) расширились и умножились ее связи с другими науками; 2) выделились новые области исследования; 3) усовершенствовалась техника лингвистического анализа, и наши знания пополнились важными сведениями об особенностях языковых единиц и отношений между ними; 4) рассмотрению с новых позиций подверглись самые различные аспекты речевой деятельности и функционирования языка.

В итоге понятия системы и структуры стали основополагающими теоретическими понятиями языкоznания в целом.

Вместе с тем тезис о системности языка и важности изучения его структуры, принимаемый сейчас почти безоговорочно лингвистами разных школ и направлений, раскрывается в конкретных исследованиях далеко не одинаково, и реальное содержание, которое вкладывается в соответствующие термины, оказывается не тождественным.

Становление и эволюция системного подхода к языку происходили на фоне общего поворота науки XX века от “атомистических” к “холистическим” взглядам (т. е. к признанию примата целого над частями и всеобщей связи явлений). В науке XXI века эти тенденции продолжаются.

Одним из первых о системе языка (употребив этот термин, но не дав ему лингвистической интерпретации) заговорил Н. М. Карамзин в связи с выходом в свет шеститомного “Словаря Академии Российской” (СПб, 1784–1794 гг.) — первого собственно академического словаря русского языка, насчитывающего 43257 слов: “Полный Словарь, изданный Академиою, принадлежащий к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев; наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, еще не имея словаря: мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного исконно классического (Ломоносова) и представили систему языка (выделено мной — Л. И.), которая может равняться с знаменитыми творениями Академии Флорентийской и Парижской”. Отметим, что положение о системе языка Н. М. Карамзин высказал за 80 лет до Ф. де Соссюра, с именем которого связывают разработку этой категории.

В учении Ф. де Соссюра система языка рассматривается как система знаков. Ее внутреннюю структуру изучает внутренняя лингвистика, внешнее функционирование системы языка, т. е. функци-

онирование в связи с внеструктурной действительностью, изучает внешняя лингвистика.

Большую роль в разработке учения о системе языка сыграли идеи И. А. Бодуэна де Куртенэ о роли отношений в языке, о разграничении статики и динамики, внешней и внутренней истории языка, выделение им наиболее общих единиц системы языка — фонем, морфем, графем, синтагм.

Идеи о системной организации языка были развиты в нескольких направлениях структурной лингвистики.

В исследованиях конца XX — начала XXI века подчеркивается нежесткость, асимметрия системы языка, неодинаковая степень системности различных ее участков (В. В. Виноградов, В. Г. Гак, В. Н. Ярцева). Выявляются отличия языка от других семиотических систем (Вяч. Вс. Иванов, Т. В. Булыгина). Исследуются “антиномии развития” системы языка (М. В. Панов), взаимодействие внутренних и внешних факторов ее эволюции (Е. Д. Поливанов, В. М. Жирмунский, Б. А. Серебренников), закономерности функционирования системы языка в обществе (Г. В. Степанов, А. Д. Швейцер, Б. А. Успенский), взаимодействия системы языка с деятельностью мозга (Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, Вяч. Вс. Иванов).

2. В современной лингвистике в принципе утверждилось следующее определение системы языка: (от греч. *systema* — целое, составленное из частей) — множество языковых элементов любого естественного языка, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенное единство и целостность. Каждый компонент системы языка существует не изолированно, а лишь в противопоставлении другим компонентам системы (Т. В. Булыгина, С. А. Крылов, ЛЭС, с. 452).

Структура — это строение системы.

А. С. Мельничук писал: “Следует признать наиболее целесообразным и соответствующим установившемуся в языке словоупотреблению такое различение терминов система и структура, при котором под системой понимается совокупность взаимосвязанных и

взаимообусловленных элементов, образующих более сложное единство, рассматриваемое со стороны элементов — его частей, а под структурой — состав и внутренняя организация единого целого, рассматриваемое со стороны его целостности... Так, например, подлежащее представляет собой и элемент синтаксической структуры предложения, и компонент системы членов предложения... Структура (система) языка в самом языке непосредственному наблюдению не поддается... Объективно существующие структура и система языка обнаруживаются... в бесконечном повторении их различных сторон и элементов, выступающих каждый раз в других конкретных проявлениях".

Язык является открытой динамической системой: он находится в состоянии постоянного развития, обогащаясь за счет новых элементов и освобождаясь от устаревших.

От коммуникативных средств у животных система языка отличается способностью выражать логические формы мышления.

От искусственных формализованных знаковых систем система языка отличается стихийностью возникновения и развития, а также возможностью выражения дейктической, экспрессивной и побудительной информации.

Будучи в известной степени открытой, система языка взаимодействует с окружающей средой познавательной деятельности человечества (ноосферой), что делает необходимым изучение ее внешних связей.

В современной систематике приняты следующие признаки систем: 1) относительная неделимость элементов системы; 2) иерархичность системы; 3) структурность системы.

Рассмотрим эти признаки.

1. Относительная неделимость элементов системы. Элементы системы являются неделимыми с точки зрения данной системы. Ее элементы могут подвергаться дальнейшему членению, но для других задач, и, следовательно, составлять другие системы. Так, система синтаксиса состоит из системы сложного и системы простого предложения. Всякое предложение состоит из слов, т. е. можно говорить о системе лексики, слова распадаются на морфе-

мы — это уже система словообразования и т. д. Но и система лексики, и система словообразования — это уже другие, не синтаксическая, системы. Иными словами, элементы потенциально делимы, но в данной системе мы имеем дело с неделимыми элементами.

Признак потенциальной делимости элементов тесно связан с потенциальной делимостью систем, т. е. с иерархическим построением систем.

2. Иерархичность системы. Этот признак предполагает возможность расчленения данной системы на ряд других систем (подсистем), с одной стороны, или входжение данной системы в качестве элемента в иную, более широкую систему. Например, система синтаксиса распадается на подсистемы сложного предложения, простого предложения, словосочетания. В свою очередь, подсистема сложного предложения распадается на подсистемы союзного и бессоюзного предложения, подсистема союзного предложения распадается на подсистемы с сочинительной и подчинительной связью и т. д.

Таким образом, любая система представляет собой сложный объект, имеющий иерархическое строение.

3. Структурность системы. Структура — это способ организации элементов, схема связей или отношений между ними. Следовательно, как система не существует без элементов, находящихся во взаимосвязи, так невозможна она и без структурной организации ее элементов.

Языковые системы могут принимать разные конфигурации: поле, иерархия уровней и др.

Система языка противопоставлена упорядоченному множеству. Если в системе все взаимосвязано и взаимообусловлено, то от изменения частей в упорядоченном множестве дело не меняется. О языковых системах уже говорилось. Примером упорядоченного множества может служить студенческая аудитория: столы, стулья, стоящие в определенном порядке и ориентированные на кафедру, за которой висит доска. Можно добавить или убавить количество столов или стульев, можно обойтись без доски, но аудитория оста-

нется аудиторией. В случае необходимости можно преобразовать ее в миниатюрный класс.

Вслед за Э. Косериу, в языке различают систему и норму. Система показывает открытые и закрытые пути для развития языка, т. е. система — это не только то, что мы наблюдает в языке, но и то, что в нем возможно, чтобы быть понятым членами одного и того же языкового коллектива. В процессе реализации возможностей, заложенных в системе языка, язык развивается.

Так, например, для системы русского и украинского консонантизма характерно противопоставление звуков по глухости — звонкости. Известно, что звук [в] был сonorным. В X веке в русский язык стали активно проникать грецизмы, вместе с ними звук [ф], но язык сначала этот звук последовательно отвергал (слова парус, Опанас и т. п.), эта тенденция наблюдается в просторечиях и диалектах (арихметика, хворточка и т. п.). Особенности артикуляции [в] и [ф] позволили образовать коррелятивную пару по звонкости — глухости, хотя [в] в фонетическом ряду ведет себя как звук сонорный, сочетаясь с глухими, и со звонкими согласными (зверь — сверъ), напротив, рядом с глухими согласными [в] может подвергаться асимиляции [ф] торник.

В речи нет ничего, чего нет в возможностях языка. Л. В. Щерба справедливо отмечал: “Все подлинно индивидуальное, не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально, не находя себе отклика и даже понимания, безвозвратно гибнет”. Сравним окказионализмы: “И лежат на земле клубничены сверхарбузной величины” (Е. Евтушенко) и “еуы” (лилия) у М. Крученых.

3. Таким образом, с учетом вышесказанного можно утверждать, что всякая единица языка входит в систему. В современных системных исследованиях различают два типа систем — гомогенные и гетерогенные.

Гомогенные системы состоят из однородных элементов, их структура определяется противопоставленностью элементов друг другу и порядком следования в цепи. К гомогенным относят системы гласных, согласных и т. п.

Гетерогенными системами называются такие, которые состоят из неоднородных элементов, им свойственна “многоэтажность”. В гетерогенных системах наблюдается распадение системы на подсистемы однородных элементов, взаимодействующих друг с другом, а также с элементами других подсистем. Выше мы рассматривали систему синтаксиса. Язык в целом является гетерогенной системой.

Так, например, лексика и словообразование и связаны, и соотнесены по многим и разным направлениям. Образование новых слов обязательно опирается на уже существующие слова, механизм словообразования не может работать без такой опоры. Вместе с тем этот механизм, работая, дает новые слова, пополняет и изменяет лексику. Например, от слова рука — рукавица, обручиться, рукав, нарукавник и т. п.

Понятие системности градуально, т. е. допускает разную степень жесткости организации системы. В хорошо организованных (жестко структурированных) системах (например, в фонологии, в отличие от лексики) существенное изменение одного элемента влечет за собой изменения в других точках системы или даже нарушение равновесия системы в целом. Например, система гласных в противопоставленности глухих и звонких:

[б] [д] [в] , которая позволила ввести в нее глухой ; ; заимствованный звук [ф].
[п] [т] [?]

Подсистемы языка развиваются с неодинаковой скоростью (быстрее всего лексика как наименее жестко организованная и медленнее всего — фонетика). Поэтому как в целой системе языка, так и в отдельных ее подсистемах выделяется центр и периферия.

Будучи элементом системы и компонентом структуры, всякая языковая единица входит в два типа общих отношений в языке — парадигматических и синтагматических.

Синтагматика — последовательность единиц одного уровня (фонем, морфем, слов и т. п.) в речи.

Парадигматика — это группировка единиц одного уровня в классы на основе оппозиции единиц друг другу по их дифференциальным признакам.

Синтагматика (по горизонтали)		
Парадигматика (по вертикали)		
2	1	3
я	еду	на юг
ты	едешь	в горы
он	едет	в лес
мы	едем	на экскурсию
и т. д.	и т. д.	и т. д.

Парадигма 1 — пример парадигмы как группы словоформ одного слова; 2 — пример более широкой парадигмы — слова, объединенные несколькими категориальными грамматическими значениями (личные местоимения); 3 — еще более широкая парадигма, объединяющий ее принцип — лишь то, что все эти слова и словосочетания отвечают на вопрос куда?

Таким образом, язык является системой различных систем.

Функционирование систем и подсистем языка в синхронии и диахронии имеет свою специфику. По мнению Ф. де Соссюра, система языка проявляется в синхронии, диахрония эту систему разрушает.

Отвергая формулировку Ф. де Соссюра о несистемности диахронии, члены Пражской лингвистической школы исходили из принципиально системного подхода к эволюции языка. В работах Р. О. Якобсона, Б. Трнки, Й. Вахека (позднее — А. Мартине, Э. Ксериу и др.) изучается диалектическое противоборство тенденций развития системы языка, действие которых, будучи устремлено к “равновесию” (симметрии, заполнению лакун, “пустых клеток”), тем не менее, никогда не позволяет системе языка достичь або-

лютной устойчивости: устранив старые “горячие точки”, оно создает в ней новые, что вызывает асимметрию в языке.

Поэтому и в синхронном аспекте система языка предстает не статической, а динамической (подвижной, развивающейся) системой. В языке абсолютный покой невозможен, всегда происходят микропроцессы. И. А. Бодуэн де Куртенэ предложил формулу: $0 + \infty = m$, т. е. бесконечно малое явление, инновация (0), повторившись бесконечное множество раз, становится фактом языка. Так, например, до начала 90-х годов мы не знали слова ваучер, сегодня оно общезвестно, всякое новое явление требует своего названия — нового слова, с распространением этого явления слово входит во всеобщий обиход (такой путь прошли практически все неологизмы, ставшие со временем фактами общенародного языка).

4. Давно известно, что структура языка объединяет единицы различного строения и назначения. Практически всегда языковеды различали фонетику и грамматику, слово и предложение.

Однако особый интерес к созданию теории структуры языка возник в XX веке (напомним, что направление структурализм, названное Пособом, изучало прежде всего системные отношения в языке). Примерами таких теорий могут служить теория изоморфизма и теория иерархии уровней.

Теория изоморфизма единство языка объясняет изоморфизмом (*izos* — одинаковый, *morf* — форма), т. е. структурным тождеством или параллелизмом языковых единиц. Так, например, Е. Курилович доказывает параллелизм структуры слога и предложения, потому что функции гласного в слоге и предиката в предложении в сущности одинаковы — образующие.

Однако эта теория не получила своего реального воплощения в лингвистическом описании всей структуры языка, вероятно, в силу своей непоследовательности, так как нельзя утверждать изоморфизм всех языковых единиц и структур. Тем не менее, теория изоморфизма позволяет использовать методы и понятия, принятые при анализе единиц одного уровня, для другого уровня. Например, Р. О. Якобсен, В. Скаличка анализировали грамматику при помощи методов, принятых в фонологии. А. И. Моисеев доказывает изомор-

физм языка и письма как первичного и вторичного, "первообразного" и производного средства общения.

Идея изоморфизма не объясняет сложности языковой структуры как системы особого рода, она сводит ее к простейшим структурам плоскостного строения.

Теория иерархии уровней опирается на идею одновекторного иерархического строения языковой структуры. Наиболее четко она была сформулирована Э. Бенвенистом. Он исходил из того, что единицы языка планом выражения опираются на низший уровень, а планом содержания входят в высший уровень

Фонема определяется как составная часть единицы более высокого уровня — морфемы. Разница между морфемой и словом в том, что морфема — знак связанный формы, а слово — знак свободной формы.

Такое понимание языковой структуры допускает только одно направление анализа — от низшего уровня к высшему, от формы к содержанию. Проблема взаимодействия уровней отодвигается на второй план, а самому понятию уровня придается операциональный смысл. Тем не менее, идея иерархии уровней оказалась весьма плодотворной, она была в дальнейшем развита, и реализована в теории ярусов (уровней) системы языка.

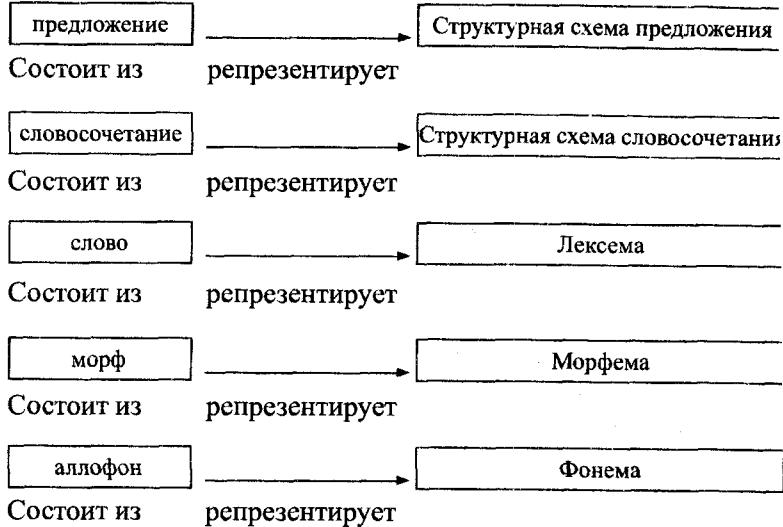
5. Уровень языка — это та часть его системы, которая имеет соответствующую одноименную единицу: фонемный, морфемный и т. д. Нет, например, стилистического уровня, потому что нет соответствующей единицы.

Принципы различия уровней следующие: 1) единицы одного уровня должны быть однородны; 2) единица низшего уровня должна входить в состав единицы высшего уровня; 3) единицы любого

уровня должны выделяться путем сегментирования более сложных, чем они сами, структур; 4) единицы любого уровня должны быть знаками языка.

Отношение единиц и уровней языка (по Ю. С. Степанову)

Конкретный или наблюдаемый аспект Абстрактный аспект

В. Г. Гак в качестве единицы высшего уровня предлагает текст. Таким образом, ярусы языковой структуры обладают автономностью и структурной самостоятельностью, хотя они не изолированы друг от друга, а находятся в постоянном взаимодействии.

Следовательно, язык является системой систем. Системность и структурность — неотъемлемое свойство языка как средства человеческого общения.

Знаковые и незнаковые свойства языка

1. Языкознание и семиотика.
2. Язык как знаковая система особого рода.
3. Понимание знака в лингвистике.
4. Типы знаков и языковые единицы. Незнаковые свойства языка.

1) Знаковый характер человеческого языка составляет одну из его универсальных черт и основных особенностей; не случайно к понятию знака обращались представители разных научных направлений в целях более глубокого проникновения в сущность языка.

Из понятия знака имплицитно исходили в своих научных спорах о сущности вещей и их наименований древние эллины, номиналисты и реалисты — последователи двух диаметрально противоположных философских направлений средних веков. По мере развития семиотики в XX веке у нее обнаруживались все более древние исторические корни: в сочинениях Блаженного Августина (4–5 вв.); в средневековом учении о “Тривии”, цикле из трех наук — грамматики, логики и риторики, в логико-лингвистических учениях сколастики 12–14 вв. о “сущностях” и “качествах” (акциденциях), “о суппозициях” (подстановках терминов), об “интенциях разума”; в 17–18 вв. — в учении Дж. Локка о разуме и языке; в идеях Г. В. Лейбница об особом искусственном языке “всеобщая характеристика” (*characteristica universalis*); в работах языковедов-философов 19–20 вв. А. А. Потебни, К. Л. Бюлера, И. А. Бодуэна де Куртенэ; у основателя психоанализа З. Фрейда и т. д.

Основы семиотики языка и литературы заложили представители европейского структурализма 20–30-х годов 20в. — Пражской лингвистической школы и Копенгагенского лингвистического круж-

ка (Н. С. Трубецкой, Р. О. Якобсон, Я. Мукаржовский, Л. Ельмслев, В. Брендаль), русской “формальной школы” (Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум), а также независимые от направлений А. Белый и В. Я. Пропп. К этим исследованиям примыкают некоторые работы М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана и других отечественных ученых.

Зарождение семиотики связывают с трудами Ч. Морриса “Основы теории знаков” (1938 г.), “Знаки, язык и поведение” (1964 г.), хотя ее основы заложил американский математик и логик Г. Пирс.

Ю. С. Степанов предлагает следующее определение семиотики: “(от греч. *sēmeion* — знак, признак) (семиология) — 1) научная дисциплина, изучающая общее в строении и функционировании различных знаковых (семиотических) систем, хранящих и передающих информацию, будь то системы, действующие в человеческом обществе (главным образом язык, а также некоторые явления культуры, обычаи и обряды, кино и т. д.), в природе (коммуникация в мире животных) или в самом человеке (например, зрительное и слуховое восприятие предметов; логическое рассуждение); 2) система того или иного объекта, рассматриваемого с точки зрения с. в 1-м значении (напр., с. данного фильма; с. лирики А. А. Блока; с. обращений, принятых в рус. яз., и т. п.) ЛЭС, с. 440.

Рассмотрению языка как семиотической системы способствовало развитие семиотики как логико-психологической науки. Заметим, что термином “семиотика” пользовался еще Д. Локк, однако более употребительным этот термин был в медицине, где он обозначал раздел диагностики, изучающий и оценивающий проявления (симптомы) болезней.

Семиотика понимается как общая теория знака. Она рассматривает природу знаков и знаковую ситуацию, основные операции над различными знаками. В соответствии с этим в семиотике выделялись три раздела: 1) синтаксика (синтаксические правила), изучающая отношения знаков друг к другу в пределах данной знаковой системы или знаковой ситуации; 2) семантика (семантические правила), рассматривающая отношение знаков к обозначаемым (указываемым) предметам; 3) прагматика (прагматические правила), анализирующая отношение использующих знаки к знакам.

Понимание языка как системы знаков получило обоснование в концепциях Ф. де Соссюра. Ученый выдвинул два основных свойства знака: произвольность и линейный характер означающего. Ф. де Соссюр подчеркнул, во-первых, системность языковых знаков, обладающих значимостью, а во-вторых, необходимость сравнения языковых знаков с другими знаковыми системами (с символическими обрядами, формами учтивости, с военными сигналами и т. п.), поскольку лингвистическая проблема знаковости языка есть прежде всего проблема семиологическая.

А. А. Уфимцева приводит следующее определение языкового знака — “материальное образование (двусторонняя единица языка), репрезентирующее предмет, свойство, отношение к действительности; в своей совокупности З. Я. образуют особого рода знаковую систему — язык. З. Я. представляют единство определенного мыслительного содержания (означаемого) и цепочки фонематически расчлененных звуков (означающего). Две стороны З. Я., будучи поставлены в отношение постоянной опосредованной сознанием связи, составляют устойчивое единство, которое посредством чувственно воспринимаемой формы знака, т. е. его материального носителя, репрезентирует социально приданное ему значение; только в единстве и взаимосвязи двух сторон З. Я. сознанием “схватывается”, а знаком обозначается и выражается определенный “кусочек действительности”, вычлененные факты и события” (ЛЭС, с. 167).

Сформулируем основные свойства знака:

- 1) материальность, т. е. чувственное восприятие;
- 2) обозначение чего-либо, пребывающего вне его. Объект, обозначенный знаком, называется денотатом или референтом;
- 3) отсутствие естественной связи между обозначаемым и обозначающим;
- 4) информативность (способность нести информацию и использоваться с коммуникативной целью);
- 5) системность, т. е. знак получает свое значение лишь при условии вхождения в определенную знаковую систему. Например, знак ! в пунктуации — восклицательный знак, в дорожной знаковой системе — “опасная дорога”, в шахматной игре — “интересный ход”, в математике — “факториал”.

В жизни общества применяются знаки нескольких типов, наиболее известны знаки — признаки, знаки — сигналы, знаки — символы, языковые знаки. Рассмотрим их.

Знаки — признаки несут некоторую информацию о предмете (явлении) вследствие естественной связи между знаком и обозначаемым предметом или явлением. Например, по интонациям, жестам мы четко представляем настроение наших близких; узор на оконных стеклах свидетельствует о сильном морозе. Именно наличие указанной естественной связи обуславливает его специфику и выводит в ряде концепций за пределы знаков (ср. пункт 3 в перечне признаков знака).

Знаки — сигналы устанавливаются по условию, по договоренности. Так, например, звонок может быть сигналом начала или конца урока, лекции, а также сообщать о повороте башенного крана.

Знаки — символы несут информацию о предмете (явлении) на основании отвлечения от него каких-то свойств и признаков, осознаваемых в роли представителей всего явления, его сущности; эти свойства и признаки можно узнать в знаках-символах. Так, например, многие государства декларируют свою силу и мощь, поэтому на их гербах изображены орлы, львы, медведи и т. п.

Совершенно особое место в типологии знаков занимают языковые знаки.

2. К сожалению, адекватной теории языкового знака нет и по сей день. Многообразие взглядов на проблему языкового знака объясняется сложностью и многоаспектностью самой этой проблемы, а также значительными трудностями ее изучения: знаки, знаковая деятельность непосредственно связаны с категорией значения, с духовной, мыслительной деятельностью людей, т. е. они относятся к области явлений, не поддающихся прямому наблюдению или измерению.

Знаки языка во многом сходны со знаками других знаковых систем, искусственно, сознательно созданных людьми. Сходство это таково, что язык без сомнения и безоговорочно можно считать знаковой системой. Вместе с тем язык — знаковая система, заметно отличающаяся от искусственных знаковых систем, язык — знаковая система особого рода. Рассмотрим, в чем ее специфика.

1. Прежде всего язык — универсальная знаковая система, обслуживающая человека во всех сферах его жизни и деятельности. Поэтому язык должен быть способен выразить любое новое содержание. Искусственные знаковые системы (светофор, сигнализация флагами и т. п.) обслуживают человека в строго определенных ситуациях.

2. Количество содержания, передаваемое искусственными знаковыми системами, конечно, ограничено.

Если возникает потребность выразить какое-то новое содержание, требуется специальное соглашение, вводящее в систему знак, т. е. изменяющее саму систему. Знаки в искусственных системах либо не комбинируются между собой в составе одного “сообщения”, либо же комбинируются в строго ограниченных рамках, и эти комбинации обычно фиксируются в виде стандартных сложных знаков $\overline{\diagdown}\overline{\diagup}$ (запрет поворота + налево).

Количество содержания, передаваемого средствами языка, в принципе безгранично. Эта безграничность создается, во-первых, способностью к взаимному комбинированию знаков и, во-вторых, способностью получать по мере надобности новые значения, не утрачивая или не обязательно утрачивая при этом старые. Так возникает многозначность (например, в молодежном жаргоне крутой, упакованный и т. п.).

Следовательно, искусственные знаковые системы предназначены для передачи ограниченной информации, язык же является всеобъемлющим средством не только передачи и хранения информации, но и оформления самой мысли, а также эмоционально-психических отношений и актов волеизъявления. Поэтому языковая система многогранная и сложная, она включает в себя разные единицы, в том числе промежуточные и незнаковые.

3. Язык — система по своей внутренней структуре значительно более сложная, чем искусственные знаковые системы. Сложность проявляется в том, что целостное сообщение лишь в редких случаях передается одним языковым знаком (Стоп! Марш! Бегом!). Обычно сообщение — это комбинация большего или меньшего количества знаков. Указанная комбинация свободная, создаваемая говоря-

щим в момент речи, она не существует заранее, не может быть стандартной.

4. Каждый язык — это система, складывавшаяся и изменявшаяся стихийно, на протяжении тысячелетий, поэтому в каждом языке немало “нелогичного”, “нерационального” и противоречивого (омонимы, дублеты, полисемия). В искусственных знаковых системах одному знаку соответствует одно-единственное содержание.

5. Только язык, но не искусственные знаковые системы, является средством формирования мысли. Последняя не существует или, по крайней мере, не является мыслью в подлинном смысле слова, пока она не оформлена при помощи языка.

Таким образом, языковой знак не является порождением знаковой ситуации. Он сам создает определенную знаковую ситуацию, характерную для того или иного конкретного языка.

3. Несмотря на длительность изучения проблемы знаковости языка, единой теории нет, а есть лишь несколько лингвосемиотических школ, наиболее известны феноменологическая (физикалистическая) и билатеральная.

Представители феноменологической философии (И. Кант, Э. Гуссерль, Ч. Моррис и др.) считают, что человеческому познанию доступны явления (феномены), а сущности либо непознаваемы, либо они являются результатом конструктивной способности человека. В связи с этим знаком признается любой предмет, воспринимаемый органами чувств, если он сигнализирует о другом явлении, которое прямо не наблюдается. Таким образом, знак материален, он понимается как сигнал или признак.

При таком понимании выделяются два вида языков — акустический и оптический. К акустическому виду средств общения относится звуковой язык, а также свист (на острове Ла Гомера — одном из Канарских островов), барабаны в джунглях Африки. К оптическому языку относится письменность, жесты. Все перечисленные знаки являются первичными, наряду с ними функционируют вторичные знаки, характерные для вспомогательных и искусственных языков, они именуются субSTITУТАми. Знаки — субSTITУты замещают не предмет и понятие, а первичные знаки. СубSTITУцией

письменного языка, например, являются шифры, азбука Морзе, телеграф, стенография, шифр Брайля и др.

Понимание языкового знака только как признака или сигнала делает феноменологическую знаковую теорию языка ограниченной, а по философской сущности вульгарно-материалистической.

Более распространенной оказывается билитеральная теория, т. е. понимание знака как единства (ассоциации) материального (внешнего) и идеального (внутреннего) значения. Так понимали языковой знак В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, А. А. Потебня, И. А. Бодуэн де Куртенэ и др. Языковыми знаками, согласно билатеральной теории, признавались значимые единицы языка — слова, морфемы, предложения. Знаковая теория языка связана с проблемой классификации языковых единиц.

4. Будучи средством общения, язык с необходимостью представляет собой систему знаков. Но какие же единицы языка являются знаками?

Еще Ф. де Соссюр одним из основных признаков знака считал наличие в нем плана содержания и плана выражения. План выражения (оптический или акустический) мы чувственно воспринимаем. План содержания несет в себе значение знака и, следовательно, обладает семантикой.

Рассмотрим единицы языка с точки зрения наличия плана выражения и плана содержания.

Наиболее сложной с указанных позиций является фонема, поскольку в разных концепциях и план выражения, и план содержания фонемы понимается по-разному. Если следовать точке зрения И. А. Бодуэна де Куртенэ и его последователей, то фонема плана выражения не имеет, т. к. это идеальное образование. В иных теориях (Московская фонологическая школа и др.) фонема — это звук в основном своем звучании, т. е. план выражения очевиден. Согласно традиционной точке зрения, фонема значения не имеет, т. е. отсутствует план содержания, однако психолингвистические эксперименты А. П. Журавлева, наблюдения Т. О. Дегтяревой и др. убедительно доказывают, что за каждой фонемой в нашем сознании закреплено не только значение, но и цвет. Следовательно, у фонемы есть план содержания. Таким образом, признание или непризнание фонемы знаком языка зависит от принятой точки зрения на план содержания и план выражения данной языковой единицы.

Морфема является двусторонней единицей, так как у неё есть и план выражения, и план содержания, однако значение морфемы не является единицей информации. Морфемы существуют только в составе слова, мотивируя их словообразовательное или словоизменительное значение. С коммуникативной точки зрения, морфемы — это сигнальные знаки, указывающие на языковые значения, в то же время это структурные знаки.

Во всех концепциях основным знаком языка признается слово. Оно выражает значение или понятие, является его символом или знаком. Слово способно входить и в состав предложения, и в состав высказывания. Слово является знаком особого рода: оно замещает не только предмет, но и понятие, обладает значением (часто не одним), структурно и социально мотивировано. Ф. де Соссюр подчеркивал произвольность значения слова как языкового знака, но это справедливо лишь для самых древних непроизводных слов (их этимология, внутренняя форма затерялись в глубине веков), в производных, а особенно в сложных словах, значение мотивировано. Так, нам неизвестно, почему РУКА названа именно так, но совершенно очевидна мотивация слов обручиться, обручальное кольцо, рукав, рукавица, поручиться и т. п. Иногда в родном языке мотивированность знака не осознается, а в родственных она ясна. Например, рус. ошибка и болг. ГРЕШКА, для болгар наоборот: сапун (заимствование с латинским корнем) и русское МЫЛО.

Свободное словосочетание тяготеет в аспекте знаковости к предложению, а устойчивое — к слову.

На предложение в рассматриваемом аспекте выработались две основные точки зрения: это либо сочетание знаков (слов), либо особый целостный знак. В любом случае предложение имеет и план выражения, и план содержания. Именно предложение обеспечивает языку возможность передавать любую информацию.

В последние годы в качестве знака языка некоторые лингвисты рассматривают текст. Его трактовка как языкового знака полно-

тью совпадает с предложением: это либо сочетание знаков, либо отдельный целостный знак, однако у него есть и план выражения, и план содержания.

Языковые единицы, помимо свойств, обеспечивающих их знаковый характер (т. е. единство означаемого и означающего плюс линейность), обладают сугубо языковыми свойствами, например, твердость — мягкость у фонем, родовые отличия имен существительных и др.

Признаки языковых единиц, не являясь единицами языка, могут стать единицами лингвистического анализа.

Таким образом, язык шире всякой знаковой системы. Основная его единица — слово — является не просто условным знаком — сигналом. Это важнейшее средство для выражения мысли, то есть отражения объективной действительности. Слово служит для передачи различной информации, зачастую более широкой и глубокой, чем значение слова (подтекст, предтекст, прагматика и т. д.). Исходя из указанного, общесемиотическое учение уже лингвосемиотического.

Язык и речь

1. Определение и уточнение предмета языкознания. История изучения проблемы языка и речи.
2. Современные представления о соотношении языка и речи.
3. Язык как система, норма и речевая деятельность.

1) История лингвистики свидетельствует о том, что важнейшим вопросом теории языка является определение сущности языка и уточнение предмета языкознания.

Единственным конечным объектом лингвистики был и остается реальный язык во всем многообразии его этноисторических вариантов и во всей сложности и многоаспектности его структуры, функционирования и развития. Язык реален и объективен в своем сложном целом и во всех своих сторонах, частях и структурных единицах. Именно поэтому язык был и остается предметом научного познания. Но в процессе познания, изучения может возникнуть иллюзия абстрактности языка, его единиц и категорий. Между тем абстрактен не язык, а научные понятия, его отражающие.

Первые высказывания, связанные с разграничением языка и речи, принадлежат В. фон Гумбольдту. Он различал язык, определяемый им как деятельность духа (*energeia*), форму языка — постоянные элементы и связи, реализуемые в речевой деятельности, и продукт этой деятельности — *ergon*.

Теоретическая разработка проблемы языка и речи связана с именем Ф. де Соссюра, относившего различение языка и речи к самому предмету исследования — феномену языка (в его терминологии *langage* “речевая деятельность”), в котором, как считал он, соединены объекты принципиально разной природы: язык (*langue*) и речь (*parole*). Он считал, что, хотя в своем существовании язык и речь взаимообусловлены, они несводимы друг к другу и не могут рас-

сматриваться с одной точки зрения, а “речевая деятельность, взятая в целом, непознаваема, т. к. она неоднородна”.

И. А. Бодуэн де Куртенэ разграничивал два вида единиц языка — единицы языковые и функционально-речевые.

В советском языкоznании 30-х годов 20 века язык рассматривался как полифункциональный феномен, изучение которого не может быть отделено от конкретных форм речи. Система языка определялась как совокупность правил речевой деятельности (работы Л. В. Щербы, Е. Д. Поливанова, С. Б. Бернштейна и др.). Мысль Соссюра о соприсутствии в феномене языка элементов системы и речи, напротив, побуждала формулировать достаточно жесткие принципы их разграничения.

В отечественном языкоznании идеи де Соссюра были развиты в работах Л. В. Щербы “О троеком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкоznании” (1931 г.) и “Очередные проблемы языковедения” (1945 г.).

Ученый выделяет как 3 аспекта языка следующие характеристики: понятие “речевой деятельности”, “языковой системы” и “языкового материала”. Л. В. Щерба вкладывал в эти понятия содержание, кое в чем отличающееся от известных понятий языка, речи и речевой деятельности, выдвинутых Ф. де Соссюром.

Под выдвигаемой на первый план речевой деятельностью Л. В. Щерба понимал процессы говорения и понимания; Ф. де Соссюр — понятие человеческой речи вообще, как свойство, присущее человеку. Речевая деятельность возможна благодаря наличию языковой системы, т. е. словаря и грамматики, которые не даны в непосредственном опыте (ни в психологическом, ни в социальном).

Ф. де Соссюр понимал под системой языка систему, основанную на противопоставлении его конкретных единиц. Ученый отмечал две особенности языковой системы — равновесие и замкнутость. И Ф. де Соссюр, и Л. В. Щерба в языковой системе видели некую социальную ценность, объективно данную в условиях жизни человеческой группы.

Л. В. Щерба вводит понятие языкового материала — “совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы”. “Языковая система и языковой материал — это лишь разные аспекты единственного в опыте речевой деятельности, и

так как не менее очевидно, что языковой материал вне процессов понимания будет мертвым, само же понимание вне как-то организованного языкового материала (т. е. языковой системы) невозможно”.

Оригинален подход к проблеме языка — речи А. И. Смирницкого (“Объективность существования языка”): он сделал попытку диалектически осмысливать соотношение между языком и речью, ответить на вопрос: “Где и как существует язык?”. Ученый справедливо полагает, что между языком и речью есть качественные различия, но между ними существует и диалектическая связь, суть которой в том, что “отдельные особенности речи могут превращаться в черты языка и отдельные произведения речи могут превращаться в единицы языка”.

А. А. Смирницкий выделял 3 формы существования языка: 1) полное действительное существование (язык как средство общения); 2) неполное действительное существование (процесс общения односторонен); 3) неполное существование в форме действующего знания (внутренняя речь). Каждая форма имеет специфические особенности единиц. Такой подход позволяет поставить вопрос о соотношении этих форм в различных коммуникативных ситуациях и тем самым понять механизм функционирования языка.

Проблему соотношения языка и речи разрабатывал Т. П. Ломтев (Язык и речь, 1961г.). Он анализирует эти категории не как разные явления, подлежащие изучению разными науками, а как разные стороны одного явления, представляющие собой предмет и объект одной науки.

Особенность концепции Т. П. Ломтева в том, что взаимоотношение между языком и речью он рассматривает с философской точки зрения как отношение сущности (языка) к ее проявлению (речи), как отношение общего и единичного.

Английский ученый А. Х. Гардинер предложил “применять наименование “язык” ко всему тому, что является традиционным и органическим в словах и сочетаниях слов, а наименование “речь” — ко всему тому, что определяется конкретными условиями, “значением” и “намерением говорящего”. Достоянием речи он считал прежде всего функции слов в высказывании и соответственно такие категории, как субъект, объект, настоящее историческое, предложение, понимаемое как отнесенное к действительности высказывание (грамматическую структуру предложения А. Х Гардинер считал фактом языка).

2. Н. Д. Арутюнова обобщила соотношение языка и речи в современных лингвистических теориях.

Характеристика речи обычно дается через противопоставление ее языку (коду), понимаемому как система объективно существующих социально закрепленных знаков, соотносящих понятийное содержание и типовое звучание, а также как система правил их употребления и сочетаемости. Язык и речь образуют единый феномен человеческого языка и каждого конкретного языка, взятого в определенном его состоянии. Речь есть воплощение, реализация языка (кода), который обнаруживает себя в речи и только через нее выполняет свое коммуникативное назначение.

В свое время для описания указанной проблемы В. фон Гумбольдт, а вслед за ним Ф. де Соссюр применили метод антиномий. Попытаемся мы аналогичным образом продемонстрировать особенности указанных феноменов.

ЯЗЫК	РЕЧЬ
1) орудие (средство) общения;	1) производимый этим орудием вид общения; она создается "приложением "старого языка" к новой действительности" В. Скаличка). Речь вводит язык в контекст употребления (прагматика);
2) абстрактен и воспроизводим;	2) конкретна и неповторима;
3) потенциален;	3) реальна;
4) язык отвлечен от времени и пространства;	4) развертывается во времени и реализуется в пространстве;
5) система языка конечна;	5) бесконечна;
6) (система языка) включает в себя абстрактные аналоги единиц речи, образуемые их различительными и общими (интегральными) признаками;	6) материальна, она состоит из артикулируемых знаков, воспринимаемых чувствами (слухом, зрением, осязанием);
7) формален;	7) субстанциональна;
8) система языка пассивна и статична;	8) активна и динамична;
9) относительно стабилен;	9) подвижна;
10) имеет уровневую организацию;	10) линейна;
11) достояние пользующегося им общества, он объективен по отношению к говорящим;	11) субъективна, являясь видом свободной творческой деятельности индивида;
12) обязателен (императивен);	12) произвольна;

ЯЗЫК	РЕЧЬ
13) фиксирует в системе выражаемых им значений опыт коллектива, "картину мира" говорящего на нем народа;	13) отражает опыт индивида;
14) нецеленаправлен;	14) преднамеренна и обращена к определенной цели;
15) независим от обстановки общения;	15) контекстно и ситуативно обусловлена;
16) (если отвлечься от проблемы диалектов) в каждый период своего существования инвариантен;	16) вариативна;
17) образован регулярными чертами своих единиц и отношений между ними.	17) допускает элементы случайного и неупорядоченного.

Опираясь на изложенное выше, сформулируем сложившееся понимание языка — речи — речевой деятельности.

Язык того или иного коллектива — это находящаяся в распоряжении этого коллектива система элементов — единиц разных ярусов (слов, значащих частей слов и т. д.) плюс система правил функционирования этих единиц, также единая для всех, пользующихся данным языком. Систему единиц называют инвентарем языка; систему правил функционирования единиц, т. е. правил "порождения" осмыслинного высказывания и, соответственно, правил понимания содержания этого высказывания — грамматикой (в широком смысле) этого языка.

Под речью современное языкознание понимает не только устную речь, но также и речь письменную. В понятие "речи" в широком смысле включается и "внутренняя речь" (А. И. Смирницкий), т. е. мышление с помощью языковых средств (слов и т. д.), осуществленное "про себя", без произнесения вслух.

Отдельный акт речи, речевой акт в нормальных случаях общения представляет собой двусторонний процесс, охватывающий — при устном общении — не только говорение, но и протекающее параллельно и одновременно слуховое восприятие и понимание услышанного. При письменном общении речевой акт охватывает соответственно писание и чтение (зрительное восприятие и пони-

мание) написанного, причем участники общения могут быть отделены друг от друга во времени и пространстве. Речевой акт есть проявление речевой деятельности.

В речевом акте создается текст. В терминологическом употреблении это не только записанный, зафиксированный так или иначе текст, но и любое “речевое произведение” — высказывание, ряд высказываний или даже не произнесенная речь, про себя.

Речевая деятельность отличается от языка — нормы и речевого отрезка (текста) тем, что она предполагает рассмотрение языка, во-первых, как процесса порождения текста, а во-вторых, как взаимодействия языка и говорящего человека. Речевая деятельность — один из видов практической и теоретической деятельности людей. С одной стороны, это психофизическая деятельность; она изучается как речемыслительный акт, как взаимоотношение говорящего и слушателя. С другой стороны, это социальная деятельность. Речевой акт, непосредственно порождающий текст, представляет собой сложное взаимодействие между языком и речевой деятельностью говорящих и пишущих.

Ясно, что в речевых актах и в текстах язык существует в распыленном виде: в каждом конкретном предложении представлены какие-то элементы из инвентаря языка и использовано множество правил грамматики, но, конечно же, не все элементы инвентаря и не все правила грамматики этого языка. Одни элементы инвентаря и правила грамматики применяются часто, повторяясь во множестве высказываний, другие используются реже, третьи — в особых ситуациях. Подчеркнем, что частотность проявляется только в речи, но не в языке, в языке — инвентарь.

Задача лингвиста — разобраться в том “хаосе языковых фактов”, который представляет собой речь, выявить и взять на учет все элементы инвентаря, выявить все действующие правила грамматики и точно описать их, т. е. извлечь из речи объективно заложенный и скрытый в ней язык, недоступный как целостная система непосредственному наблюдению, но стоящий как своего рода абстрактная сущность за конкретностью и бесконечным многообразием явлений речи.

Ю. С. Маслов приводит следующую схему соотношения различных аспектов языка и речи.

Стрелки показывают на взаимодействие аспектов: система языка служит базой для речи; акты говорения порождают тексты, рассчитанные на восприятие и понимание; новые явления, возникающие в речевых актах и отлагающиеся в текстах, входят затем в систему языка; в языке наблюдается постоянное взаимодействие между инвентарем речи и грамматикой.

3. Новым импульсом для разработки проблемы соотношения языка и речи явилась концепция Э. Косериу (“Синхрония, диахрония и история”).

В соответствии с традицией, Э. Косериу различает язык и речь. Последняя — функция индивида. В языке ученый выделяет систему и норму. Система — это система возможностей, координат, показывающих возможности того, как можно сказать, чтобы быть понятым в данном языковом коллективе. Норма соответствует тому, что по традиции говорится в указанном социуме.

Как правило, маленькие дети сначала осваивают систему языка, поэтому взрослые их прекрасно понимают и умиляются словотворчеству. Такого рода факты собраны в книге К. И. Чуковского “От двух до пяти”. После пяти дети овладевают нормой.

Например, ребенок говорит: “Кузнец — это папа, кузница — мама, а кузнечик — их сыночек”. Кузнец — существительное мужского рода, так что вполне может быть папой. Кузница имеет суффикс “-иц-”, омонимичный ему суффикс указывает на самку (львица,

тигрица, орлица и т. п.); в слове кузнецик можно выделить суффикс, омонимичный суффиксу, указывающему на детеныша (птенчик).

Таким образом, интерпретация малыша в принципе укладывается в систему языка, но не соответствует норме.

Концепция Э. Косериу имеет целый ряд практических выходов.

Во-первых, система языка показывает пути для развития своих подсистем. Так, например, в системе корреляции звонких и глухих согласных русского языка оказалась незаполненная клетка: [б] [д] [в]
[п] [т] []

С принятием христианства и проникновением в русский язык греческих со звуком [ф] эта пустая клетка заполнилась.

Знание и учет системы языка необходимы при словотворчестве: всякий окказионализм должен быть построен в соответствии с моделями, существующими в данном языке, и из морфем данного языка. Так, например, по модели греческого ипподром (гиппос — лошадь) легко образовались велодром, танкодром и даже космодром; по модели телескопического словообразования (из словосочетания получается одно слово с суффиксом -к-) получились открытка (из открытого письма), духовка (духовой шкаф), оборонка (оборонная промышленность), в последние годы — маршрутка (маршрутное такси) и многие другие. Указанные модели стали продуктивными в русском языке.

Процессы, рассмотренные в аспекте концепции Э. Косериу, входят в сферу речевой деятельности.

Таким образом, предметом языкоznания является человеческий язык как конкретно-историческая норма. Все остальные стороны языка определяются этой действительной его основой. Обоснование тех или иных сторон языка, методическое их разделение необходимо постольку, поскольку оно способствует прямо или опосредованно познанию основного качества языка.

Несмотря на то, что дихотомия “язык — речь” рассматривается многими лингвистами как одно из крупнейших достояний современного языкоznания, в этом вопросе еще очень много неясного и недоработанного.

Язык и мышление

1. Проблема взаимосвязи языка и мышления.
2. Когнитивная лингвистика.
3. Отражательная функция языковых единиц.
4. Теория языковой относительности. Этнолингвистика.
5. Неогумбольдтианство.

1. Взаимосвязь языка и мышления относится к самым сложным, самым актуальным проблемам не только языкоznания, но и логики, психологии, философии. Эта сложность проблемы обусловлена, прежде всего, сложностью и противоречивостью природы и мышления, и языка.

Будучи необходимым атрибутом человека, оба явления сочетаются в себе социальное и биологическое, что соответствует двойственной природе человека. С одной стороны, и язык, и мышление представляют собой порождение мозга человека как *homo sapiens*, с другой стороны, и язык, и мышление являются социальными продуктами, поскольку сам человек — явление социальное.

Центры, которые руководят мыслительной деятельностью человека, расположены в мозговой коре левого полушария. В зависимости от специфики умственной деятельности человека его мышление может протекать в разных зонах коры головного мозга. Так, например, с правым полушарием связано чувственно-образное, конкретное мышление, а с левым, где расположены речевые зоны, — абстрактное мышление. В задних отделах больших полушарий осуществляется восприятие, переработка и сохранение информации.

Зона Брука, находящаяся в заднем отделе нижней лобной извилины, руководит устной речью. Зона Вернике, располагающаяся в правой височной извилине, обеспечивает восприятие и понимание

устной речи. Теменно-затылочная часть левого полушария руководит логико-грамматическими связями, обеспечивает соблюдение семантики речи.

Именно в единстве социального и индивидуально-биологического проявляется наиболее общая специфика языка, и мышления.

Каким же образом взаимосвязаны язык и мышление?

Л. С. Выготский писал о том, что решение проблемы отношения между языком и мышлением (отношения слова и мысли) “колебалось всегда постоянно — от самых древних времен и до наших дней — между двумя крайними полюсами, между отождествлением и полным слиянием мысли и слова и между столь же метафизическими, столь же абсолютными, столь же полным разрывом и разъединением”.

Отождествление языка и мышления (нужно отметить, что оно происходит далеко не всегда в явной форме) логически приводит к снятию проблемы вообще: вопрос о связи языка и мышления объявляется псевдо проблемой и вообще устраняется из поля зрения исследования.

Полное же разъединение и противопоставление языка и мышления как независимых и лишь внешне связанных явлений, рассмотрение слова как внешнего выражения мысли, ее одеяния — только “разрубает узел, вместо того, чтобы развязать его”, так как в этом случае связь языка и мышления рассматривается как нечто в такой степени механическое, что возможно пренебречь ею при рассмотрении обоих.

Правильным подходом к данной проблеме будет тот, который исходит из очевидного факта — наличия сложной взаимосвязи между языком и мышлением. В самом общем виде она представляется следующим образом: основу выражаемого в языке содержания образуют мысли, именно через мышление, через отражательную деятельность человеческого мозга, языковые единицы могут соотноситься с предметами и явлениями объективного мира, без чего невозможно было бы общение между людьми при помощи языка. С другой стороны, в звуковых комплексах того или иного языка, которые выступают как материальные сигналы элементов объектив-

ного мира, отражаемых в мышлении, закрепляются результаты познания, а эти результаты служат базой дальнейшего познания.

Однако один этот постулат еще не решает всей проблемы. Отношение между языком и мыслью (сознанием) входит в более широкую проблему — проблему соотношения трех звеньев: язык — мышление — объективная действительность.

Принято рассматривать сознание и мышление. Словари определяют их так: “Мышление — способность человека мыслить, рассуждать, делать умозаключения, особая ступень в процессе отражения сознанием объективной действительности” (“Большой толковый словарь русского языка”, Санкт-Петербург, 1998, с.567); “Сознание — 1. Человеческая способность воспроизведения действительности в мышлении...; 2. Восприятие и понимание окружающей действительности, свойственное человеку; мыслительная деятельность, ум, разум” (там же, с. 2230).

Сознание вторично по отношению к бытию, оно отражает объективную действительность. В языке через мышление также отражается мир вещей и явлений, познанных человеком. Мышление, за исключением его практически действенного вида, имеет психическую, идеальную природу, между тем как язык — это явление по своей первичной природе физическое, материальное, хотя, благодаря теснейшей взаимосвязи с мышлением, имеет и аспект идеальности. Прямого соответствия между единицами мышления и соотносительными с ними единицами языка нет: в одном и том же языке одна мысль или ее компоненты — понятия и представления — могут быть оформлены разными предложениями, словами или словосочетаниями. Одни и те же слова могут быть использованы для оформления разных понятий и представлений. Кроме того, служебные, указательные и подобные слова вообще не могут обозначать понятий или представлений, а, например, побудительные, вопросительные предложения рассчитаны только на выражение волеизъявлений и субъективного отношения говорящих к каким-либо фактам.

Таким образом, различия между языком и мышлением состоят в следующем:

1. Мышление характеризуется определенной самостоятельностью: оно может создавать понятия и воплощать их в образы, которые не имеют соответствующих конкретных предметов и явлений действительности (домовой, русалка и т. п.)
2. Язык — материально-идеальное явление, мышление идеально.
3. Язык — явление национальное, мышление интернационально.
4. Строение и законы развития мышления и языка не совпадают. Так, например, основными единицами языка являются фонемы, морфемы, лексемы, словосочетания, предложения; основными единицами мышления являются понятия, суждения и умозаключения. Не совпадают логические и лингвистические категории и т. п.

Роль языка в процессе познания сводится к следующему:

1. Язык закрепляет результаты познавательной деятельности. А. А. Потебня справедливо отмечал, что “язык относится ко всем другим средствам прогресса как первое и основное”.
2. Язык является основным инструментом познания. Усваивая язык, человек овладевает и основными формами и законами мышления. Вместе с тем язык дал возможность человеку выйти за пределы непосредственных чувственных восприятий, которые для животных являются основным источником информации об окружающей действительности. Не все, например, видели айсберг или лианы, но знают, что это такое на основании того, что читали в книгах или словарях.

С помощью языка человек не только получает обобщенные знания, а и разделяет явления действительности на составные элементы, классифицирует их. Расчленение явлений действительности осуществляется при помощи дискретных единиц — слов, а классификация — как при помощи слов (родо-видовые отношения и т. п.), так и с помощью грамматических форм (части речи, суффиксы и т. д.).

2. Когнитивная лингвистика — новая гибридная наука, возникшая на стыке когнитологии (науки о знаниях), когнитивной психологии (психологии познания), психолингвистики и лингвистики, и изучающая механизмы знания языка и механизмы представления знаний в языке.

Отметим, что когнитивная лингвистика возникла во второй половине XX века, до ее появления общепринятое название науки, изучающей взаимосвязь языка и мышления, не было, проблема рассматривалась с позиций разных наук (философии, психологии и др.), тем не менее В. И. Кодухов пишет о менталингвистике (от лат. *mens, mentis* — ум, разум), С. Д. Кацнельсон — о контенсивной лингвистике (от лат. *contentum* — утвержденный) и т. п.

Когнитивная лингвистика возникла в первой половине семидесятых годов XX века, ее возникновению предшествуют исследования, связанные с изучением языка и мышления, процессов познания и др. Базой для формирования когнитивной лингвистики явились труды В. фон Гумбольдта, О. Есперсена, Л. Ельмслева, И. А. Бодуэна де Куртенэ, И. И. Мещанинова, Ш. Балли и др.

Первый центр когнитивных исследований был организован в Гарвардском университете в 1960 году психологами Дж. Миллером и Дж. Брунером. В 1975 году в названии статьи Дж. Лакоффа и С. Томпсона (Беркли, США) появляется термин “когнитивная грамматика”. В 80-е годы когнитивная лингвистика утвердилась в европейской лингвистической традиции.

В СССР когнитивная лингвистика вошла в научный обиход в связи с публикацией сборника “Новое в зарубежной лингвистике”. (Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII, 1988 г.) с вступительной статьей В. И. Герасимова. Важным явлением в становлении новой науки явился выход в свет в 1996 году “Краткого словаря когнитивных терминов” авторов Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузиной.

Когнитивная лингвистика в отечественном языкоznании была воспринята с позиций значительного потенциала психолингвистики, исследований порождения, восприятия речи, памяти, онтогенеза речевых процессов, а также научных достижений семасиологии и ономасиологии.

Задачи когнитивной лингвистики следуют определить как попытку понять следующее:

1. Роль языка в процессах познания и осмыслиения мира.
2. Языковые знания в процессах получения, переработки и передачи информации о мире.

3. Процессы концептуализации и категоризации знаний, описание средств и способов языковой категоризации и концептуализации констант культуры.
 4. Описание системы универсальных концептов, организующих концептосферу и являющихся основными рубрикаторами ее членения.
 5. Проблема языковой картины мира.
3. Семантическая содержательная сторона языковых единиц обладает отражательной функцией. Уже в процессе номинации наши древние предки познавали предмет и результаты этого процесса воплощали в названии данного предмета. Не случайно А. А. Потебня, А. Шлейхер и др. говорили о творческом характере первоначальной речи (например, рассуждения А. А. Потебни о подснежнике). В ходе исторического развития значения единиц языка превратились в типовые знания, известные всем говорящим на данном языке и используемые как средство оформления и передачи конкретной мысли.

Среди языковых значений различают лексическое и грамматическое.

Лексическое значение свойственно отдельному слову, грамматическое значение — классу слов. Грамматические значения являются способом представления лексического значения. Так, понятие цвета не может существовать вообще, оно существует как признак (голубой, синий), предметность (голубизна, синева), действие (голубить, синеть) и т. д.

Средства и способы выражения категорий мышления различны в разных языках. Например, в славянских языках грамматические средства выражения категории формы не развиты, для этого используется достаточно богатая лексика. Напротив, в одном из языков индейцев Америки навахо глаголы, обозначающие действия с предметами, меняют свою морфологическую структуру в зависимости от того, на какого рода предметы направлено действие: есть формы глаголов, соответствующие круглым, тонким предметам, длинным гибким предметам, длинным жестким предметам и т. д.

По своим формам и функциям различаются мыслительные и языковые операции.

Если мыслительные операции направлены на познание действительности и достижение истины, то языковые операции направлены на формирование мысли, эмоционального, волевого и т. п. знания, на точную и выразительную их передачу.

Логические формы мышления в принципе всеобщи, универсальны, языковые формы абсолютно национальны. Языковые значения общеизвестны, народны, без них невозможно ни понимание, ни передача сообщения.

Как утверждает В. И. Кодухов, знания, отраженные в языке, и знания, передаваемые при помощи языка, не идентичны. С точки зрения актуальности для выражения и передачи сообщений, языковые значения делятся на формальные и содержательные.

Формальные языковые значения служат пониманию, т. к. они организуют форму мысли и структуру высказывания.

Содержательные значения организуют конкретную мысль для выражения и передачи сообщения, нового знания.

Формальность и содержательность в различной степени проявляются у всех видов языковых значений. Так, например, значение рода может быть формальным (стол, черный, лежало и т. п.) и содержательным (учитель — учительница). И формальное, и содержательное значения в большой степени реализуются в контексте.

Таким образом, отражательная функция языка проявляется не только в контекстной обусловленности языковых значений, но и в отражательной природе самих языковых значений.

4. Гипотеза лингвистической относительности — концепция, согласно которой структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Эта гипотеза разработана в 30-х годах XX века в США Э. Сепиром и Б. Л. Уорфом в рамках этнолингвистики.

Возникновение этнолингвистики вызвано изучением языков и культуры американских индейцев. Э. Сепир и Б. Л. Уорф пришли к выводу о возможности глубокого влияния языка на становление и развитие мировоззренческих категорий.

Рассмотрим, как формировалась данная гипотеза.

Бенджамен Ли Уорф окончил Массачусетский технологический институт и более 20 лет (до самой смерти), работая инженером по

технике пожарной безопасности, в часы досуга занимался историей и археологией ацтеков и майя, с увлечением изучал языки индейцев Америки. Уорф всю жизнь собирал материал о том, как язык влияет на мышление. Его внимание привлекли такие, например, факты.

В русском языке есть два слова для обозначения близких цветов — голубой и синий; в бретонском, корейском, японском, вьетнамском языках два цвета (синий и зеленый) обозначались одним словом.

В языке индейцев хопи есть слово, которое применимо к любому летающему предмету, кроме птиц, т. е. и к насекомым, и к летчику, и летучей мыши.

В суахили (Африка) одним и тем же словом называется паровоз, поезд, автомобиль, вагон, телега, карета, тачка, детская коляска и др.

С другой стороны, в одном из меланезийских языков (Океания) есть 100 специальных названий для 100 разновидностей банана. В языке саами (Кольский полуостров) есть 20 слов для обозначения льда, 11 — для обозначения холода, 26 — для обозначения мороза и таяния.

Основываясь на подобных фактах, Уорф пришел к выводу о том, что мы расчленяем природу в направлении, подсказанным нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что эти категории и типы самоочевидны. Напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит, в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании.

Мы расчленяем мир, организуем его в понятия и распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы — участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию.

Под “соглашением” подразумевается общепонятный язык, стало быть, оно имеет силу для людей, говорящих на одном языке, для определенного речевого коллектива. Б. Л. Уорф полагал, что такое “расчленение” действительности языком определяет пути и способы ее познания. Мало того, он утверждал, что оно влияет на особенности деятельности человека, говорящего на данном языке.

Ученый пишет: “В той или иной ситуации люди ведут себя соответственно тому, как они об этом говорят”. Этот тезис опровергается многочисленными жизненными фактами. Так, например, в экстремальных ситуациях люди в принципе ведут себя одинаково: хвалят детей, документы и стремятся спастись, а если кто-то кого-то пытается спасти, а кто-то другой — вытолкнуть из средства спасения, то это зависит от человеческих качеств терпящих бедствие, а не от языка, на котором они говорят. Примером может служить гибель “Титаника”, цунами в Таиланде и др.

Б. Л. Уорф был бы прав, если бы все люди были маленькими детьми и верили всему сказанному, а не руководствовались в своей деятельности, в том числе и в познании, не тем общественным опытом, который связан в сознании каждого человека со словом — “ярлычком”, а только одним “ярлычком”. На самом деле, по традиции, вслед за нашими далекими предками, мы говорим “солнце встает”, “солнце садится”, хотя прекрасно знаем, что указанные явления — следствие вращения Земли. В то, что солнце, как человек, встает или садится, может верить лишь ребенок или крайне несведущий человек.

Б. Л. Уорф делает очень распространенную ошибку: он забывает о том, что есть в языке и может быть осознанно, действительно осознается в процессе речи, т. е. в процессе высказывания мы не пытаемся этимологизировать (не думаем о том, что окно связано с оком, а кольцо с кругом и т. п.), не задумываемся над каждым словом. Более того, когда мы делаем нашу речь предметом внимания, то обязательно отвлекаемся от той мысли, которая только что была высказана, и, так сказать, начинаем анатомировать речь, умерщвляя ее. Характерен в этом отношении образ сороконожки (А. А. Потебня): если бы она каждый раз думала, с какой ноги начать двигаться, она бы никогда не двинулась с места. И наоборот, если мы мыслим при помощи языка, то уже не в состоянии осознать отдельные языковые элементы.

Нельзя согласиться с Б. Л. Уорфом в том, что он говорит о влиянии языка на способ “расчленения мира”. Это может быть верно только для каждого носителя языка в отдельности. Конечно, юный

островитянин из Океании узнает о существовании 100 видов банана благодаря языку, но океанийцы имеют 100 слов для разных видов банана потому, что в их практической жизни и деятельности различие этих видов играет существенную роль. Нам достаточно одного слова для называния банана, но мы различаем эквадорские и египетские бананы, спелые и неспелые, в пятнышках, мерзлые и т. п., т. е. используем описательные формы, о чем в свое время писал еще В. фон Гумбольдт. С другой стороны, жителю глухой деревушки Восточной Африки безразлично, чем различаются паровоз и карета, которых он никогда в жизни не видел.

Следовательно, "расчленение" мира определяется не языком, а общественной практикой данного народа. В языке это "расчленение" только отражается (причем не обязательно).

Б. Л. Уорф исходил из того, что человек видит (и расчленяет) окружающий его мир, как бы прикладывая к нему слова своего языка. В действительности же, видя предметы, человек с самого начала воспринимает их в их значении, через призму общечеловеческого опыта. Так, например, любуясь подснежником, мы не думаем о его внутренней форме, а говоря о калине, не стремимся выявить ее этимологию (кал — земля). Таким образом, значение образа (пусть осмыслиенного) и значение слова — совсем не одно и то же.

В качестве подкрепления сказанного приведем еще несколько примеров персонификации: для русских новый год — малыш, для болгар — девочка (нова година) из-за категории рода. У русских смерть предстает старухой с косой (смерть — женского рода), у немцев — стариком (der Tod — мужской род).

Это же распространяется и на приметы: упал нож — придет мужчина, вилка — женщина.

М. Ростропович писал по поводу своей любимой виолончели и об обозначении ее во французском языке: "Ну что это за язык, в котором виолончель — мужчина, а контрабас — женщина!".

Таким образом, и грамматика, и логика, по Уорфу, не отражают действительности, а видоизменяются произвольно от языка к языку. Законы Ньютона и его взгляд на строение вселенной были бы иными, если бы он пользовался не английским языком, а языком

хопи — одним из индейских языков. Б. Л. Уорф пишет: "Мы сталкиваемся ... с новым принципом относительности, который гласит, что сходные физические явления позволяют создать сходную картину вселенной только при сходстве или, по крайней мере, при соотносительности языковых систем".

Исходное положение гипотезы Сепира — Уорфа выглядит убедительно. Действительно, процесс мышления протекает в языковой форме, а поскольку языки отличаются друг от друга, это накладывает отпечаток и на формы мышления. Однако взаимоотношение языка — мышления — действительности, по Уорфу, выглядит сомнительным.

Язык, являясь посредником между объективной действительностью и сознанием, не может играть руководящей роли и быть владельцем сознания: Уорф рассматривает язык чрезвычайно односторонне — лишь его значение, т. е. семантическую сторону, а отрывать значение, семантику, от языковых форм невозможно, — это всегда приводило к теоретическим ошибкам.

Без языка невозможна сама познавательная деятельность, но языку ни в коем случае нельзя приписывать свойство изменять действительность. Рассматривая эту проблему, обязательно необходимо учитывать 3 феномена в их взаимосвязи и взаимовлиянии (между языком и объективной действительностью стоит мышление):

действительность ↔ мышление ↔ язык

Нельзя реальные предметы, явления и их соотношения проецировать непосредственно в язык, обойдя мышление. Необходимо также различать содержание мышления и технику мышления. Язык воздействует на технику мышления, а не на его содержание.

Следовательно, в различных языковых формах люди мыслят об одной и той же объективной действительности. Причины разнообразия языков при сходном логическом содержании мышления еще не вскрыты до конца, но можно указать на ряд факторов, вызывающих их различия как в формальном, так и в содержательном плане. Во-первых, всякий народ прошел свой исторический путь, что, естественно, отразилось в языке. Так, например, мадьяры мигрирова-

ли с Алтая через Карпаты и славянские земли, что отразилось в лексике (слово терем — больничная палата и др.). во-вторых, сознание не автоматически, не однозначно и не прямолинейно отражает мир. В любом обобщении уже есть элемент фантазии, в процессе номинации актуализируются разные признаки предмета или явления (р. — младенец, т. е. молодой; укр — немовля, т. е. тот, кто еще не умеет говорить, р. — глубокоуважаемый, укр. — високоповажний). В-третьих, язык располагает новые явления в соответствии со своими структурными особенностями, он по своей общественной функции не допускает переворотов и даже при морфологических изменениях использует, переосмысливая, традиционные формы.

Гипотеза Сепира — Уорфа вызвала огромный интерес и спровоцировала критику (основные аргументы оппонентов мы привели). Тем не менее благодаря данной гипотезе сформировалось новое направление лингвистики — этнолингвистика, изучающая взаимоотношение народа, этноса и языка в сфере, прежде всего, культуры (в американском языкоизнании наряду с указанным термином используются антрополингвистика, культурная антропология). В современной лингвистике проблемы этнолингвистики активно изучаются как в отечественном, так и в мировом языкоизнании.

5. Совершенно независимо от этнолингвистики, некоторые стороны учения В. фон Гумбольдта развиваются в европейских странах, в частности — в Германии. Глава направления — профессор Боннского университета Л. Вайсгербер, его последователями были И. Трир, Х. Глинц, Х. Хольц, Г. Ипсен, П. Хартман и др.

Представители неогумбольдтианства разделяют субъективно-идеалистическую теорию познания в духе И. Канта, И. Г. Фихте, неокантианской философии, старого и современного позитивизма.

Вслед за И. Кантом, неогумбольдтианцы признают существование объективного мира, не зависящего от сознания человека и воздействующего на его чувственную сферу, но результатом этого воздействия признается хаотический набор опытных данных; эти эмпирические факты, по мнению представителей неогумбольдтианства, благодаря творческой активности языка упорядочиваются,

распределяются по классам, вступают друг с другом в пространственные, временные и причинно-следственные отношения; так конструируется мир как связное целое. Целостная картина мира, согласно этой теории, творится человеческим сознанием при помощи языка.

Таким образом, языковая картина мира не отражение объективного мира, она обусловлена языком. Это ведет к лингвистическому агностицизму — к признанию ограниченности познавательных возможностей человека, и эти возможности обусловлены свойствами того языка, с помощью которого творится картина мира.

Основные положения неогумбольдтианства:

- 1) язык определяет мышление человека и процесс познания в целом, а через него — культуру и общественное поведение людей, мировоззрение и целостную картину мира, возникающую в сознании;
- 2) люди, говорящие на разных языках, создают различные картины мира, а потому являются носителями различных культур и различного общественного поведения;
- 3) язык не только обуславливает, но и ограничивает познавательные возможности человека. Язык, по мнению Л. Вайсгербера — сеть, которую человек набрасывает на внешний мир в процессе познания, т. е. человек познает и делает только то, что есть в языке;
- 4) от различия языков зависит не только разница в содержании мышления, но и различия в логике мышления, характер (тип) мышления.

Преувеличение положительной активной роли языка в процессах мышления и познания объединяет концепцию неогумбольдтианства с философией языка В. фон Гумбольдта, однако лингвистический агностицизм неогумбольдтианцев противоречит взглядам В. фон Гумбольдта, утверждавшего, что круг понятий того или иного народа не следует выводить из его словаря, т. к. большое количество понятий, особенно абстрактных, может быть выражено метафорами и описательным путем.

Как же в современной лингвистике оценивается концепция неогумбольдтианства?

Содержание сознания носителей того или иного языка отнюдь не сводится к набору значений, фиксированных в языковых единицах и грамматических категориях. Посредством ограниченного в каждом языке набора языковых единиц носитель соответствующего языка выражает и такое мыслительное содержание, которое непосредственного не закреплено за какой-либо отдельной языковой единицей. Так, например, в процессе развития науки открывались и описывались все новые и новые физические и химические элементы, и каждый из них получал свое название (гелий, цезий, стронций и т. п.). М. В. Ломоносов внес огромный вклад в формирование современной научной терминологии (опыт, падеж и т. п.). Получают названия те физические явления, которые никто не наблюдал, хотя их наличие доказано (черные дыры и т. п.).

Оказывая некоторое, но не решающее влияние на мышление, язык не может также коренным образом определять характер материальной и духовной культуры общества. Последняя опосредована человеческим мышлением, представляющим собой, как и язык, продукт социального развития.

Неогумбольдианство проявляет непоследовательность, допуская, вопреки своему тезису об ограниченности познания родным языком, возможность перехода человека к новому типу мышления и новым языковым средствам, а также вульгарно-социологически интерпретируя влияние общества на языковые процессы.

Достижения неогумбольдианства следующие:

- 1) учет “фактора человека”;
- 2) внимание к смысловой стороне языка;
- 3) исследование конкретных семантических полей.

Таким образом, глобальная проблема взаимосвязи языка и мышления имеет множество аспектов, некоторые из которых мы рассмотрели.

Общественная природа языка

1. Социолингвистика как теория:
 - А) возникновение социолингвистики;
 - Б) функции языка в обществе.
2. Формы влияния общества на язык.
3. Психофизическая и социальная природа речевой деятельности.
4. Общественный характер языковой нормы и формы ее реализации.
5. Социальные общности людей и социальные типы языков.
6. Интерлингвистика.

1. Язык и общество — одна из центральных проблем современной лингвистики, данная проблема формируется на базе более частных: общественный характер возникновения, развития и функционирования языка; природа его связей с обществом; социальная дифференциация языка в соответствии с разделением общества на классы, слои и группы; социальные различия в использовании языка в связи с многообразными сферами его применения; взаимоотношения языков в дву- и многоязычных обществах; условия приобретения одним из языков функций средства межнационального общения; формы сознательного воздействия общества на язык и т. п.

1a) Проблемы влияния общества на язык начали рассматривать еще античные философы. Однако о становлении социолингвистики как науки можно говорить начиная с XIX века. Первым сугубо социолингвистическим исследованием принято считать книгу П. Лафарга “Язык и революция” (“Французский язык до и после революции”, 1894 г.), в ней социальные варианты французского язы-

ка (“аристократического Версала” и “буржуазного Парижа”) конца XVIII – начала XIX в. объяснялись социальными и политическими причинами, вызвавшими французскую революцию 1789 года. Французский литературный язык того времени интенсивно отражал происходящие в обществе изменения не только в лексике, но и в грамматике.

В конце XIX – начале XX в. во Франции формируется французская школа социальной лингвистики, важнейшим представителем которой является ученик и последователь Ф. де Соссюра, видный языковед А. Мейе.

Отечественное языкоznание, начиная с М. В. Ломоносова, в лице своих лучших представителей всегда рассматривало язык как социальное явление, неразрывно связанное с обществом. Определяющим был тезис о тесной связи истории языка и истории народа, общества.

Ф. И. Буслаев понимал язык не только как выражение “мыслительности народной”, но и всего быта, нравов, преданий народа. Намеченная Ф. И. Буслаевым традиция изучения языка в связи с историей народа была в дальнейшем развита А. А. Потебней, А. А. Шахматовым и др. Благодаря указанному подходу были заложены основы современной науки – лингвокультурологии.

Более глубокое исследование социальной природы языка в нашем языкоznании связывается с именем И. А. Бодуэна де Куртенэ. Он не только указывал на социальную природу индивидуальных речевых актов, но и в очень оригинальной форме выдвинул идею социальной дифференциации языка: в состав языкового материала “следует отнести (...) разговорный язык всех слоев общества данного народа, не только тех, которые ходят в сермягах и зипунах, но и тех, что носят сюртуки (...), язык всех без исключения сословий (...), язык разных возрастов (детей, взрослых, стариков и т. п.) и известных состояний человека”. Таким образом было выдвинуто понятие многообразия социальных функций языка.

Интерес к социолингвистической проблематике в отечественном языкоznании особенно обостряется в послереволюционные годы – в первой трети XX века. На конкретном материале были показаны

те изменения в лексике, которые вызываются крупными социальными явлениями, изменения, находящие отражение в различных классах общества. Был в принципе решен вопрос о причинах и условиях образования национальных языков, поставлена проблема изучения языка города с его различными профессиональными и социальными разновидностями, отличающими его от местных говоров и литературного языка.

В результате сформулировалась основная проблематика отечественной социолингвистики: 1) исследование природы языка как социального явления; 2) роль и место языка в общественном развитии; 3) разработка методов социолингвистических исследований; 4) выяснение роли социальных факторов в развитии языка; 5) изучение социальной дифференциальной языка; 6) исследование проблем развития общественных функций языка; 7) гендерные проблемы.

16) Функции языка выявляют его суть, назначение, действие. Базовые функции языка – коммуникативная (способ общения) и когнитивная (способ мышления и познания), последнюю называют еще познавательной, гносеологической. Иногда к основным относят еще эмотивную (способ выражения чувств и эмоций) и метаязыковую (способ исследования и описания языка в терминах языка).

С базовыми, основными функциями соотносятся производные (вторичные). Так, с коммуникативной функцией связана фатическая (способ установления контакта), конативная (усвоения), волонтативная (вoleизъявления, влияния) и кумулятивная, или историко-культурная (сохранение национально-культурной информации).

С когнитивной функцией соотносится репрезентативная, или номинативная, референтная функция (способ обозначения предметов и явлений внешнего мира и сознания).

С эмотивной функцией связана поэтическая или эстетическая (способ выражения и воспитания прекрасного).

2. На развитие языка влияют как внутренние (обусловленные системой языка), так и внешние (в частности – социальные) факторы. Социальные факторы, как правило, воздействуют на язык не

прямо, а опосредованно (наиболее непосредственное отражение социальные изменения получают лишь в лексике); они могут ускорять или замедлять ход языковой эволюции, но не могут изменять ее направление (Е. Д. Поливанов).

Рассмотрим формы влияния общества на язык:

1. Социальная дифференциация языка, обусловленная социальной неоднородностью общества. Такова дифференциация многих современных развитых национальных языков на территориальные и социальные диалекты, выделение литературного языка как социально и функционально наиболее значимого языкового образования, существование в некоторых обществах "мужского" и "женского" вариантов языка и т. п.

2. Обусловленность использования языковых средств социальными характеристиками носителей языка (возрастом, уровнем образованности, профессией и др.), социальными ролями участников коммуникации, ситуацией общения. Поскольку сферы использования языка многообразны и специфичны (ср. науку, СМИ, быт), в языкерабатываются функциональные стили — свидетельство зависимости языка от потребностей общества.

3. Языковая жизнь многоязычных обществ. Изучаются отношения между обществом и функционирующими в нем языками, взаимоотношения различных языков, процессы, связанные с выдвижением одного из языков на роль государственного языка, средства межнационального общения, приобретение некоторыми языками статуса международных языков.

4. Языковая политика — сознательное, целенаправленное воздействие общества и его институтов на функционирование языка в различных сферах его применения. В последнее время к сфере языковой политики стали относить совокупность политических и административных мероприятий, направленных на придание языковому развитию желаемого направления.

3. Речевая деятельность, т. е. процесс говорения и понимания, имеет 2 стороны — индивидуально-психическую и объективно-социальную. Речевая деятельность — коммуникативный акт. Он имеет сложный характер, так как включает в себя не только взаимоот-

ношения собеседников, но и восприятие ими обстановки речи, языка и передаваемой информации.

Коммуникация как направление речевой деятельности говорящих предполагает порождение и восприятие речи — это психофизиологические механизмы речи.

С психофизиологической точки зрения, языковая деятельность является целенаправленной, комплексной и уровневой. Целенаправленность речевой деятельности проявляется в активности говорящего.

Выделяют 4 уровня порождения речи: мотивационный, семантический, грамматический и фонетический.

Мотивационный уровень — подготовительный, он настраивает говорящего на высказывание, в соответствии с целью которого говорящий выбирает коммуникативную целеустановку, функциональный стиль и общее содержание высказывания. Это обеспечивает не только порождение речи, но и ее восприятие, поскольку собеседник улавливает этот настрой.

Семантический и грамматический уровни настолько тесно взаимосвязаны, что трудно установить, какой из них какому предшествует.

Семантический уровень порождения речи выражает единство обобщения и общения. Говорящий выбирает семантические варианты слов и конструкций, наиболее подходящие для выражения передаваемой информации, конкретной мысли говорящего. Сравним практически идентичные по содержанию высказывания: Ваши наблюдения нельзя экстраполировать на данный массив фактов. И Разве можно по одному поступку судить о человеке?

Грамматический уровень порождения речи — это оформление смысла высказывания в соответствии с грамматической системой языка и знаниями собеседников.

Фонетический уровень порождения речи состоит в артикулировании фонем. Они обеспечивают семантическое тождество и различие звуковых структур слов и слогообразования.

Перечисленные характеристики, как уже указывалось, касаются психофизической стороны речевой деятельности, с другой сто-

роны, речевая деятельность явление не индивидуальное, а социальное по своей природе и сути.

Социальная обусловленность речевого акта и речевой деятельности проявляется в следующем:

1. Речевая деятельность и речевой акт предполагают наличие типовых речевых ситуаций и контекста культуры, которые являются общими для всех говорящих или группы говорящих. Структура речевого акта предполагает не отдельного говорящего, а типового говорящего. Непременным компонентом речевого акта и речевой деятельности говорящего является реальный язык и общая структура содержания информации, они социальны, так как принадлежат обществу. В языкоznании наших дней данная проблема оформилась в теорию речевых жанров.

2. Социальная природа речевого акта и речевой способности состоит в социальной обусловленности активности речевой деятельности говорящего. Люди говорят не для того, чтобы воспроизвести или демонстрировать свои речевые способности, как делают, например, попугаи, а для того, чтобы передать внеязыковую информацию. Люди используют средства языка для выражения своих мыслей, чувств, волеизъявлений, и эта социально обусловленная информация воздействует на слушателя (или читателя).

3. Говорящие не могут безразлично относиться к форме выражения своих мыслей и чувств, к сохранению и изменению языковой нормы.

4. Речевая деятельность является составной частью социальной деятельности человека и всего общества, для которого язык служит орудием развития.

Подчеркнем, что целый ряд проблем социальной природы речевой деятельности рассматривается в русле современных наук лингвопрагматики и теории коммуникации.

4. Для того чтобы могла сформироваться и окрепнуть языковая норма, необходимо утверждение в языковом сознании образованной части нации представления о том, что можно в языке, в его применении, а что нельзя. Это представление со временем должно стать общим для всех членов нации — без различия территорий, на

которых они живут, и рода деятельности, которой они заняты. Данное осознание не может появиться без влияния на языковое сознание говорящих социально авторитетных образцов. Прежде всего, их дает художественная литература. Необходима письменная фиксация образцов, без которой невозможно общее, одинаковое понимание и применение нормы.

Норма языка — явление сугубо историческое, потому что она формируется на определенном этапе развития языка, в процессе развития языка его норма развивается и совершенствуется.

Норма нужна людям, поскольку упрощает общение, создается людьми, следовательно, норма социальна. Норма принадлежит языку, поэтому она структурна. Норма предполагает устойчивость психофизиологических речевых навыков, следовательно, она психофизиологична.

Таким образом, языковая норма — это совокупность наиболее устойчивых, традиционных элементов системы языка, исторически отобранных и закрепленных общественной языковой практикой. Норма надтерриториальна, относительно консервативна, общеобязательна. Она проявляется в образцовых текстах.

Формами проявления языковой нормы являются (см., напр., В. И. Кодухов) литературный язык, функциональный стиль, узус.

Литературный язык — это обработанная и образцовая форма общенародного языка. Литературный язык занимает центральное место среди всех форм существования и функционирования языка. Его назначение — объединять членов социальной общности (народности, нации, народа). Основные признаки литературного языка как главного проявления нормы таковы: 1) наличие нормализованной и кодифицированной письменной формы; 2) общеобязательность; 3) полифункциональность, т. е. использование во всех сферах жизни общества, а потому наличие функциональных стилей (детально эта проблема рассматривается в курсе стилистики).

Стиль языка — это коммуникативная и функциональная разновидность литературного языка (данная форма функционирования языка изучается в курсе стилистики).

Узус — это совокупность всех реальных употреблений языка. Он наблюдается в диалектах, в говорах, то есть там, где нет коди-

фициированной (закрепленной в словарях, справочниках, образцовых текстах) нормы, а есть обычай, традиция употребления языка. Узуальные формы многообразны и подвижны.

5. Функционирование и развитие языка связаны с историей общества, с социальными общностями людей.

Для всякой социальной общности людей характерен языковой признак, а существование и функционирование языков обусловлены социальной общностью людей.

Основные формы общности людей — этническая группа, народность, нация. Подчеркнем, что нет четких хронологических рамок каждой из форм общности людей, они плавно переходят одна в другую. То же касается языковых признаков: они расплывчаты, подвижны. Таким образом, мы рассматриваем самые обобщенные признаки, наиболее яркие тенденции.

Основные этнические группы прошлого — племена, возникшие в родо-племенном обществе. Родовой строй предполагает наличие семьи и племени, объединяющихся на основе кровного родства. Племя отличает особый, лишь этому племени свойственный диалект.

В условиях родового общества язык племени обычно слабо ограничен от языков других (родственных) племен. На основе племенной близости может формироваться и язык племенных союзов, по отношению к которому отдельные родственные племенные языки оказываются племенными диалектами.

Выявлена закономерность: по мере внутренней консолидации форм исторической общности людей возрастает внутренняя организация и единство языка.

Народность возникает в рамках рабовладельческого строя, развивается и укрепляется в феодальном обществе. Народность имеет свое этническое имя, она формирует общие элементы культуры и общий язык, однако территориальные диалекты сохраняются, они наследуют многие признаки ушедших в прошлое диалектов племенных. Язык народности может получить письменную фиксацию, хотя это необязательно. Примечателен следующий факт: та или иная народность часто оказывалась двуязычной, то есть для религиозного культа, науки, просвещения применялся книжный нормированный язы

ный язык (обычно чужой), для повседневных трудовых, торговых, бытовых нужд, для устного словесного творчества — свой, не имеющий письменной фиксации и литературной нормированной формы. Указанная ситуация в период средневековья наблюдалась во многих странах Европы и Азии: в Западной Европе литературным языком была латынь, во многих странах Азии — арабский язык, на Руси функции литературного языка выполнял родственный старославянский. Отметим, что выдвижение на роль литературного языка обусловлено церковно-религиозной сферой: язык католицизма — латынь, православия — старославянский, ислама — арабский.

По мере консолидации общества, усиления государства при капитализме формируется нация. Ведущий ее языковой признак — наличие литературного языка на национальной основе, позиции диалектов ослабевают.

Для общения людей разных национальностей на определенной территории функционируют языки межнационального общения. Так, например, на постсоветском пространстве, помимо своих традиционных функций, функции языка межнационального общения выполняет русский язык: по-русски говорят между собой общественные и государственные деятели, ученые, артисты и т. д. в рамках СНГ, решая проблемы, касающиеся различных стран и народов.

В более глобальных масштабах используются международные языки. Это высокоразвитые языки, способные выразить самое разнообразное содержание, этими языками владеют миллионы людей, на них издаются документы международных организаций. Так, официальными языками ООН являются: английский, русский, французский, испанский, китайский.

6. Для упрощения общения представителей разных национальностей создавались искусственные языки (волапюк, эсперанто и т. п.), но они не получили широкого распространения. Наука, изучающая международные языки как способ коммуникации, получила название интерлингвистика.

Таким образом, социолингвистика — научная дисциплина, развивающаяся на стыке языкоznания, социологии, социальной психологии.

хологии и этнографии. Социолингвистика изучает широкий комплекс проблем, связанных с социальной природой языка, его общественными функциями, механизмом воздействия социальных факторов на язык и той ролью, которую играет язык в жизни общества.

По мнению А. Д. Швейцера, основными проблемами социолингвистики являются следующие: социальная дифференциация языка, язык и нация, языковая ситуация, заимствования, билингвизм, языковая норма, языковая политика и др.

Таким образом, взаимосвязи языка и общества глубоки и своеобразны, они не могут считаться изученными и требуют новых исследований.

Язык и история. Развитие языка

1. Развитие и история языка. Аспекты лингвистики.
2. Вариативность в языке.
3. Обусловленность истории языка историей народа.
4. Взаимодействие языков и языковые контакты.
5. Внутренние и внешние законы развития языков.
6. Характер прогресса в языке.

1. Изучение языка как исторически развивающегося объекта и основных особенностей языковых изменений является важным аспектом исследования форм существования языка, оно тесно связывается с описанием его существенных характеристик. Естественно в связи с этим, что подлинное понимание природы языка невозможно без постижения разнообразных типов движения, которые в нем наблюдаются. Хотя в целом понятие движения в языке не может быть сведено к понятию языковой изменчивости, наиболее наглядно языковой динамизм проявляется при рассмотрении языка во временной, исторической перспективе. Сравнивая две последовательные стадии в развитии одного и того же языка, мы обязательно обнаружим те или иные расхождения между ними.

Функционирование и развитие языка предполагают друг друга: развивается язык функционирующий, функционирует язык развивающийся. Если язык перестает употребляться, он умирает.

Важно отметить, что развивается не только язык, но и законы, руководящие его функционированием. Эту особенность подметили еще младограмматики. Так, например, палатализация изменяла заднеязычные г, к, х в шипящие — ж, ч, ш. Так возникли формы рука — ручка, нога — ножка и т. п. В современном русском языке возможна форма ткет, а не тчет (от глагола ткать).

Язык проявляет двоякую зависимость своей эволюции; с одной стороны, от среды, в которой он существует, а с другой — от внутреннего устройства и механизма функционирования.

Несмотря на разнообразие причин, вызывающих языковые изменения, им всем присуща одна примечательная особенность: наряду с тенденцией к изменению и совершенствованию языка постоянно прослеживается мощная тенденция к сохранению языка в состоянии коммуникативной пригодности, которая нередко оказывается в противодействии начинающимся преобразованиям. Всем процессам перестройки в языке противостоят процессы торможения, направленные на закрепление и консервацию имеющихся языковых средств и препятствующие наступлению перемен. Данная тенденция консервативности — социально положительная черта языка, поскольку она обеспечивает культурную связь поколений. С консервативностью связаны особые темпы развития языка, неодинаковые для разных участков его строя — фонетики, лексики, грамматики. Так, например, существенные изменения в лексике происходят каждые 5 лет, а заметные изменения в синтаксисе — через 100 лет. В этом проявляется специфика характера динамической устойчивости языков, позволяющей при значительных изменениях в отдельных частях системы сохранять, тем не менее, устойчивость в течение длительного времени.

Изменчивость языка — и предпосылка, и результат речевой деятельности, условие и следствие нормального функционирования языка. Следовательно, язык представляет собой целостное единство устойчивого и подвижного, стабильного и меняющегося, статики и динамики.

Данная двойственность коренится прежде всего в причинах функционального порядка: она связана с его ролью и положением в человеческом обществе. С одной стороны, чтобы удовлетворять новым потребностям, постоянно возникающим в человеческом обществе в связи с общим прогрессом науки, культуры и техники, язык должен не только воспроизводиться, но и, приспособливаясь к новым потребностям, видоизменяться. Ни одна сторона языка не ос-

тается в конечном счете вне обновления и вне совершенствования. С другой стороны, все подобные наступающие сдвиги должны быть не только социально мотивированы и апробированы, но и социально ограничены. Интересы общества требуют, чтобы никакие преобразования, происходящие в языке, не нарушили возможностей взаимопонимания между членами коллектива, принадлежащими к разным поколениям или социальным группировкам. Преемственность поколений выступает поэтому как сила, препятствующая наступлению каких бы то ни было резких скачков и внезапных кардинальных перемен. Языковые изменения совершаются постепенно, эволюционно.

Таким образом, изменчивость языка связана с тем, что язык существует и развивается как целенаправленная функционирующая система.

Изучить развитие языка можно прежде всего при сопоставлении двух аспектов анализа языка — синхронического и диахронического. Более детально данные категории мы рассматривали в лекциях, посвященных И. А. Бодузун де Куртенэ и Ф. де Соссюру.

Синхрония — это состояние языковой системы в определенный момент ее развития.

Единица синхронического анализа — синхронный срез. Это период, в который определенная подсистема языка не претерпевает заметных изменений (для лексики — 5 лет, для синтаксиса — 100). По образной характеристике Э. Косериу, синхронный срез — это “фотография движущегося поезда”, т. е. язык постоянно развивается, но ученый зафиксировал какой-то этап этого движения.

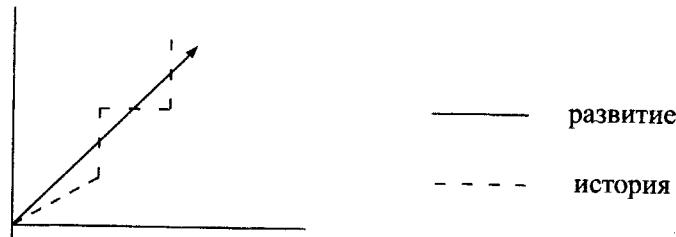
В диахронии анализируется одно явление или один участок подсистемы языка, развитие языка в целом изучает история языка.

Рассмотрим их соотношение вслед за И. А. Бодузуном де Куртенэ.

Развитие — это непрерывная протяженность однородных явлений, находящихся в непосредственной причинной зависимости.

История — это прерывистое развитие, периоды которого связаны опосредованной причинностью, переход языка из одного состояния в другое.

Различие между историей и развитием И. А. Бодуэн де Куртенэ представил в виде графика:

Таким образом, развитие поступательно и непрерывно, история прерывиста, неоднократного, в процессе истории возможно топтание на месте.

Непрерывность развития проявляется и в синхронии, поскольку, как уже отмечалось, остановка в развитии, проявляющаяся в остановке функционирования, приводит к гибели языка.

Однако в синхронии происходят микропроцессы, зачастую недоступные непосредственному наблюдению. Для них И. А. Бодуэн де Куртенэ тоже предложил формулу: $0 \times \infty = m$ (бесконечно малое изменение, произведенное в один момент, повторившись бесконечное количество раз, дает заметную определенную перемену). Так, например, еще в середине 90-х годов XX века у нас были такси и общественный транспорт. Именно в тот период стали появляться маршрутные такси, вобравшие в себя функции такси и общественного транспорта. Появилась и соответствующая номинация. Кто-то назвал их так первым — 0 в формуле И. А. Бодуэна де Куртенэ, затем этот вид транспорта распространился, занял прочное место в нашем обиходе и мы сократили название в соответствии с телескопической моделью словообразования — маршрутка (как электричка из электрический поезд, зачетка — зачетная книжка и т. п.). Таким образом, бесконечное множество раз повторившись, слово маршрутка стало фактом языка (m — в формуле И. А. Бодуэна де Куртенэ).

Основной процесс изменений в пределах разных периодов истории одного и того же языка — замещение языковых средств и качественные сдвиги в его структуре и норме.

Замещение (естественная трансформация у В. И. Кодухова) состоит в том, что одно из средств или категорий языка вытесняется другими, утрачивает с ними связь и используется уже как новая единица языка, новая его категория. Инновации могут возникать как совершенно новое явление языка (например, как заимствованная форма), так и в результате переоформления и переосмысливания уже имеющихся форм (например, именительный падеж русского имени существительного перетянул на себя значение звательного падежа). Во всех случаях замещение подготавливается варьированием языковых единиц, превращением индивидуальных изменений в социальный факт.

2. При синхронном анализе язык рассматривается как существующая в данный период совокупность определенных лингвистических единиц, находящихся в системных отношениях. Эта система пребывает в состоянии динамического равновесия, в ней существуют инновации и отмирающие явления. В слабых точках системы возникают варианты.

Вариантность — это следствие языкового развития, сосуществование элементов старого и нового качества. Поскольку язык избыточности не терпит, вариантность преодолевается.

Как правило, преодоление вариантов осуществляется следующими путями: одно явление вытесняется другим либо эти явления расходятся в оттенках значения и в стилистической окраске.

Так, например, в 20–30-е годы XX века, с появлением летательных аппаратов, людей, которые сидели за их штурвалами, называли летунами, авиаторами, летчиками, пилотами. Слово летун было вытеснено из этого ряда, оно стало обозначать человека, не задерживающегося долго на одном месте работы. Слово авиатор приобрело стилистический оттенок архаичности, летчик и пилот разошлись в оттенках значения: пилот непосредственно сидит за штурвалом самолета, летчик — обобщенное название людей, связанных с авиацией, носящих летную форму.

Вариантность, будучи следствием развития языка, позволяет выбрать наиболее перспективную форму: она должна соответствовать закономерностям системы данного языка. Так, например, слово кофе

употребляется в мужском и среднем роде. До недавнего времени единственной возможной была форма мужского рода, современные словари дают обе формы как варианты. Какой из них победит? Данное слово заимствовалось в форме кофей и склонялось по парадигме мужского рода как май, край. Позднее слово приобрело современный вид, перестало склоняться и по традиции мы пьем черный горячий кофе. Однако в русском языке неодушевленные неизменяемые существительные относятся к среднему роду (как метро, пальто и т. п.), поэтому можно предположить, что победит вариант среднего рода и мы будем пить горячее крепкое кофе.

Варьирование захватывает все единицы и все ярусы языковой структуры. В любом состоянии языка можно обнаружить "сильные" и "слабые" парадигмы, продуктивные и непродуктивные модели, ядерные и неядерные (периферийные) явления.

3. История языка тесно связана с историей народа — его носителя. Но эта связь в языкоznании понимается неоднозначно.

Так, Ф. де Соссюр и его последователи утверждали, что развитие языка протекает самостоятельно, история языка и история общества совсем не связаны между собой. Они составляют проблематику внешней лингвистики.

Сторонники неогумбольдтианства считают язык особой силой, "третьим миром", управляющим людьми.

Представители "нового учения о языке" (Н. Я. Марр и другие) относили язык к надстроенным явлениям, поэтому история общества, его развитие является основной причиной языкового развития. Связь между историей народа и историей языка определяется как детерминация.

В современной лингвистике связи языка и общества, языка и человека рассматриваются как очень сложные. Эти проблемы не могут рассматриваться как второстепенные, а тем более выноситься за пределы языкоznания.

Связь языка и общества как историческая проблема предполагает рассмотрение влияния как языка на людей, так и общества на язык. Эти связи многосторонни и разнообразны.

Наиболее важными причинами языковых изменений, связанных с историей общества, являются: а) распространения просвещения

и культуры; б) материальный и социальный прогресс общества; в) некоторые лингвисты в этот перечень вводят фактор изменения состава носителей языков и контакты народов.

Рассмотрим указанные причины:

а) распространение просвещения и культуры влияет прежде всего на укрепление нормы языка, а также на обогащение его общественных функций и стилевой структуры, т. е. в связи с развитием общества более разнообразными становятся сферы жизни, а вместе с ними формируются, утверждаются и развиваются новые функциональные стили.

История литературных языков непосредственно связана с историей деловой письменности, а также языка науки;

б) материальный и социальный прогресс общества проявляется в том, что общая история языка, исторические типы языковых норм, история литературно-письменного языка зависят от развития социальных общностей людей, общественно-политической и хозяйствственно-экономической истории общества. Особенно показательны в этом отношении различные формы литературных языков донационального и национального периодов.

4. Языковые контакты возникают там, где непосредственно или опосредованно встречаются две или несколько языковых структур (или их участков, частей, элементов) в их речевом применении одиними и теми же людьми.

Рассмотрим случаи, когда территорию, на которой живет население, говорящее на одном языке, занимает население, говорящее на другом языке. В этом случае язык пришельцев может растворить в себе язык местного населения или может раствориться в нем. Третий возможный исход — мирное сосуществование на одной территории разноязычного населения.

Если язык растворяется в другом, утрачивая самостоятельность и структурный облик, то он все же обязательно сохраняет следы воздействия на язык-победитель. Для такого исхода применяются термины субстрат (Дж. Асколи) и суперстрат (В. Вартбург).

Субстрат — это язык подоснова, язык местного населения, ассилированный, "усвоенный" языком пришельцев.

Субстратом стал дравидский язык для языков индийских, кельтский — для романских, фракийский — для румынского языка, иберийский — для испанского языка. Можно говорить о финском субстрате для ряда русских говоров севера европейской части России.

Суперстрат — язык — надоснова, язык пришельцев, ассимилированный, “усвоенный” языком местного населения.

Суперстратом стал латинский язык по отношению к ряду местных языков Западной Европы, немецкий по отношению к чешскому, язык норманских завоевателей для английского языка, тюркский язык волжско-камских болгар для славянского болгарского и др.

Степень ассимиляции “победившим” языком языка — субстрата или суперстрата может быть очень различной, как и степень проникновения структурных элементов языка “побежденного” в язык “победивший”. Наиболее проницаема лексика, менее доступна воздействию синтаксическая система и словообразование, еще менее проницаема система морфологии.

Помимо “победы” одного языка над другим, возможно сосуществование языков, получившее название адстрат (М. Бартоли).

Адстрат — это язык, усваиваемый другим языком, при условии территориального соседства населения, говорящего на том и другом языке. Предполагается, что элементы языка-адстрата проникают в ассимилирующий язык первоначально на линии соприкосновения двух народов, а затем, позже, эти элементы распространяются в глубину территории, занятой населением, говорящим на ассимилирующем языке, но оба взаимодействующих языка сохраняют свою систему. Таким образом, при адстратных отношениях не происходит ассимиляция этноса и растворение одного языка в другом, это своего рода прослойка между двумя языками. Например, белорусско-литовские, польско-литовские языковые отношения в период средневековья.

Часто длительные языковые контакты приводят к конвергентному развитию контактирующих языков. Конвергенция, в отличие от ассимиляции, не приводит к вытеснению одного языка другим, а обуславливает появление в контактирующих языках общих признаков. Вследствие конвергентного развития возникают так называе-

мые языковые союзы (Н. С. Трубецкой и др.) — “особый тип ареально-исторической общности языков, характеризующийся определенным количеством исходных структурных и материальных признаков, приобретенных в результате длительного и интенсивного контактного и конвергентного развития в пределах единого географического пространства” (В. П. Нерознак, ЛЭС, с. 617).

Более детально о языковом союзе мы говорили в процессе описания концепции Пражской лингвистической школы. На сегодня описан балканский языковой союз, в состав которого входят греческий, албанский, румынский, болгарский, македонский, сербский, хорватский и частично турецкий языки.

Языки-интерстраты находятся в отношении взаимного воздействия друг на друга. В интерстратных отношениях находятся граничащие языки.

Если новый язык усваивается плохо, в целях общения в конкретных ограниченных ситуациях (торговля, быт) могут возникнуть дополнительные “языки” — пиджин, койнэ, креолизованные языки.

Взаимодействие языков возможно как на уровне этноса, так и на уровне индивидуального сознания. В этом случае возникает би- или мульти (поли) лингвизм.

На категорию билингвизма сложились две основные точки зрения. Согласно мнению О. С. Ахмановой, Ж. Марузо и др., двуязычие — это свободное владение двумя языками и свободный переход с одного языка на другой.

С. В. Семчинский и др. утверждают, что такая ситуация наблюдается чрезвычайно редко, и, как правило, выделяется основной язык билинга и его второй язык, функции которого ограничены сравнительно с первым. Причем в сознании билинга языковые структуры, которыми он владеет, существуют, а не сливаются в единую систему.

При недостаточно четком разграничении систем языков в сознании возникает интерференция, которая может давать частичное смешение лексики, частичное усвоение синтаксических моделей одним языком из другого, частичные видоизменения произношения, ударения и интонации, привнесение чужого акцента.

При генерализации интерференционных процессов возникает такое явление, как суржик.

5. Развитие языка подчиняется действию общих и частных, внутренних и внешних законов. Проблема до конца не изучена, однако можно выделить общепризнанные ее аспекты.

Общие законы действуют по отношению ко всем или большинству языков, частные законы значимы для одного конкретного языка или группы близкородственных языков.

Внешние законы обнаруживают связи языка с различными сторонами человеческой деятельности и истории общества. Внешние законы внеструктурны, они охватывают норму и содержание языковых единиц.

Общие внешние законы устанавливают взаимосвязи, характерные для всех языков:

1) взаимосвязь общей истории языка с историей общества, связь форм существования языка с историческими общностями людей;

2) зависимость исторического развития языка от территориально — географических условий его функционирования;

3) различная степень связи с внеязыковыми закономерностями разных структурных единиц языка. Так, лексика непосредственно связана с общественно-политическими и культурными изменениями в обществе, с познавательной деятельностью людей; артикуляционная база — с физиолого-психологическими закономерностями и т. д.

Частные внешние законы проявляются в истории функционирования каждого конкретного языка и этноса — его носителя.

Внутренние законы связаны с внутриструктурными отношениями в языках.

Общие внутренние законы развития относятся ко всем известным языкам и всем ярусам языковой структуры. К ним относятся:

1) наличие последовательных исторических форм языка;

2) несоответствие внешней и внутренней языковых форм (асимметрия языкового знака);

3) сохранение трех основных единиц языка (звук, слово, предложение) и в связи с этим различие закономерностей и темпов изменения отдельных ярусов структуры языка и др.

Частные внутренние закономерности относятся лишь к определенным языкам или группам языков и отдельным ярусам языковой

структурь. Так, фонетическим законом в славянских языках является первая и вторая палатализация заднеязычных, в германских языках — первое и второе передвижение согласных.

Деление языковых законов на внешние и внутренние в известной степени условно, поскольку язык, общество и познавательная деятельность людей тесно взаимосвязаны.

6. Многие рассуждения о прогрессе в языке не в полной мере убедительны. Справедливым является общее положение относительно того, что если в связи с развитием общества прогрессирует мышление людей, то язык не может оставаться безучастным к этому движению по пути прогресса: он также прогрессирует в своем развитии и совершенствуется. Не случайно А. А. Потебня утверждал: "Прогресс в языке явление неоспоримое". Однако проблема прогресса в языке значительно сложнее проблемы прогресса общества и человеческого мышления.

Необходимо различать абсолютный и относительный прогресс в языке.

Относительный прогресс касается прежде всего языковой техники. Проявление тенденций, направленных к улучшению языковой техники и языкового механизма, порождает многочисленные внутренние противоречия, поскольку оно осуществляется в разных, по-разному организованных сферах. Если бы все полезно направленные тенденции последовательно и регулярно осуществлялись, то системы всех языков в мире давно достигли бы идеального состояния, однако этого не происходит, поскольку во внутренней сфере языка постоянно взаимодействует множество процессов, тормозящих прогрессивные тенденции.

Принято считать, что наиболее целесообразен аналитический строй языка, так как в нем одной форме присуще одно-единственное содержание. Предположим, что синтетический строй какого-либо языка с его семантически перегруженными формами меняется более четким аналитическим строем. Однако это новое состояние не может застыть на месте, потому что служебные слова, утратив лексическое значение, начнут фонетически выветриваться и в конце концов превратятся в новые падежные суффиксы, как это произошло в некоторых новоиндийских языках. Новые суффиксы

опять станут полисемантическими. Различные фонетические процессы могут привести к нечеткости границ между суффиксами и основой слова. Язык вновь вернется к прежнему состоянию. Таким образом, тенденция к аналитизму блокируется тенденциями к синтезизму. Возможно, потому нет языков с абсолютно синтетическим или абсолютно аналитическим строем. Относя языки к синтетическим или аналитическим, мы основываемся на преобладании тех или иных указанных тенденций.

Тем не менее, существуют и абсолютный прогресс, проявляющийся в приспособлении языка к усложняющимся формам общественной жизни людей, удовлетворению новых потребностей общения.

В жизни народа все время появляются новые понятия и явления, требующие своего названия, поэтому абсолютный прогресс выражается прежде всего в росте словарного состава языка и увеличении количества значений слов.

Рост словарного состава осуществляется за счет неологизмов (например, названия новых общественных институтов — Конституционный суд, названия партий, общественных объединений, новых реалий быта — микроволновка, маршрутка и т. п.) и заимствований (ваучер, приватизация и т. п.).

Увеличение количества значения слов можно проследить на примере немецкого слова Werk. Современное немецкое Werk имеет разветвленную серию омонимов, возникших вследствие распада полисемии, они отразили развитие многообразных видов деятельности человека: 1) дело, работа; 2) завод, рудник; 3) механизм; 4) произведение; 5) творчество, деятельность.

Абсолютный прогресс проявляется также в сфере синтаксиса. Исследования свидетельствуют о том, что синтаксис языков в древние времена не имел той упорядоченности, которую имеет синтаксис современных высокоразвитых языков. Развитие шло по линии уточнения значения подчинительных союзов и союзных слов, закрепления за ними одного конкретного значения. Система выражения мысли в современных языках стала более стройной и упорядоченной.

Связь развития языка с внутри- и внеструктурными процессами позволяют утверждать, что язык — это конкретно-историческая категория.

Понятие лингвистического метода

1. Вопрос о времени зарождения науки о языке.
2. Теория лингвистического метода.
3. Общенаучные и частнонаучные методы.

Всякая наука утверждается как специфическая отрасль человеческого знания тогда, когда вырабатывает свой метод.

Одной из главных проблем общего языковедения является проблема методов лингвистики. Преобладание соответствующего метода в ту или иную эпоху во многом определяет общий характер развития лингвистической науки.

В современном языкоznании на протяжении многих лет ведется спор относительно того, каким временем следует датировать возникновение науки о языке и соответственно трактовать ее как науку древнюю или же совсем молодую. По этому, на первый взгляд скользящему, поводу высказывались две точки зрения. Первая из них вела историю науки о языке с тех далеких времен, когда язык начал впервые вовлекаться в научное рассмотрение — естественно, теми методами и способами, какими тогда располагала наука.

В Европе зарождение науки о языке относилось к классической древности, а в других странах и континентах, как, например, в Индии истоки языкоznания уходили еще дальше — за несколько столетий до нашей эры. Что касается второй точки зрения, то она датировала возникновение науки о языке более поздним временем, и более точно — первой четвертью XIX века, аргументируя это тем, что именно тогда в трудах Ф. Боппа, Р. Раска, А. Х. Востокова и Я. Гримма был разработан специальный метод исследования и описание языка, которым до этого наука о языке не располагала, рас-

сматривая язык в комплексе других — преимущественно философских — наук. Иными словами, эта вторая точка зрения связывала возникновение своей науки с возникновением специального метода.

Теоретики языкоznания подчеркивают, что одним из главных признаков утвердившегося направления является наличие собственного метода. Именно метод формирует подходы к анализу языковых фактов, дисциплинирует исследования. Так, компаративистика сложилась в результате разработки сравнительно-исторического метода, структурализм имел в своем арсенале дескриптивный и трансформационный метод, анализ по НС и др. В рамках функционализма разрабатывается прежде всего метод поля. Однако метод по отношению к теории — явление вторичное. В. А. Звегинцев справедливо подчеркивает: “Сам по себе метод — не путь познания объекта, что является главным для всякой науки. Метод может быть лишь средством познания объекта и именно в той степени, в какой он обусловливается теорией, поставлен на службу ей и “выдает” эмпирические факты для проверки и корректирования используемых в теории систем и гипотез”.

Подчеркнем, что теорию метода как такового разработанной считать нельзя. Ученые, анализирующие эту проблему, видят в методе по три понятия, причем эти понятия в концепциях не всегда пересекаются. Так, В. И. Кодухов в теорию метода включает следующие: 1. Способ познания (философский метод, метод познания), 2. Совокупность научно-исследовательских приемов (специальные методы), 3. Совокупность правил анализа (приемы анализа).

В концепции Б. А. Серебренникова философский аспект входит в теорию метода, система научно-исследовательского метода состоит из: 1. Теории метода (лингвистические основы метода, методика применения научно-исследовательских методов, основы общей теории познания), 2. Комплекса научно-исследовательских приемов, содержание которых определяется лингвистическими основами метода, 3. Комплекс технических приемов и процедур.

Второй и третий компоненты составных частей метода в указанных концепциях по сути дела совпадают.

Для Ю. С. Степанова развитая система метода включает три части: 1. Вопрос о способах выявления нового материала и введения в научную методику (“методика” в советском языкоznании и “предлингвистика” в американском), 2. Вопрос о способах систематизации и объяснения этого материала (“метод” в советском языкоznании и “микролингвистика” в американском), 3. Вопрос о соотнесении и способах соотнесения уже систематизированного и объясненного материала с данными смежных наук и прежде всего с философией (“методология” в советском языкоznании и “металингвистика” в американском). Ю. С. Степанов разделил все методы на общие (“... обобщенные совокупности теоретических установок, приемов, методик исследования языка, связанные с определенной лингвистической теорией и с общей методологией”) и частные (“отдельные приемы, методики, операции, опирающиеся на определенные теоретические установки, как техническое средство, инструмент для того или иного аспекта языка”).

Обобщив указанные концепции, выделяем в методе два основных компонента: 1. Теоретическое обоснование данного подхода к анализу языковых и речевых фактов и 2. Вытекающая из него методика исследования.

Обратимся к первому компоненту современного лингвистического метода.

В современном языкоznании наблюдается смена научных парадигм: осуществляется переход от изучения языковых явлений в статике к анализу их в динамике, в процессе функционирования. Данный факт обусловлен логикой развития лингвистики: в XIX в. основное внимание уделялось происхождению тех или иных языковых элементов, в середине XX в. анализировалось прежде всего их строение, возникла необходимость рассмотреть эти элементы в динамике, в процессе их употребления, функционирования.

Подчеркнем, что методы, обеспечивая единство и преемственность лингвистической науки, тесно взаимосвязаны, обогащаясь за счет методик и приемов анализа, присущих другим методам. Так, функциональный метод активно использует вероятностно-статистическую методику, сравнительно-исторический метод — приемы структурного исследования и т. д.

Обратимся ко второму компоненту метода. В основе применения конкретных приемов анализа фактического материала лежит методология — философское мировоззрение, определяющее путь осмыслиения и познания внешнего мира. Выделяются внутренние и внешние условия выбора того или иного метода. При внешнем, объективном изучении фактов исследователь стихийно или сознательно руководствуется такими основаниями, как 1. Первичность материала и вторичность сознания, 2. Познаваемость мира, 3. Прoverка истинности научных результатов и выводов практикой и др. Выбор методов исследования зависит также и от внутринаучных факторов, таких, как объем имеющегося фактического материала, накопленных теоретических знаний в данной научной дисциплине, представлений ученых об объекте анализа, цели исследования и др.

Единство человеческих знаний приводит к тому, что идеи и методы, с помощью которых сделаны крупные научные открытия в одной области знаний, зачастую находят успешное применение и в других областях знаний. Ю. С. Степанов предостерегает от чрезмерного увлечения методами и приемами анализа языка, а говорит о том, что перед наукой стоит проблема, которую нужно решать с позиций разных наук, при помощи различных методов.

Большое количество используемых приемов анализа свидетельствует об активном состоянии научной дисциплины, а получаемые при этом результаты имеют и теоретическое, и прикладное значение.

Прикладное значение могут иметь данные, полученные посредством как традиционных, так и современных методов. Например, описательные грамматики, толковые и этимологические словари, методики преподавания языков создаются при помощи описательного метода. Полученные в ходе описания языка материалы с помощью традиционных методов широко используются в учебно-педагогических целях, а математические исследования языка, трансформационные грамматики — для переработки информации на естественных и искусственных языках.

Каждый из методов ставит перед собой свои частные задачи, но имеет одну и ту же цель — добиться знания, а знание при условии,

что это действительное знание, имеет одинаковую ценность, независимо от того, какими путями оно добывалось. В этом отношении оно подобно золоту: одному онодается с невероятными трудностями и даже ценой жизни, а другой получает его без всякого усилия в наследство от богатых родителей, но на ценности золота это никак не отражается. Таково и золото знания.

Достижения традиционной лингвистики принесли науке о языке заслуженную славу самой точной из всех общественных наук.

Принято выделять общенаучные (применимые во всех или большинстве наук) и частнонаучные (используемые в одной отрасли знания) методы и методики исследования. К общенаучным относятся, например, индукция, дедукция и т. п., к частнонаучным — сравнительно-исторический метод и др.

Совокупность средств и приемов познания, используемых наукой, составляет методику научного исследования. Такая методика будет, конечно, различной в зависимости от избираемого объекта изучения. Но ее разработка и применение зависят также и от того, каковы принципиальные позиции исследователя в его подходе к действительности.

Общенаучные методы исследования.

Сравнение используется во всех науках, поскольку всегда необходимо соотнести старые и новые данные, различные результаты исследований и т. п. В языкоznании сравнение лежит в основе сравнительно-исторического и сопоставительного методов.

Индукция заключается в обобщении результатов отдельных частных наблюдений. Это путь познания от данных опыта к их систематизации и от систематизированных данных опыта к открытию так называемых эмпирических законов. В лингвистике с помощью индукции решаются задачи типа: какими признаками обладает слово? На какие семантико-грамматические классы делятся слова? Как взаимодействуют друг с другом различные семантико-грамматические классы слов? В каком отношении к слову находится предложение? и т. д.

Дедукция опирается на положение либо постулируемое, либо полученное путем предварительного обобщения результатов частных

наблюдений. Нередко с помощью дедукции осуществляется предвидение и предсказание фактов задолго до их эмпирического открытия (например, Д. И. Менделеев таким образом открыл галлий, скандий и германий).

В лингвистике дедуктивного решения требуют, например, такие задачи: является ли данный отрезок речевой цепи словом? К какому семантико-грамматическому классу принадлежит данное слово? и т. п.

Анализ — это мысленное (или экспериментальное) расчленение предмета на составные части или выделение свойств предмета для изучения их в отдельности. Вспомним, как А. А. Потебня анализировал семантику творительного падежа в русском языке.

Синтез — это соединение составных частей или свойств и изучение его как единого целого. Синтез используется прежде всего для анализа членов предложения, строения текста и т. п.

Гипотеза дает синтетически цельное представление об изучаемом предмете во внутренних связях составляющих его частей и свойств, которые устанавливаются предположительно *a priori*, до опыта, но таким образом, что признавая наличие этих связей и их отношений, их определенный характер, мы получаем возможность объяснять и предсказывать реальные факты. Сами гипотезы содержат только возможные решения, правильность которых либо подтверждается, либо опровергается в ходе дальнейшего исследования. Доказанная, т. е. согласующаяся с фактами гипотеза есть научная теория.

Частные методы в языковедении.

Частные методы в языковедении начали создаваться только в XIX веке, это были методы сравнительно-исторического изучения языка. Серию методов в XX веке предложили структуралисты. Несколько позднее были созданы математические методы изучения языка, самые поздние по времени возникновения — функциональные методы.

Все частные методы изучения языка специализированы на познании специальных аспектов языковой деятельности человека и позволяют решать определенные классы лингвистических задач.

Методы сравнительно — исторического и типологического изучения языков.

Методы сравнительно-исторического и типологического изучения языков складываются из следующих приемов:

1. Сопоставление лексем родственных языков, близких по звучанию, с учетом выражаемых ими значений. Лат. *Nebula* — немецк. *Nebel* — рус. и укр. Небо (значения: облако — туман — небо). Лат. *Mater* — немецк. *Mutter* — рус. Мать — укр. Мати.

2. Сопоставление лексем одного языка, взятых на разных исторических срезах его развития, изменивших состав фонем или семем. Др.-русск. *Мъсо* — совр. рус. Мясо, укр. М'ясо; Рѣбіти — рубити; зърно — зерно и др.

3. Сопоставление взаимодействующих языков, выявляющее источники заимствований, роль каждого из языков в полученном новом языке (субстрат, суперстрат, адстрат). 1. Картографирование диалектных явлений, показывающее распределение их по территории, занятой носителями данного языка. Полученные карты наглядно показывают пути расселения носителей языка, соотношение архаичных и новых лексем и словоформ, центр и периферию распространения новообразований. Для картографирования разработана серия приемов сбора диалектного материала, его изображения на картах и правила чтения и интерпретации карт.

2. Сопоставление систем разных языков, независимо от их родства и наличия или отсутствия территориальных контактов.

Все методы сравнительно — исторического и типологического изучения языков направлены на выяснение родственных и неродственных отношений между языками, наличия или отсутствия территориальных или культурных контактов между ними, общечеловеческих и национальных особенностей языковых систем. Все эти методы служат изучению проблем исторического развития языков в связи с их связями с историей общества.

Структурные методы изучения языка.

Данные методы создавались в XX веке для изучения системы языка, находящейся в сознании человека, для познания ее элементов и структуры.

1. Методы выделения фонемы как элемента системы фонем и выявления типов оппозиций между фонемами для построения системы фонем.

2. Дистрибутивный анализ той или иной единицы языка в ее окружении, в ее сочетаемости с соседними единицами. По своим окружениям единицы могут быть распределены на классы для определения их места в системе языка.

3. Анализ по непосредственно составляющим (НС) путем последующего разбиения предложения на пары составляющих; предназначается для анализа и синтеза языковых текстов.

4. Трансформационный анализ, с помощью которого выясняются классы синтаксических конструкций, выражают одни и ту же пропозицию или денотативную ситуацию (сестра читает книгу — книга читается сестрой — чтение книги сестрой).

5. Компонентный анализ семем, разлагающий их на семы.

Разработка структурных методов анализа языка продолжается.

Математические методы изучения языка.

Указанные методы получили развитие в середине XX века и были стимулированы перспективами машинного перевода (МП) с помощью ЭВМ, которые тогда стали входить в широкое употребление.

В процессе обработки текстов для их ввода в машину были получены разнообразные количественные оценки отдельных сторон языка, которые оказались важными и полезными не только для практического использования при составлении математических моделей языка, но и для лингвистической теории. Среди математических методов наиболее информативными для лингвистики оказались методы математической статистики, теории информации и математической логики.

1. Статистическими методами пользуются при изучении распространения языковых средств по функциональным стилям, при определении индивидуальных стилистических особенностей писателя и т. п.

2. Методы теории информации используются для улучшения передачи информации по техническим системам связи. Выяснено, что наибольшей избыточностью обладает деловой стиль. Самую низкую избыточность и соответственно самую высокую неопределенность (энтропию) имеет устная неподготовленная речь.

3. В русле математической логики разработан символический язык, которым изображаются высказывания и логические отношения между ними, понятия, классы понятий и логические отношения между ними, например, вхождение в класс (ворона — птица), пересечение классов (думать — мыслить), тождество и различие классов, отношения соединения (конъюнкция), выбора (дизъюнкция), условно — следственные отношения (импликация) и др.

Математические методы в основном пригодны для изучения количественных характеристик языка. Указанными тремя группами методов арсенал математического изучения языка не исчерпывается, но другие методы служат главным образом для машинной обработки языка.

Функциональные методы.

Данные методы позволяют выяснить особенности функционирования языковых элементов и факторы, влияющие на их употребление. Применение поля, построенного по принципу продуктивности, позволяет выявить нарождающиеся и отмирающие явления, определить динамику процессов, протекающих в языке.

Каждая группа методов применяется в своей области и решает свои задачи. Более того, разные методы дополняют друг друга при изучении разных сторон языковой деятельности. Так, структурные методы позволили глубже понять закономерности исторических изменений языковых систем. Типологические сопоставления раскрыли национальную специфику языков. Математические методы выявили многие особенности устройства и функционирования языков.

Таким образом, в каждой науке используемые ею методы изучения своего предмета определяются, во-первых, его спецификой, во-вторых, сложившимся ученых — исследователей представлением о его сущности, происхождении, жизни и развитии; в-третьих, общим уровнем состояния знаний, т. е. развитием как данной науки, так и других наук, смежных с ней и несмежных, а также объемом вовлекаемого в исследование фактического материала; в-четвертых, целями и задачами, которые ставят перед собой исследователи.

Каждому из основных лингвистических методов посвящаем отдельную главу, в рамках которой рассмотрим историю возникновения метода, отдельные его приемы, сферы применения.

Описательный метод как аспект исследования ярусов современного языка

1. Общая характеристика описательного метода. Этапы описательного анализа.
2. Типы приёмов описательного метода:
 - А) Приёмы внешней интерпретации.
 - Б) Приёмы внутренней интерпретации.

Описательный метод выделяется не всеми лингвистами. Так, например, его описания нет в "Лингвистическом энциклопедическом словаре" (М., 1990). По сути дела лингвистическое описание составляет основу всякого исследования языка, поэтому в трудах В. И. Кодухова, Ю. С. Степанова и др. дается характеристика указанного метода.

По определению В. И. Кодухова, описательный метод — это система исследовательских приемов, применяемых для характеристики явлений языка на данном этапе его развития. Это метод синхронного анализа. Описательный метод имеет исключительное значение для практики обучения языку. Еще де Соссюр отмечал, что для говорящих имеет значение только синхрония. Все грамматики — научные и школьные — составляются описательным методом. В упомянутом "Лингвистическом энциклопедическом словаре" понятие "описание" имеет ссылку к понятию "грамматика".

На первом этапе описательного анализа из текста выделяются слова и предложения, т. е. номинативные и коммуникативные единицы языка. Выделение их не представляет в современном тексте трудностей, т. к. они выделяются графически. Слово — это отрез-

ки текста от просвета до просвета; предложения — отрезки текста между двумя точками или знаками, их заменяющими. Графическая сегментация должна быть дополнена методикой идентификации языковых единиц, так как слитное и раздельное написание имеет варианты, фразеологизмы по значению равны слову и т. п.

Второй этап описательного анализа состоит в членении выделенных из текста единиц, т. е. нахождении структурных единиц. Вторичная сегментация идет двумя путями: слова членятся на морфемы и словоформы, а предложение — на словосочетания и члены предложения.

Третий этап описательного анализа связан с интерпретацией выделенных номинативно — коммуникативных (первый этап) и структурных (второй этап) единиц. Структурная интерпретация осуществляется при помощи категориального и дискретного анализа.

Категориальный анализ состоит в том, что выделенные единицы объединяются в группы, анализируется структура этих групп и каждая единица рассматривается как часть той или иной категории (категория подлежащего, дополнения и т. п.)

Методика дискретного анализа состоит в том, что в структурной единице выделяются мельчайшие, далее неделимые предельные признаки. Изучается структура этих признаков, их распределение и значимость, так что единица языка рассматривается как пересечение этих признаков (признаки фонем, например, ряд, подъем, лабильность и т. п.).

Номинативно — коммуникативные и структурные единицы являются предметом анализа, последние используются как инструмент познания языковых единиц.

Во всяком исследовании необходимо разграничивать единицы изучаемого объекта (в нашем случае — единицы языка) и единицы, создаваемые исследователем для усовершенствования процедуры анализа (единицы анализа). Единицы объекта анализа существуют объективно, по воле исследователя. Единицы языка и единицы анализа могут принципиально не совпадать. Так, например, твердость — мягкость согласных не являются единицами языка, но они необходимый компонент анализа звука и фонемы.

Соотношение единицы языка и единицы анализа бывает двояким. С одной стороны, единицами анализа могут выступать реальные единицы языка (морфема, словоформа и т. п.). С другой стороны, единицами анализа могут быть такие элементы и отношения, которые сами по себе не образуют ни единиц языка, ни его категорий (например, фигуры и функции Л. Ельмслева).

В тех случаях, когда единицами анализа бывают реальные единицы языка, их отношение к единицам объекта может быть двояким: а) единица анализа меньше, чем исследуемая единица языка и речи. На этих соотношениях базируются две различные методики лингвистического анализа и описания языка — компонентный и контекстный анализ; б) единица анализа оказывается большей, чем единица языка и речи.

Компонентный анализ опирается на то, что единицы анализа являются элементами анализируемой языковой единицы — номинативно — коммуникативной и структурной. Например, членение слова на морфемы, разбор предложения по составу и т. п. Методика компонентного анализа разработана представителями Казанской и Московской лингвистической школ. Более тонкий и более современный компонентный анализ рассматривается в ряду структурных методов и приемов исследования. Компонентный анализ недостаточен для изучения единиц языка, он должен быть дополнен анализом нормативности и контекстным анализом.

Контекстный анализ — это анализ части через целое, так как единицы анализа больше, чем изучаемые единицы языка. При контекстном анализе исследуемая единица языка рассматривается в составе контекста. Размер его зависит от характера исследуемой единицы (для фонемы достаточный контекст — отдельное слово, для сверхфразового единства — весь текст). Чаще всего контекстный анализ используется при семантическом исследовании (лексем и словоформ). Наиболее известны следующие приемы контекстной методики: прием семантико-сintаксического контекста А. А. Потебни, стратификационный прием школы Ферса — Холидея и прием операционного контекста, предложенный Г. В. Колшансским.

Следует подчеркнуть, что традиционная методика понимает компоненты и контекст как объективно существующее явление, нетрадиционная методика (структуральная и математическая) подчеркивает операциональную природу компонента и контекста как явлений субъективно — научных, как единиц и отношений анализа.

Типы приемов описательного метода.

В традиционных (субстанциональных) исследованиях интерпретация считается обязательным компонентом третьего этапа описательного анализа языка, потому что выделение единиц языка предполагает их оценку, которая влияет на процедуру анализа, выбор его единиц, приемов и методик. Лингвистическая интерпретация признается самой существенной, поскольку она определяет самостоятельность науки о языке. Если исходить из такого понимания задач описательного изучения языка, то все приемы и методики лингвистического описательного метода могут быть подразделены на два основных типа — приемы внешней и приемы внутренней интерпретации.

Приемы внешней интерпретации.

Исследование назначения языковых единиц порождает приемы их функциональной интерпретации. По отношению к строению самих языковых единиц такая интерпретация является внешней. Долгое время основными считались приемы внешней, культурно — исторической интерпретации.

Приемы внешней интерпретации подразделяются на два вида:

1. Интерпретация языковых единиц со стороны их связей с неязыковыми явлениями; сюда относятся приемы социологические, логико-психологические и артикуляционно-акустические;
2. Интерпретация языковых единиц по их связи с другими единицами языка; в данную группу входят прежде всего приемы межуровневой интерпретации и дистрибутивная методика.

Рассмотрим приемы внешней интерпретации.

A) Социологические приемы

Данные приемы более применимы при нормативно — стилистическом и историческом изучении языка, однако они используются и при описательных исследованиях, особенно при изучении словарного состава языка.

1. Прием “слов и вещей” был предложен Г. Шухардтом и Р. Мерингером. Он состоит в том, что значение слова изучается в тесной связи с реалией, которую слово называет и обозначает. Значение слова раскрывается через описание реалий, свойства которых обнаруживаются или иллюстрируются примерами употребления данного слова. Основная продукция использования данного приема — словари.

2. Прием тематических групп состоит в том, что на основе какой-то одной предметно-тематической отнесенности избирается совокупность слов, которые подвергаются специальному изучению. При помощи тематических групп исследуется прежде всего субстантивная лексика (названия птиц, растений, питья и т. п.), а также терминологическая лексика.

3. Прием лингвистической географии состоит в изучении территориального распространения отдельных слов или их групп, в выявлении диалектных и языковых зон. Указанные действия осуществляются при помощи лексикографического описания и составления словарных карт.

4. Прием нормативно — стилевых характеристик используется при составлении толковых словарей и при стилистической характеристике словаря отдельного художественного произведения или автора.

Б) Логико-психологические приемы

Логические законы и правила логических операций являются составной частью любого исследовательского приема. Логическими приемами лингвистического анализа называют однако не логические основания лингвистических приемов, а такие приемы лингвистического анализа, которые исследуют связи содержания языковых единиц и категорий с единицами и категориями мышления. Среди логических приемов лингвистического анализа выделяются приемы инвариантно-метаязыковые и варианто-языковые; в истории языкоznания эти два рода приемов были осознаны как логические и психологические приемы анализа языка.

1. Инвариантно-метаязыковые логические приемы анализа языка основываются на подчеркнутом дедуктивном пути познания, при

котором конкретные единицы языка рассматриваются как реализация абстрактной модели языка, поэтому изучение метаязыка, соотнесенного прежде всего с абстрактной моделью языка, определение различных уровней абстракции и их структурно-системное описание составляет основную задачу логического познания языка. Эта задача определяет и методику лингвистического анализа. Предметом изучения становится стратификационная структура языка, логическая структура речевого акта и логико-тематическая структура контекста.

Инвариантно-логические приемы лингвистического анализа впервые были сформулированы в грамматике Пор-Рояля, а сейчас распространены в структуральном и логико-математическом языкоznании.

2. Вариантно-языковые приемы логического анализа исходят из признания разнообразия единиц языка и самих языков, так что их обще-логические свойства проявляются весьма своеобразно и противоречиво, поэтому предметом анализа являются конкретные единицы языка, их функционирование и связи не только с логическими формами мысли, но и с иными содержательными единицами и категориями. В языке в целом вариантно-языковые логические приемы применяются тогда, когда говорят о лингвистической относительности, о различных типах языковых значений, их категориях и связях с контекстом. Например, при изучении содержательной структуры предложения широко используются приемы логико-морфологического и актуально-сintагматического членения предложения. Логическая форма мысли выделяет субъектно-предикатную основу предложения, представленную главными членами предложения, и ее логическое распространение, выраженное второстепенными членами предложения.

В) Артикуляционно-акустические приемы

Звуки речи могут получать физические и биологические характеристики; вместе с тем как продукт высшей нервной деятельности человека они — психическое явление. Так, артикуляция звука — это мускульное усилие, которое предполагает не только движение органов речи, но и контроль, и управление артикулированием, выработку навыков артикуляции, воспитание фонологического служа.

Физические и физиологические свойства звуков речи изучаются при помощи прямого наблюдения и различных приемов экспериментально-фонетического метода. Артикуляционно-психологические и акустико-психологические особенности звуков речи изучаются при помощи классификации методик и компонентного анализа артикуляции звуков и артикуляционного акта. Компоненты артикуляции описываются при помощи артикуляционных таблиц, разработанных отдельно для гласных и согласных. Набор артикуляционных признаков бывает различным для разных языков. Так, артикуляционная характеристика согласных звуков русского и украинского языков включает 4 обязательных дифференциальных признака, указывающих на артикулятор (активный орган речи), место артикуляции, участие голосовых связок и наличие дополнительного движения артикулятора, создающего палатализацию (например, согласный [д'] характеризуется как переднеязычный, зубной, звонкий, мягкий). В польском или французском языках обязательно указание на участие носового резонатора, а в немецком или якутском — на длительность артикулирования гласного.

Г) Приемы межуровневой интерпретации

Данные приемы, не имеющие однозначного наименования, широко применяются в практике лингвистического исследования. Смысл их состоит в том, что единицы смежного яруса или более мелкие единицы одного и того же яруса используются как единицы лингвистического анализа. При межуровневом анализе на свойства изучаемого явления смотрят с точки зрения смежного яруса, что открывает новые особенности изучаемых явлений и помогает установить межуровневые связи. Наиболее распространены приемы морфологического синтаксиса и морфемной морфологии.

Синтаксическими единицами обычно признают словосочетание и предложение; в их состав, не теряя при этом своей специфики, входят словоформы и части речи. Прием морфологического синтаксиса состоит в том, что синтаксическую структуру изучают с точки зрения ее морфологической выраженности (например, главный член номинативного предложения может быть выражен именем существительным, местоимением, числительным, субстанти-

вированным словом, семантически и синтаксически неделимым словосочетанием).

Прием морфемной морфологии состоит в том, что морфема рассматривается как основная единица морфологии и морфологического анализа. При таком подходе к грамматическому строю методика морфемной членности и морфемной структуры оттесняет все остальные стороны единиц и категорий морфологического яруса и языковой структуры в целом.

Д) Дистрибутивная методика

Языковые единицы в тексте соседствуют, предельные единицы соединены друг с другом в составе более сложных единиц языка. Среди приемов изучения сочетаемости выделяют позиционные и дистрибутивные.

Позиционные приемы основаны на признании позиционной структуры единиц языка (например, по модели N-V образуется множество предложений: Поезд идет. Студент спит. Птица летит и т. п.); с помощью дистрибутивных приемов изучают окружение языковых единиц, их контекст (например, дешифровочный анализ в русле дескриптивной лингвистики).

Приемы внутренней интерпретации

Единицы языка обладают собственным строением. Изучение его предполагает собственную, или внутреннюю, интерпретацию. В. И. Кодухов называет три вида внутренней интерпретации.

1. Приемы классификации и систематизации направлены на выделение различных групп, разрядов, классов языковых единиц, а также категорий, свойственных тем или иным единицам языка.

2. Приемы вскрытия строения выделенных единиц, категорий и их образцов. В данную группу входят: а) парадигматические приемы, в том числе оппозиционный и прием семантического поля; б) синтагматические приемы, в том числе позиционные; в) приемы преобразований, в том числе трансформационная методика.

А) Прием классификации и систематики

Классификация как логическая операция деления объема понятия состоит в том, что все множество изучаемых приемов или явлений разбивается на отдельные группы, классы на основе сходных

или различных признаков. Примерами лингвистической классификации могут служить классификации слов по частям речи, простых предложений (двусоставные — односоставные и т. п.).

Б) Приемы парадигм и парадигматическая методика

Парадигматическая методика является одним из способов моделирования языка. Парадигма понимается как образец, который извлекается из речевого материала, но в речи ни одна парадигма полностью не реализуется (см. парадигму склонения имен существительных, спряжения глаголов и т. п.). Понимание языка как парадигматики привело к широкому использованию парадигматической методики. Стали выделяться синтаксические и лексико-семантические парадигмы, делаются попытки выявить фонологические парадигмы (их методика появилась как экстраполяция методики приема морфологических парадигм).

В) Оппозиционный прием

Оппозиция (от лат. *Opposition* — противоположение, противопоставление) — это любая противопоставленная пара языковых единиц: антонимы, гласные — согласные, совершенный — несовершенный вид. Методика приема оппозиций была разработана представителями Пражской лингвистической школы: Н. С. Трубецкой впервые применил его в фонологии, Р. О. Якобсон — в изучении морфологических категорий как оппозиционных семантических структур.

Прием оппозиции опирается на два основных принципа: 1) противопоставление языка (парадигмы) и речи (контекста); 2) признание неравноправности членов оппозиции. Категории языка понимаются как общие значения, образуемые пучком дифференциальных признаков. Последние образуют фонологическое содержание фонемы и грамматическое содержание словоформы, поэтому оппозиционному анализу предшествует компонентный анализ.

Первое правило методики оппозиционного анализа состоит в установлении дифференциальных признаков (для русских и украинских гласных — ряд, подъем, лабиализация). Второе правило — определение неравномерности членов оппозиции. Р. О. Якобсон, характеризуя маркированный член как А, а немаркированный как не-А, при-

вел пару слов телка — теленок. Телка как маркированный член оппозиции всегда обозначает самку, теленок может обозначать и самца, и самку. Невыраженность содержательного признака члена оппозиции (теленок) делает его зависимым от контекста, порождает его частные значения и вторичные функции. Например, при употреблении настоящего исторического глаголов несовершенного вида можно указывать на однократное действие, обычно выражаемого совершенным видом: Вот входит в аудиторию студент. Таким образом, оппозиционный прием начинается компонентным анализом, а завершается контекстным. Собственно позиционными являются правила отбора дифференциальных признаков и их неравноправная интерпретация.

Г) Приемы семантического поля

Семантические признаки языковых единиц могут быть выражены в разной степени, иметь различную степень близости друг к другу. Этот прием предполагает построение модели по принципу “центр — периферия” и признает наличие постепенных переходов, непрерывность развертывания семантических признаков. Прием понятийного поля (*Begriffsfeld*), или поля Й. Трира, состоит в том, что в центре семантического поля находится семантическая доминанта, представляющая набор семантических признаков данного понятия, родового понятия или темы (предметной отнесенности). Наличие в центре многосеменного компонента дает возможность развертывать его таким образом, что происходит сокращение признаков и удаление анализируемой единицы от центра. Крайне периферийные элементы обладают разной степенью удаления от набора признаков семантической доминанты и тем самым получают свою семантическую определенность, которая может быть охарактеризована как степень семантического тяготения и семантического расстояния.

Д) Прием семантической валентности слова (*Bedeutungsfeld*)

В. Порцига изучает семантическую сочетаемость слова: данного существительного со всеми глаголами или прилагательными и т. п.

Е) Приемы преобразования и трансформационная методика.

Приемы преобразований базируются на понимании языка как процесса, как динамической структуры, отдельные единицы кото-

рой связаны друг с другом. Приемы преобразований возникли, с одной стороны, в сравнительно-историческом языкоznании, а с другой — в логической лингвистике и при стилистическом анализе художественного текста. Методика преобразований использовалась для замены действительного оборота страдательным, при сокращении сложного предложения и развертывании простого. Так, Ф. И. Буслаев широко использовал прием сокращений придаточных предложений: тот, кто виноват- виновник; думаю о том, чтобы идти — думаю идти и т. п.

Традиционная трансформационная методика (методика преобразований) состоит в установлении правил преобразований, определении направления трансформационного процесса и сравнении полученных трансформ или взаимотрансформируемых единиц (синонимических или производных). Трансформационная методика исходит из признания взаимосвязи, родственности единиц языка. Она широко используется для изучения синтаксических особенностей, применяется и для анализа единиц других ярусов языка. При использовании традиционной трансформационной методики допускалось устанавливать любые связи, которые давали данные реального языка и его категорий. Логическая процедура рассматривалась как правило формальной логики, а потому оставалась за пределами лингвистического анализа. Напротив, при структурно — математическом анализе логическая процедура анализа становится четко выраженной и составляет существенную часть его.

Таким образом, современный описательный метод постоянно обогащается за счет методик и приемов анализа, разработанных в русле иных лингвистических методов.

Сравнительный метод

1. Сравнительно-исторический метод.
2. Историко-сравнительный метод и его приёмы.

В совокупности конкретных методов лингвистического исследования большая роль отводится приему сравнения. Исторические сведения нужны лингвисту для того, чтобы яснее представить развитие языка или группы родственных языков. Сравнительно-историческое изучение языков основывается на факте разновременного появления компонентов языка, которое приводит к тому, что в языках одновременно существуют пласти, относящиеся к разным хронологическим срезам. В силу своей специфики как средства общения язык не может изменяться одновременно во всех своих элементах. Разнообразные причины языковых изменений также не могут действовать одновременно. Все это позволяет восстановить с помощью сравнительно-исторического метода картину постепенного развития и изменения языков со временем их отделения от праязыка той или иной языковой семьи.

Сравнительно-исторический метод основывается на сравнении языков. Сравнение состояния языка в различные периоды помогает создать историю языка. Материалом для сравнения служат наиболее устойчивые его элементы: в области морфологии — словообразовательные и словоизменительные форманты, в области лексики — этиологически надежные слова (термины родства, слова, обозначающие жизненно важные понятия и явления природы, числительные, местоимения и другие устойчивые лексические элементы).

Сравнительно-историческое языкоzнание, у истоков которого стоит Ф. Бопп, А. Х. Востоков, Я. Гримм, Р. Раск, начинает анализ с того, что, занимствуя типологические данные, очерчивает круг язы-

ков, которые могут восходить к общему источнику, т. е. круг предположительно родственных языков. Однако типологическое сходство не доказывает родства языков. Например, тюркские и монгольские языки обладают заметным типологическим сходством, но относятся к разным семьям.

До начала сравнительно-исторического исследования гипотеза о родстве группы языков поддерживается еще и наличием некоторого количества слов, имеющих сходное звучание и значение. Однако сходство словаря не считается доказательством родства языков, оно может быть следствием культурного влияния. Например, в японском языке до 70 % слов — китайского происхождения, но эти языки не родственны. Однако сходство словаря — исключительно важный гипотетический признак родства языков.

После того как с помощью гипотезы о родстве языков образована база сравнения, переходят к верификации гипотезы, которая составляет суть сравнительно-исторического исследования. Основой сравнительно-исторического метода является полная индукция. Вывод делается по всей совокупности языковых фактов. Сравнение предположительно родственных языков начинается со сравнения словаря. Морфологические и фонетические различия могут быть суммированы. Для этой цели составляют списки родственных частей слов: корней и аффиксов. Сопоставление далее может вестись уже не по словам, а по корням и аффиксам. Сопоставление частей слов существенно расширяет базу сравнения. Общих частей слов в родственных языках значительно больше, чем общих слов. Это является одним из признаков родства языков: если число общих частей слов превышает число общих слов, то языки родственны, если же число общих слов превышает число общей частей слов, то неродственны или отдаленно родственны.

Если устанавливается историческая преемственность сравниваемых языков, то соответствия в звуках общих слов, корней и аффиксов в исторически преемственных родственных языках получают название **фонетических (или звуковых) законов**. Фонетический закон устанавливается сравнением звуков по их позициям в словах и морфемах. Например, горск. *widuwo* — н. в.-нем. *wituwa*

“вдова”. Закономерное изменение рядов звуков распространяется не только на слова с однородным значением, но и на другие исконные слова и обнаруживает относительную самостоятельность эволюции звуков речи. Фонетические законы объясняют историческую преемственность языков. Наличие фонетических законов, связывающих сходные и не сходные по значению слова, указывает на историческую непрерывность и историческую изменчивость материала речи и является важным методологическим достижением сравнительно-исторического языкознания. Прослеженная непрерывность эволюции языков является основным доказательством их родства. Все языки, гипотетически выделенные как родственные, признаются родственными лишь тогда, когда доказана непрерывность эволюции их звуков и морфемного состава до современного состояния и показана точка дивергенции на линии непрерывности. Доказательством непрерывности эволюции завершаются аналитические процедуры сравнительно-исторического метода.

Анализ позволяет рассмотреть непрерывность отношений между языками и тем самым доказать происхождение всех языков одной семьи из общего языка-основы. В задачу синтеза входит упорядочение исторических отношений между языками, классификация звуков внутри семьи по их историческим соотношениям и систематизация всех фактов непрерывности эволюции в их отношении к посторонним (относительно непрерывности эволюции) влияниям.

Синтез осуществляется с помощью построения реконструкций, классификаций и выведения этимологий. Эти методы находятся во взаимной связи, каждый из них и все вместе представляют гипотезы об историческом процессе. Эти гипотезы верифицируются и прямо-языковыми фактами, и косвенно — свидетельствами разных исторических источников, данными истории материальной культуры, свидетельствами документов, дешифровкой письменных памятников.

Сравнительно-исторический метод обращен на современные языки: чем более в глубь истории прослежена судьба какого-либо языка, тем более обстоятельно и широко освещено его современное состояние. Историческое истолкование современного языка (еди-

ниц и системы) есть его этимология. Этимология в широком смысле слова — общий итог применения сравнительно-исторического метода. Она представляет собой историческое обоснование внутренней формы современного языка. Внутренняя форма языка, т. е. специфический для данного языка способ передавать звуками значение, раскрывается сравнительно-историческим методом относительно всей совокупности связей звука и смысла слов: общих отношений способов выражения лексического и грамматического значений в слове, истории звуков речи, истории форм словообразования и словоизменения. Этимология в широком смысле слова используется при построении специальных лингвистических дисциплин, таких, как история языка, история литературного языка, диалектология и др.

В современных сравнительно-исторических исследованиях все более распространяется точка зрения, согласно которой утверждается научно-познавательная значимость праязыковой гипотезы. Восстановление индоевропейского праязыка-основы сейчас не является конечной целью компаративистских исследований. В работах отечественных языковедов неоднократно подчеркивается, что реконструкция праязыковой схемы должна рассматриваться как создание точки отсчета при изучении истории языков. В этом заключается научно-методическое значение реконструкции языка-основы любой языковой семьи, поскольку, будучи отправной точкой отсчета на определенной хронологической плоскости, реконструированная праязыковая схема позволит нагляднее представить историю развития конкретной группы языков или отдельного языка.

Как неоднократно подчеркивалось, сравнительно-исторический метод основывается на сравнении нескольких родственных языков. Историко-сравнительный метод — это система приемов и методик анализа, используемая при изучении исторического развития отдельного языка в целях выявления его внутренних и внешних закономерностей.

Принцип историко-сравнительного метода — установление исторического тождества и различия форм и звуков языка. Важнейшие приемы историко-сравнительного метода: приемы внутренней

реконструкции и хронологизации, диалектографии, культурно-исторической интерпретации, текстологии.

1) **Прием внутренней реконструкции** состоит в том, что более древняя форма восстанавливается путем сопоставления разных ее отражений в пределах одного и того же языка; факты родственных языков не используются или используются для контроля. Например, при словообразовании и словоизменении в русском языке обнаруживается чередование а\им\ен\ин (снять — снимать, имя — имена, память — поминать и т. п.). Часть таких форм заимствована из старославянского языка, часть — исконные восточнославянские. По всей вероятности, в более ранний период в восточнославянских диалектах был носовой гласный переднего образования. Следовательно, носовые гласные были свойственны не только общеславянскому, но и отдельным славянским языкам.

2) **Прием хронологизации** языковых явлений состоит в том, что языковые факты получают абсолютную и относительную датировку.

А) **Абсолютная хронология** устанавливается путем выявления первой фиксации данного факта в каком-либо источнике: памятнике письменности, свидетельстве современника и т. п. Так, из воспоминаний одного старого писателя узнаем, что в 1910 г. говорили и писали летун, летатель, летчик, хотя более употребительным было заимствованное слово авиатор — так датируется употребление слов авиатор и летчик. Если сравнить эти показания с данными современных словарей, то можно заметить, что сейчас более употребительно слово летчик, у которого есть синоним — архаическое авиатор и специальное пилот, слово летун стало разговорным и изменило значение, слово летатель исчезло.

Б) **Прием относительной хронологии** заключается в датировке явлений относительно друг друга. Так, В. А. Богородицкий отсутствие I лабиализации в словах дед, отец и наличие в ее слове полет объясняет тем, что переход [e] в [o] произошел позднее исчезновения Ъ (сравните рус. дед и укр. дід) и отвердения ц (отец). Следовательно, эти явления имеют разную хронологию относительно друг друга.

Прием хронологизации языковых явлений, включая сюда методику выявления архаизмов и неологизмов, имеет большое значение

не только при историко-сравнительном, но и при использовании описательного метода, так как любое полное синхроническое описание языка, по справедливому замечанию Е. Куриловича, не может обойтись без понятий архаизма и инновации.

3) **Диалектографические приемы** используются при сборе, обработке и интерпретации диалектного материала. Они охватывают приемы диалектологических, лингвогеографических и ареальных исследований. Но если лингвогеограф пользуется ареальными (изоглоссными) приемами, то диалектолог — методикой полевого анкетирования.

4) **Прием культурно-исторической интерпретации** основан на тесных связях языковых явлений с данными этнографии и демографии.

Этнографическая интерпретация — это этнографическая группировка языков и языковых явлений, особенно диалектной лексики, а также выделение и характеристика “этнографизмов”.

Примером культурно-исторической интерпретации является социологическая периодизация истории русского литературного языка и установление связи истории литературно-письменного языка с историей деловой письменности и языком художественной литературы. С культурно-исторической интерпретацией связана методика истории отдельных слов. Эта методика состоит в том, что история значений какого-либо слова современного языка прослеживается в связи с историей обозначаемых им реалий и историей словарного состава языка. Например, в древнерусском языке красный — “красивый, радостный”, во II половине XVII в. появилось прилагательное “красивый”, а слово красный стало обозначать только цвет, сохранившись как постоянный эпитет; в конце XVIII — начале XIX в. под влиянием французской буржуазной революции данный цвет, а вместе с ним слово стал символом революционной борьбы.

5) **Текстология** — это сумма приемов по изучению истории текста (литературного памятника или исторического документа), установлению основного текста и его вариантов (справок, редакций), авторства и времени написания, подготовки текста в соответствии с типом издания. Зачатки текстологии относятся к Александрий-

ской эпохе, когда грамматики из Александрии пытались восстановить тексты “Одиссеи” и “Илиады”. Отечественная текстология берет свое начало с расшифровки “темных мест” “Слова о полку Игореве”, впервые изданного в 1800 г. Отметим, что текстология — современный термин, ранее в ходу были филологическая критика, археография, экзегетика, герменевтика (последняя в наше время приобретает новое значение).

Текстологическое исследование предполагает использование сравнительно-исторического метода при изучении списков и изданий одного и того же текста, реже — родственных текстов (“Слово о полку Игореве” — “Задонщина”). Основные текстологические приемы таковы: критика (рецензирование), атрибуция и интерпретация текстов (рукописей, изданий). Текстологические исследования требуют комплексного использования исторических, литературоведческих и лингвистических знаний. Практическим результатом текстологических разысканий является публикация памятников. При текстологическом анализе лингвистические особенности остаются в тени, в связи с этим возникла потребность в разработке лингвистического источниковедения.

6) Предмет лингвистического источниковедения — выявление, аннотирование и систематизация источников с точки зрения их лингвистической содержательности, информативности и разработка принципов их воспроизведения.

Таким образом, вслед за А. А. Реформатским, подчеркнем: “Хотя в самой технике применения они (сравнительный и сопоставительный методы — Л. И.) могут совпадать, “выходы” сравнительного и сопоставительного анализа разные: первый ориентирован на обнаружение подобного, второй — на обнаружение различного”.

Сопоставительный метод

При сопоставительном изучении языков исторический аспект не играет никакой роли: сопоставляться могут как родственные, так и неродственные языки. Сопоставительный метод — исследование и описание языка через его системное сравнение с другим языком с целью прояснения его специфичности. Он особенно эффективен применительно к родственным языкам, так как их контрастные черты проступают наиболее ярко на фоне сходных черт. Идея сопоставительного метода была теоретически обоснована И. А. Бодуэном де Куртенэ, элементы сопоставления встречались и в грамматиках XVIII–XIX вв., но как лингвистический метод с определенными принципами он стал формироваться в 30–40-х годах XX в. В нашей стране важный вклад в теорию и практику сопоставительного метода внесли в эти годы Е. Д. Поливанов, Л. В. Щерба, С. И. Бернштейн. Классическим применением указанного метода стали труды Е. Д. Поливанова (1933 г.), Ш. Балли (1935 г.). Значение сопоставительного метода возрастает в связи с увеличением интереса к лингвистическим основам преподавания неродных языков.

Практической целью сравнительно-типологического исследования языков, по мнению В. Г. Гака, является:

а) выявление схождений и расхождений в использовании языковых средств различными языками. Это имеет важное методическое значение, ибо знание расхождений позволяет преодолевать языковую интерференцию: влияние одного (родного) языка при пользовании другим языком, кроме того, оно дает лингвистическое обоснование закономерностям перевода;

б) изучение конкретных особенностей обоих языков. Сопоставление позволяет иногда выявить некоторые особенности иностранного и родного языков, ускользающие при его “внутреннем” изучении;

в) установление общих закономерностей и фактов, свойственных разным языкам, выявление языковых универсалий и возможностей их реализации в конкретных языках. Такой подход позволяет отличить общечеловеческое от специфического в изучаемом языке, глубже постичь устройство человеческого языка в целом, закономерности языковой деятельности человека, что имеет важное философское и общеобразовательное значение.

Сравнительно-сопоставительное изучение
родственных и неродственных языков.

Сравнительно-типологическое изучение языков дает возможность выявить структурные особенности различных языков. При помощи сопоставительного метода изучаются степень и характер влияния одного языка на другой в результате исторических и территориальных контактов. Сопоставительное изучение отдельных языковых явлений помогает выявить их существенные признаки с точки зрения как всех сопоставляемых языков, так и каждого языка в отдельности. Сопоставительный метод распространен в прикладном языкоznании — в теории и практике составления двуязычных словарей и переводов, в методике преподавания второго языка.

По определению В. И. Кодухова, сопоставительный метод — это система приемов и методик анализа, используемых для выявления общего (всеобщего) и особенного в сравниваемых языках. Сопоставительный анализ зависит от того, какие цели ставит перед собой исследователь, сколько языков он привлекает для сравнения и какой способ описания избирает.

Сравнение фактов разных языков поставило перед языкоznанием задачу установления принципов такого сравнения, так как сравнение может быть проведено неправильно и не дать верного результата. Например, если сравнить по звунию русское междометие *ну!* и китайское слово *ну* “раб”, то такое сравнение бессмысленно, хотя и может породить ложную русско-китайскую этимологию: “раб тот, кого понукают”. Так, В. К. Тредиаковский, соединяя русское слово *скот* и племенное имя шотландцев *skott*, утверждал, что название этого народа пошло от слова *скот* “животные”. Поэтому сравниваться между собой должны целые системы, лишь после этого

можно сравнивать части систем или даже отдельные элементы, но только в том случае, когда установлено, что подсистема или отдельные элементы занимают в целых системах аналогичные места.

Установление оснований сопоставления.

Основание сопоставления устанавливается при помощи языкового и признакового сопоставления. Чем больше сходных явлений, чем больше общих признаков, тем больше и различий. При отсутствии сходных явлений в двух или более языках сопоставительное изучение ограничивается констатацией этого различия.

Прием языкового сопоставления состоит в том, что основой сопоставления выступает какой-то один язык. Выбор его обусловливается либо задачами исследования, либо степенью изученности сопоставляемых языков. Так, в прошлом при создании грамматик многих европейских языков за образец и основание сопоставления бралась латинская грамматика. Начало сравнительному языкознанию было положено в XVI в., когда стали создаваться грамматики национальных языков Европы. Новые национальные (иначе — вульгарные, т. е. народные) языки были значительно менее разработаны в сравнении с языками классическими: латинским, греческим и древнееврейским. Вместе с тем, классические языки не были в то время мертвыми, так как существовала письменная и устная языковая практика на этих языках, прежде всего в сфере религии и учености: на этих языках осуществлялась деловая переписка, писались и печатались книги, велось преподавание и т. д. Национальные языки в то время не использовались в научном и религиозном общении, а также, что самое важное, в деловом общении. Их словарь и формы синтаксиса были для этого недостаточно развиты. Чтобы уравнять по выразительным средствам классические и новые вульгарные языки, необходимо было их сопоставить и выяснить объем и уровень их выразительных средств.

Прием признакового сопоставления состоит в том, что основанием сопоставления избирается какое-либо явление того или иного языка, признаки этого явления, причем количество и качество признаков у разных структурных элементов языка неодинаково, поэтому различаются по своей природе и общие признаки, выступаю-

щие основанием сопоставления. Так, звуки речи имеют общие артикуляционные и акустические признаки — это и может стать основой сопоставления.

Языковое и признаковое сопоставление имеют свои преимущества и недостатки. Так, при помощи языкового сопоставления шире выявляются и отличительные особенности сопоставляемых языков, однако, поскольку основанием сопоставления выступает один язык, у сопоставляемых языков обнаруживаются лишь те особенности, которые видны через язык, являющийся основанием сопоставления. Те же особенности, которые специфичны для другого языка, остаются в тени. При помощи признакового сопоставления глубже выявляется различие сопоставляемых явлений; широкое привлечение фактов разных языков ведет к установлению универсальных (общязыковых) свойств и того, что является особым в каждом языке. В лингвистической практике приемы признакового и языкового сопоставлений часто совмещаются, дополняя друг друга.

Сопоставительная интерпретация.

Данная процедура осуществляется при помощи методики параллельного изучения, структурной интерпретации, стилистической интерпретации.

Методика параллельного изучения состоит в том, что факты и явления рассматриваемых языков изучаются в каждом из них с использованием приемов и методики описательного метода, а полученные результаты сопоставляются.

Проблема контрастивной лингвистики.

Контрастивная лингвистика (конфронтативная лингвистика) — направление исследований общего языкоznания, интенсивно развивающееся в 50-х гг. XX в. Целью контрастивной лингвистики является сопоставительное изучение двух, реже нескольких языков для выявления их сходств и различий на всех уровнях языковой структуры прежде всего в дидактических целях. Ранними источниками контрастивной лингвистики можно считать наблюдения над различиями чужого (иностранных) языка по сравнению с родным, которые нашли свое отражение в грамматиках, публиковавшихся в разных странах (в Западной Европе особенно активно — начиная с

эпохи Возрождения), и работы по типологическому сравнению не-родственных языков, проводившиеся в связи с задачами типологической (морфологической) классификации языков. Эти два источника в известной мере ощущаются в контрастивной лингвистике и поныне.

В работах, направленных на улучшение методики изучения иностранного языка, родной язык берется как исходная модель, "язык — эталон", с которой по линии сходства и главным образом различий сравнивается изучаемый иностранный язык. Работы подобного рода охватывают обычно всю область грамматики (иногда и фонетики) в целом.

Началом контрастивной лингвистики принято считать появление в 1957 г. работы Р. Ладо, однако труды русских языковедов конца XIX — начала XX вв. содержали не только богатые материалы по сопоставительному изучению языков, но и положения о возможностях применения контрастивного метода (работы А. А. Потебни, Ф. Е. Корша, позже Е. Д. Поливанова, все — с уклоном в типологию), труды В. А. Богородицкого, И. А. Бодуэна де Куртенэ, Л. В. Щербы содержат изложение теоретических основ сравнения родного и иностранного языков.

Улучшение преподавания родного и иностранного языков в национальных школах, создание двуязычных словарей, некоторые вопросы перевода явились сферами практического приложения теоретических достижений контрастивных исследований.

Собственно контрастивные работы не всегда четко выделяются среди многочисленных изысканий сопоставительного характера, что часто отражается на применяемой в них терминологии. Видимо, в контрастивных исследованиях главное внимание должно уделяться специфическим чертам сравниваемых языков на основе некоторого набора общеязыковых явлений.

Отечественную современную контрастивную лингвистику характеризует прежде всего установка на анализ форм в связи с передаваемым содержанием и оценка функциональной значимости отдельных явлений в системе языка. Имеются работы, в которых за исходный пункт берется то или иное понятие и соответственно рассматриваются формы его выражения в сравниваемых языках. Подобные

исследования часто смещаются в сторону теории универсалий, и не случайно многие языковеды полагают, что, несмотря на быстрое развитие контрастивной лингвистики, ее место в номенклатуре лингвистических дисциплин еще нуждается в уточнении.

Типологическая характеристика языка и типологическая классификация языков.

Развитие типологии протекало параллельно с развитием сравнительно-исторического языкознания; время его рождения — первая треть XIX в. (Германия), но формирование типологии было подготовлено лингвистикой XVIII в. — философией языка (Р. Декарт, Г. В. Лейбниц, И. Г. Гердер) и универсальной ("всеобщей") грамматикой, показавшей принципиальную сопоставимость языков различного происхождения; первый опыт исследования типологической эволюции языков находим у А. Смита (1759 г.), искавшего причины сдвига от синтетизма к аналитизму в европейских языках. У истоков типологизма стоят Ф. и А. Шлегели и В. фон Гумбольдт; типологический аспект присутствует и в глottогонической концепции Ф. Боппа. Основное внимание в первых типологических разысканиях XIX в. уделялось определению морфологических типов языков, причем ориентация этой типологии была не столько таксономической, сколько глottогонической, что объясняется распространением нового исторического подхода к изучению языка. Начиная с Ф. Боппа и В. фон Гумбольдта, лингвисты XIX в. склонны были трактовать выделяемые морфологические типы не как статические состояния истории языков, а как динамические стадии, которые последовательно проходит каждый язык в своем развитии. Гумбольдтовская типология нашла продолжение в трудах А. Шлейхера (критически осмыслившего взгляды В. фон Гумбольдта и А. Шлегеля) и А. Ф. Потта, "корневая" типология Ф. Боппа — в трудах М. Мицлера. Новый аспект в теории формальных языковых типов и типологической классификации языков открыли в середине XIX в. работы Г. Штейнталя, выдвинувшего формально-синтаксические признаки в качестве основы типологизации.

Вопросы типологии занимали заметное место в русской лингвистике XIX в. Исследование морфологических типов языков содер-

жится в трудах Ф. Ф. Фортунатова; глубокую теорию синтаксической типологии в историческом плане разработал А. А. Потебня, чья концепция выгодно отличается от штейнталевской типологии своей ориентацией на понятийные категории языка; попытка комплексного определения эргативного типа языка была предпринята Н. К. Усларом; на рубеже веков проблемы типологического изучения языка в сравнении с другими подходами рассматривались И. А. Бодуэн де Куртенэ.

В XX в., после некоторого спада типологических интересов в два первых десятилетия, когда стабилизировались традиционные модели типологии, начинается ее новый расцвет, связанный с именем Э. Сепира, создавшего (1921 г.) принципиально новую модель типологии, базирующуюся на комплексе общих характеристик (виды и способы выражения грамматических понятий, техника соединения морфем, степень сложности грамматических форм). Многоаспектный и многопризнаковый характер этой типологии позволил строить вместо традиционных 3–4 типов более глубокую и дробную таксономию, отражающую политипологизм языков, диатипическое варьирование и наличие языков переходных типов.

Типология Э. Сепира послужила отправной точкой для развития инвентаризационной и импликационной типологии, чему в значительной мере способствовало широкое распространение в Европе и США структурной лингвистики, вводившей в лингвистическую практику новые, более строгие методы единообразного анализа языков и дававшей всестороннее формальное описание языковой структуры. В европейской лингвистике большую роль в развитии типологии сыграл Пражский лингвистический кружок, где зародилась типология языковых подсистем (например, фонологическая типология Н. С. Трубецкого) и характерология (В. Матезиус, В. Скаличка). В середине XX в. продолжается интенсивная разработка формальной типологии — общей и частной (Р. О. Якобсон, Д. Гринберг, А. Мартине и др.), развивается квантитивная типология, созданная Д. Гринбергом (А. Л. Крёбер, С. Сапорта и др.); значительно расширяется круг сопоставляемых фактов благодаря привлечению языков Азии, Африки и Океании. В 60–70-е гг. скла-

дается социологическая типология, главным образом в США (У. Стюарт, Ч. А. Фергюсон и др.) и в СССР (М. М. Гухман, Л. Б. Никольский, Ю. Д. Дешериев, Г. В. Степанов). Если первая половина XX в. в западной лингвистике характеризуется в целом преобладанием формальной типологии, то в нашей стране разработка типологии шла по линии контенсивно-синтаксической и категориальной типологии (И. И. Мещанинов, С. Д. Кацнельсон, А. А. Холодович) и в этой области были достигнуты значительные успехи (особенно в теории синтаксических типов, рассматривавшихся в плане внутренней импликационной структуры и исторической эволюции), хотя типологические построения этого периода несли на себе отпечаток постулатов лингвистической концепции марризма. Особое место в истории отечественной типологии занимают исторические и типолого-диахронические исследования Е. Д. Поливанова. Во второй половине XX в. в нашей стране широко разрабатываются проблемы контенсивной и формальной типологии (Б. А. Успенский, В. Н. Ярцева, В. М. Солнцев, Ю. В. Рождественский, А. Е. Кибрик и др.); все большее развитие получает диахроническая и историческая типология (В. М. Иллич-Свитыч, Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов, М. М. Гухман, Б. А. Серебренников и др.), этнолингвистическая типология (Н. И. Толстой).

Для типологии второй половины XX в. характерно сближение со сравнительно-историческим языкознанием, по отношению к которому типологические закономерности (синхронические и диахронические) служат критерием вероятной оценки генетических гипотез (на что указывал в 1956 г. Р. О. Якобсон и что практиковалось еще Е. Д. Поливановым). Развитием метода сопоставительного языкознания являются сравнительно-историческое и типологическое языкознание с их частными методами. Эти частные методы происходят из сопоставительного языкознания, но имеют особые цели и связанную с этим систему процедур исследования. СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ языкознание имеет целью исследование современных языков и прослеживание путей их развития из исторического прошлого в современное состояние. ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ языкознание имеет целью установление закономерностей, связы-

вающих материал речи, прежде всего звуки, и выражение смысла, т. е. членность материала речи ради выражения языковых значений. Обе эти области связаны между собой не только единством времени возникновения (начало XIX в.), но и соотносительностью выводов, возможностью перекрестно проверить полученные результаты. Обе эти области характеризуются также тем, что основным материалом исследования являются не тексты, а уже существующие описания систем языков. Тексты привлекаются лишь для обоснования характерных черт изучаемых языковых систем. Сравнительно-историческое и типологическое языкознание сходны также и тем, что охватывают одним исследованием не два-три языка, а определенный массив языков с достаточно четко установленными границами.

Предметом типологического языкознания являются все языковые системы, известные в мире, и выводы делаются для всех языков мира. В этом смысле типология языков является разделом общего языкознания.

Типологические классификации языков построены на учете ряда признаков, которые реализуются в отдельных языках и группах языков с различной полнотой. Процедура установления категорий в универсальной грамматике выглядит следующим образом: 1) задается значение исходя из нужд выражения мысли; 2) некоторая совокупность текстов на двух языках, преимущественно переводных и поэтому семантически эквивалентных, рассматривается с точки зрения характера выражения заданного значения; объем и характер текстов избираются так, чтобы получить исчерпывающие сведения о способах выражения данного значения в каждом из сравниваемых языков; 3) формируется категория как единство значения и множества разнородных форм выражения; 4) устанавливаются эквивалентные способы выражения в обоих языках.

Эти принципы сопоставительного языкознания сохраняют свою силу и сейчас, однако, в связи с развитием новых областей частно-описательного языкознания сравнение идет дальше, охватывает новый материал. В настоящее время сопоставляются языки в плане фонетики, морфемики, словообразования, лексики, фразеологии и

формального, а также семантического синтаксиса. Сопоставительное языкознание описывает, таким образом, все планы и ярусы языка. Соответственно меняется отношение к выведению основания сравнения — универсальных классификационных категорий.

Основания классификации в типологии могут быть различны, что обусловлено разной трактовкой понятия типологии — языкового типа, которое может означать и “тип языка”, и “тип в языке”. Так, традиционная типологическая классификация, выделяющая аморфные (изолирующие), агглютинативные и флексивные языки, отражает стремление выделить типы языков на основе общих принципов строения грамматических форм. С другой стороны, имеется много классификаций, исходящих из отдельных частных характеристик языка, например, наличия — отсутствия в нем тонов, характера вокалических систем, порядка следования основных членов предложения и т. п. Такие классификации ориентированы не на тип языка в целом, а на тип определенных подсистем и категорий в языке; число их может быть велико, один и тот же язык, в зависимости от различных оснований классификации, будет попадать в разные группировки, что создает множественность его таксономических характеристик в типологии, в отличие от единственности его таксономической принадлежности в генеалогической классификации. Наиболее распространены морфологическая и синтаксическая типологические квалификации (по ведущему признаку).

Морфологическая классификация базируется на строении слова, на учете характера морфем и способа их соединения при словообразовании и словоизменении. Примером ее может служить классификация А. Шлегеля — В. фон Гумбольдта, усовершенствованная Г. Штейнталем и особенно Э. Сепиром.

Синтаксические классификации (И. И. Мещанинов и др.) основываются на строении предложения. Учитываются такие общезыковые отношения, как предикативные, объектные, атрибутивные; по способу выражения этих отношений выделяются подтипы аморфный, синтаксико-морфологический и т. п.

Типологические характеристики являются многомерными и допускают соединение дедуктивной и индуктивной методик, в том

числе количественной. Приемы и модели типологического описания предполагают выявление общих структурных признаков, присущих большинству или всем языкам, т. е. лингвистических универсалий.

По мнению А. Е. Кибрика, до самого последнего времени основной задачей типологии был поиск ответа на вопрос КАК (ЧЕМ) языки отличаются друг от друга? Следовательно, основной задачей КАК-типологии была таксономия — классификация языков по всевозможным параметрам. Несмотря на то, что гипотезы моногенеза и врожденности не следует пока полностью исключать из рассмотрения, тем не менее они не могут конкурировать с объяснительной силой факторов, связанных с обстоятельствами использования языка человеком. Данный подход к ПОЧЕМУ-типологии основывается на фундаментальной гипотезе о функциональной мотивированности языка, а именно о том, что язык (как механизм, устройство, средство и т. д.), чтобы осуществлять свое предназначение, должен иметь не произвольную структуру, а именно такую, которая оптимально согласована со способами его использования. В основе ПОЧЕМУ-типологии должна лежать не традиционная статистическая (структурная) модель языка, а динамическая модель, согласованная с моделью языковой деятельности (т. е. описывающая язык как механизм, участвующий в преобразовании речемыслительной задачи в текст). Таким образом, как утверждает А. Е. Кибрик, период стерильной КАК-типологии себя изжил, что на повестке дня стоит развертывание широкого фронта работ в области ПОЧЕМУ-типологии, что ее методологическим ядром является динамический подход, что динамическая типология способна поднять типологию на качественно новый уровень описания и объяснения языковых фактов. В то же время динамическая ПОЧЕМУ-типология не отрицает, а вбирает в себя все позитивные результаты статической КАК-типологии как необходимого этапа развития эмпирического метода.

Проблемы языковых универсалий.

Типология имеет дело с объединением признаков на том или ином уровне языковой системы в определенные типы. Естественно предположить, что эти типы, представляющие из себя совокупность неко-

торых признаков, могут встречаться либо во всех, либо в большинстве языков земного шара. Эти признаки приводят к установлению некоторых общих закономерностей, характерных для всех или большинства языков. Эти закономерности и принято называть языковыми универсалиями. Теория языковых универсалий рассматривает и определяет: 1) общие свойства всех человеческих языков в отличие от языков животных. Например, в человеческом языке канал для любой языковой коммуникации является вокально-слуховым; на языке человека возможно легко порождать и легко воспринимать новые создаваемые сообщения; в языке человека непрерывно возникает новая идиоматика и т. д. 2) Совокупность содержательных категорий, темы или иными средствами выражаемые в каждом языке. Например, во всех языках выражены отношения между субъектом и предикатом, категории пассивности, оценки, определенности / неопределенности, множественности, все языки знают членение на тему и рему. 3) Общие свойства самих языковых структур, относящиеся ко всем языковым уровням. Например, во всяком языке не может существовать менее десяти и более восьмидесяти фонем; если в языке существуют сочетания вида “плавный + шумный”; если есть противопоставление согласных по твердости — мягкости, то нет политонии гласных; во всяком языке есть противопоставление компактных — диффузных гласных; отношение количества гласных к количеству согласных в звуковой цепи не может быть больше двух; если в языке слово всегда однослоjное, то оно одноморфемно и в языке существует музыкальное ударение; если существует флексия, то есть и деривационный элемент; если выражено множественное число, то есть нулевой морф, его выражающий; если существует падеж только с нулевым алломорфом, то для всякого такого падежа существует значение при непереходном глаголе; если субъект в языке стоит перед глаголом и объект стоит перед глаголом, то в языке есть падеж; если субъект стоит после глагола и объект стоит после субъекта, то прилагательное помещается после имени; если в языке существует предлог и не существует послелог, то существительное в родительном падеже помещается после существительного в именительном падеже; если

в языке существует послелог и не существует предлог, то существительное в родительном падеже стоит перед существительным в именительном падеже и т. д.

Известны и универсалии, относящиеся ко всем языковым уровням: для всякого противопоставления маркированный член имеет более редкую встречаемость, чем немаркированный. Известны универсалии лексико-семантического плана, например, “тяжелый по весу”, приобретает значение “трудный”; “горький по вкусу” — значение “горестный, скорбный” и т. д.

Существует несколько классификаций универсалий, строящихся на разных основаниях. Так, различаются следующие универсалии: 1) дедуктивные (т. е. обязательные для всех языков) и индуктивные (явление имеет место во всех известных языках); 2) абсолютные (полные) и статистические (неполные); 3) простые (утверждающие наличие или отсутствие некоторого явления) и сложные (утверждающие определенную зависимость между разными явлениями); 4) синхронические и диахронические.

Теория диахронических универсалий активно развивается с 70-х годов XX в. Признание универсалий в диахронии (например, утверждение, что самое позднее глагольное время в языке — *Futurum*) предполагает принятие однонаправленности языкового развития. Концепции этого рода высказывались в отечественном языкоznании 30-х годов XX в. (работы И. И. Мещанинова, В. И. Абаева, С. Д. Кацнельсона).

Утверждение о наличии универсалий восходит к античным грамматикам; в средние века (XIII в.) возникает термин *grammatica universalis*; с появлением грамматики Пор-Рояля это понятие обретает лингвистическую основу. Объектом современной лингвистики языковые универсалии становятся с начала 60-х гг. XX в. (главным образом в СССР и США). Накопление материала по различным языковым универсалиям в 60–70-е гг. было стимулировано успехами структурно-системного описания языков, в особенности фонологии, а также расширением границ структурной типологии, знакомством с языками Африки, Юго-Восточной Азии и Океании.

Теория универсалий проделала эволюцию от поисков поверхностных и затем импликативных универсалий, главным образом в

синхронии, к поискам диахронических универсалий и к широкому типологическому сопоставлению способов реализации одной и той же содержательной универсалии (последнее характерно для европейской лингвистики). В 80-е гг. наблюдается обращение исследователей к универсалиям текста и порядку компонентов в синтаксических структурах. Эти универсалии находят объяснение в “картине мира”, понимаемой через язык (новое семантическое направление, возникшее из анализа “глубинных структур”).

Определяя место универсалий в лингвистических исследованиях, можно выделить, по мнению М. М. Гухман, две задачи, решение которых в той или иной степени связано с универсалиями: 1) построение универсальной модели естественного языка и 2) изучение тех типовых модификаций и вариантов, в которых реализуются многие универсальные категории, признаки и свойства языка. Первая задача относится к общей теории языка, вторая — к сфере типологии. Такие “полные универсалии”, как логико-грамматическое членение предложения, или категории агенса и пациента, или атрибутивность и принадлежность в разной степени как и противопоставление слоговых и неслоговых фонем и т. д., как бы переходят в другой ключ, если изучается существенная вариантность в их реализации. Переход к типологии обусловлен переключением от рассмотрения, какие признаки являются универсальными, к анализу, как реализуются те элементы и свойства, которым приписывается статус универсалий, так как типология прежде всего занимается качественными различительными характеристиками. Именно в этом случае универсалия выступает как некий обобщенный инвариант, модификации которого могут оказаться типологическими признаками языков. Тем самым признается, что существует значительный класс полных универсалий, которые участвуют в построении обоих моделей — универсальной модели языка и типологически характеризованных разных языков.

Работа в области систематизации универсальных закономерностей только началась. Количество выявленных универсалий будет постоянно дополняться, будет совершенствоваться методика обнаружения универсалий. Но сейчас уже ясно, что это направление

ориентировано не на изучение отдельных явлений языка или языков, а на изучение закономерностей более общего порядка, знание которых поможет понять функционирования языка.

Актуальным для современной теории универсалий является установка на интерпретацию универсалий. Например, выдвижение к началу высказывания важных по смыслу элементов интерпретируется через большую звучность (и большую воспринимаемость) начальной позиции высказывания, подъем интонации в конце общего вопроса объясняется сжатостью голосовых связок говорящего, внутренне не закончившего коммуникацию, понижение тона в конце повествовательного высказывания — релаксацией связок. Выход за пределы внутрисистемной интерпретации влечет за собой новые возможности объяснения действия универсалий: социальные причины, кодификация, появление письменности и пр. Интерпретация и верификация накопленных универсалий может облегчить поиск новых универсалий, сделав его не только эмпирическим, но и априорным.

Лекция № 23

Математические методы и приемы анализа языка

Сравнительно-историческое языкознание с его интересом к конкретным фактам языка, к его субстанциональным, в первую очередь звуковым, характеристикам, к воссозданию “биографии” языковых явлений, с его стремлением установить между ними исторические связи, формулируемые в виде законов, с его вниманием к межъязыковым отношениям и контактам языка с внешней и внутренней (психической) средой народов и, наконец, со всей совокупностью обусловленных этими интересами и задачами методов анализа, индуктивных по преимуществу, было порождением и лингвистической вершиной XIX века.

Структурная лингвистика явилась своего рода антитезой сравнительно-исторического и младограмматического направлений в языкознании прошлого столетия. Для структурной лингвистики характерен интерес к синхронному состоянию языка и внутренним связям между образующими его элементами, ревностное отношение к логическим основам построения лингвистической теории, обусловленная этими целями методика анализа языка теснейшим образом связана с идеями первой половины XX века.

Вытекающему из указанных характеристик лингвистическому атомизму XIX века структурная лингвистика противопоставила концепцию системной целостности языка, ставшую в XX веке красногольным камнем всех школ и направлений языкознания. Задача системного описания требовала расположения фактов языка в одной плоскости, отвлечения от исторической перспективы их развития. Поэтому если в XIX веке понятие научности ассоциировалось прежде всего с понятием историзма и любая научная грамматика составлялась на исторической основе, то в XX веке понятие научности в

подходе к языку стало в первую очередь связываться со строго синхронным описанием его системы.

Таким образом, структурная лингвистика — это совокупность воззрений на язык и методов его исследования, в основе которых лежит понимание языка как знаковой системы с четко выделимыми структурными элементами (единицами языка, их классами и пр.) и стремление языка к строгому (приближающемуся к точным наукам) формальному описанию языка. Свое название структурная лингвистика получила благодаря особому вниманию к структуре языка, которая представляет собой сеть отношений (противопоставлений) между элементами языковой системы, упорядоченных и находящихся в иерархической зависимости в пределах определенных уровней.

Структурное описание языка предполагает такой анализ реального текста, который позволяет выделить обобщенные инвариантные единицы (схемы предложений, морфемы, фонемы) и соотнести их с конкретными речевыми сегментами на основе строгих правил реализации. Эти правила определяют границы варьирования языковых единиц в речи с точки зрения сохранения ими самотождественности, т. е. фиксируют набор допустимых синонимических преобразований единиц языка.

Структурная лингвистика рождалась из поисков более последовательной системы основных понятий языкоznания и из стремления разработать столь же строгие методы синхронного описания современных языков, каким был сравнительно-исторический метод для сравнительно-исторического языкоznания.

В развитии структурной лингвистики выделяют несколько этапов. Первый этап (примерно 20-е–50-е гг. XX века) характеризовался повышенным, а в некоторых случаях исключительным вниманием к структуре плана выражения как более доступной строгому описанию, что приводило к забвению содержательной стороны, преувеличению роли отношений между элементами системы и игнорированию самих элементов как языковых сущностей.

С 50-х гг. начинается второй этап развития структурной лингвистики, для которого характерен поворот к изучению плана содер-

жания и к динамическим моделям языка (в частности, развивается трансформационный метод в грамматике). Методы и приемы анализа, разработанные первоначально в фонологии, переносятся в грамматику и семантику. Принципы и методы структурной лингвистики начинают применяться в сравнительно-историческом языкоznании (в работах Р. О. Якобсона, А. Мартине, Е. Куриловича, Э. А. Макаева, Т. В. Гамкрелидзе и др.). Вместе с тем, расширение фронта исследований и одновременное применение наряду со структурными методами также иных приемов и методов исследования привело к тому, что структурная лингвистика, углубив наши представления об устройстве языка, разработав аппарат строгого описания его системы, “растворилась” в новых направлениях, вызванных к жизни новыми теоретическими поисками.

С 70-х гг. структурная лингвистика перестает существовать как обособленное направление, противостоящее “традиционному” языкоznанию; разработанные структурной лингвистикой методы исследования наряду с другими применяются и в иных лингвистических дисциплинах (психолингвистике, социолингвистике и др.). Структурная лингвистика повлияла на развитие структурных методов исследования в других гуманитарных науках — литературоведении, искусствознании, этнологии, истории, социологии, психологии.

Две основные идеи стали опорными пунктами структурной лингвистики: 1. Требование постоянного учета языковой функции, выдвиннутое уже И. А. Бодуэном де Куртенэ и последовательно проведенное в жизнь лингвистами Пражской школы; 2. Идея описания языка как синхронной системы, на которой с особой решительностью настаивал Ф. де Соссюр. Идея целенаправленности представляет собой то общее, что объединяет все школы структурной лингвистики.

Если говорить в терминах общей семиотики, в составе которой, по традиции, выделяются семантика, синтаксика и прагматика, то различие школ структурной лингвистики может быть сформулировано следующим образом: гlosсематики ограничивали лингвистическую теорию описанием синтаксики (внутренней организации кода), а пражцы охотно вводили в круг своих интересов также се-

мантическую и pragматическую стороны языка (т. е. его отношение к предметам внешнего мира и к участникам и условиям коммуникации).

Принятый структурной лингвистикой семиологический подход к языку определил и ее отношение к самому языковому материалу. Если лингвистика XIX века обращала большое внимание на реализацию языка, то для структурного языкоznания текст служит лишь тем источником, из которого должна быть выведена семиологическая система, затемненная условиями и формой ее физического воплощения. Осуществление этой общей задачи поставило структурную лингвистику перед необходимостью "извлечения" языковых единиц из непрерывного языкового потока, определения их функционального (инвариантного) содержания на основе их бесконечно варьирующихся репрезентаций, наконец, выявления иерархической организации языка, скрытой линейной реализацией речи. Эти цели в значительной степени определили те методы, которые получили название структурных.

Таким образом, для структурных методов основополагающую роль сыграло осознание дилеммы языка и речи, актуального и виртуального кода и сообщения, бесконечного варьирования при сохранении стабильным семиологического (функционального) содержания.

Итак, целью структурного описания должна быть как можно более точная характеристика структурных отношений, которые скрыты за непосредственно наблюдаемыми языковыми данными. Структурное языкоznание предложило и обосновало определенную технику анализа. Если оставить в стороне некоторые формализованные процедуры, то наиболее общими приемами, используемыми в разных вариантах и с разными целями, являются: 1. Прием коммутации, или субSTITУции, при помощи которого определяются инвариантные единицы языка, фиксируются релевантные признаки его планов, выявляется функциональная иерархия и т. п.; 2. Прием опущения (трактуемый иногда как нулевая субSTITУция), также имеющий широкую сферу применения, и обратный ему; 3. Прием интерполяции (или "катализ") отсутствующих элементов. В каче-

стве образцов структурных методик приведем дистрибутивное описание и компонентный анализ.

Дистрибутивная методика была разработана Л. Блумфилдом в 20-х гг. XX века, а затем развита в 30–50-х гг. в работах З. Харриса. Изложим суть ее вслед за Ю. Д. Апресяном (Апресян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966).

Дистрибутивная лингвистика — это схема процессов, ведущих к открытию грамматики некоторого языка, или экспериментальная техника сбора и первоначальной обработки сырых данных. Таким образом, исследователь выступает в роли дешифровщика, стремящегося раскрыть код.

Единственной реальностью, с которой лингвист имеет дело, является текст, подлежащий "дешифровке". Все сведения о "коде" (языке), лежащем в основе этого текста, должны быть выведены исключительно из анализа последнего. Но в тексте непосредственно не содержатся данные о значениях слов языка, его грамматике, его истории и генетических связях с другими языками. Непосредственно в тексте даны лишь некоторые элементы (части, отрезки), и для каждого из них мы можем установить распределение или дистрибуцию — сумму всех окружений, в которых он встречается, т. е. сумму всех (различных) позиций элементов относительно других элементов.

Описать структуру языка исчерпывающим образом — значит установить: 1. Его элементарные единицы на всех уровнях анализа; 2. Классы элементарных единиц; 3. Законы сочетания элементов различных классов. Элементарные единицы — это фонемы и морфемы.

Выделение элементарных единиц языка достигается с помощью экспериментальной техники сегментации текста и дистрибутивного анализа текстовых единиц, обнаруженных в результате сегментации. Классы элементарных единиц строятся на основе экспериментальной техники субSTITУции (замещения), а законы сочетания элементов различных классов устанавливаются с помощью анализа по непосредственно составляющим. Первые три техники могут применяться, по мнению их создателей, для анализа любого аспекта

та всякого языка, а анализ по непосредственно составляющим (НС) имеет силу только в области морфологии и синтаксиса.

Идея о том, что единицы языка, классы единиц и связи между единицами могут быть определены исключительно через их окружение, т. е. через их отношение к другим единицам того же порядка, и составляет существо дистрибутивного подхода к языку.

Сегментирование текста на элементарные единицы (звуки или фонны на фонологическом уровне и морфы на морфологическом) является лишь первым шагом в процедуре выделения соответствующих единиц языка — фонем или морфем. Вторым шагом является идентификация — установление того, какие из элементарных текстовых единиц тождественны между собой, т. е. являются вариантами одной и той же единицы языка (аллофонами одной фонемы или алломорфами одной морфемы), а какие различны, т. е. являются представителями разных единиц языка. Для решения этой задачи используется дистрибутивный анализ в собственном смысле слова.

Устанавливаются три типа дистрибуции элементов:

1. Текстовые единицы находятся в дополнительной дистрибуции, если они никогда не встречаются в одинаковых окружениях. Этого условия в большинстве случаев достаточно, чтобы признать ряд звуков вариантами (аллофонами) одной фонемы. Таковы различающиеся степенью закрытости — открытости гласные звуки в словах семь, день (наиболее закрытый вариант, произносимый в позиции после мягкого согласного и перед мягким согласным); сел, дел (более открытый вариант, произносимый после мягкого перед твердым); шерсть, жесть (еще более открытый вариант, произносимый после твердого и перед мягким), шест, жест (наиболее открытый вариант, произносимый после твердого согласного перед твердым);
2. Текстовые единицы находятся в контрастной дистрибуции, если они могут встречаться в одних и тех же окружениях, различая значения. В этом случае они являются представителями разных единиц (фонем или морфем). Таковы началь-

ные согласные в словах том — дом — ком — лом — ром, принадлежащие пяти различным фонемам;

3. Текстовые единицы находятся в свободном чередовании, если они встречаются в одних и тех же окружениях, не различая значений. Например, варианты морфемы творительного падежа -ю и -ей в русском языке (землей — землею).

Во всех задачах лингвистической дешифровки, которые ставятся в достаточно общем виде, изучение дистрибуции элементов, правда с учетом их числовых характеристик и прежде всего частотности, остается едва ли не единственным средством, ведущим к цели.

В дальнейшем выяснилось, что дистрибутивный анализ противоречив и не решает тех задач, для которых он был предназначен, поэтому общие основания его были уточнены на базе теории множеств, результатом чего явилась теоретико-множественная концепция языка. В дополненном и уточненном виде дистрибутивный анализ применялся для исследования всех уровней языка, включая синтаксис и семантику; в целом он привел к осознанию важности экспериментирования с языковым материалом и усовершенствованию техники лингвистического эксперимента.

Компонентный анализ

Данная методика применяется к анализу различных единиц языка. Продемонстрируем его на примере компонентного анализа слова (см., например, работы З. Д. Поповой и И. А. Стернина).

Известно, что одна лексема может выражать несколько значений, каждое из которых называется семеей. Одни семеи в своей основе денотативные, т. е. отражают предметы внешнего мира, другие коннотативные, т. е. выражают оценки, эмоции и т. д. (так, например, компоненты хорошо/плохо содержатся в коннотативной части слов прогресс, энергичный, паника, галиматья; эмоциональные семы нравится/не нравится наблюдаются в словах доносчик (презр.), аппетитный; функционально-стилистические семы — в словах местожительство (официально-деловой), егоза (разговорн.); сугубо коннотативные семы в словах кабак (в знач. “грязь, беспорядок”), дичь (в знач. “бескультурье, бессмыслица, абсурд”)).

Прямое номинативное значение слова обозначается Д1 (денотативная первая сема):

Сумка — Д1 — мешок, футляр из ткани, кожи и т. п. для ношения чего-нибудь;

Д2 (производно — номинативное значение) — полость в виде подбрюшного мешка у некоторых животных (кенгуру).

Коннотативные семемы бывают трех типов. К1 (коннотативная первая семема) находится в логически мотивированной связи со своей денотативной семемой). Например, хрустальный (К1) воздух — такой же прозрачный и сверкающий, как хрусталь. К2 (коннотативная вторая семема) утратила логическую связь с денотативными семемами, например, брат на пушку. К3 (коннотативная третья семема) денотативной основы не имеет и наблюдается только в составе идиом (попасть впросак).

Совокупность семем, выражаемых одной лексемой, образует семанту. Семемы, входящие в одну семанту, находятся между собой в иерархических отношениях, исходной является семема Д1.

Рассмотрим семантическую структуру слова журавль.

Д1 — большая болотная птица с длинными ногами и шеей.

Д2 — длинный шест у колодца, используемый как рычаг для подъема воды. Опускается с ведром в колодец и вынимается из него подобно тому, как журавль вынимает ее из воды, поймав лягушку.

К1 — “экий журавль шагает!” — можно сказать о высоком нескладном мужчине.

Лексемы разных языков, которые эквивалентны по семеме Д1, как правило, неэквивалентны по семемам Д2 и К1, тем более по семеме К2. Например, русская лексема хлеб имеет семему Д2 “зерно” и Д2 “растущие хлебные злаки”. Эквивалентные ей по семеме Д1 немецкая лексема Brot, английская bread, французская pain таких Д2 не имеют. Зато фр. pain имеет семему Д2 “кусок” (pain de savon — кусок мыла, pain de sucre — голова сахара).

Межъязыковые различия в семантах отчетливо проявляются при анализе лексической сочетаемости разноязычных лексем, эквивалентных по Д1. Так, прилагательное глубокий по семеме Д1 эквивалентно англ. deep, но deep grass (“глубокая трава”) — русск.

“высокая трава”, deep person (глубокий человек) — русск. “скрытный, не показывающий своих чувств человек”.

Различия по семемам К1 и К2 проявляются в больших расхождениях разных языков в области фразеологии. Например, чехи сравнивают худую женщину с лапшой, о неинтересном и ненужном деле говорят дословно “это для меня сарделька”, о несведущем человеке — “понимает в этом деле как коза в петрушке”, пустяковое дело символизируется “грибами”: “это для него грибы”, “он грибы из этого делал”, т. е. это для него пустяки. Русские лексемы лапша, сарделька, петрушка, грибы таких семем К1 и К2 не имеют. То же касается и их украинских эквивалентов.

Основы компонентного анализа заложил Л. Ельмслев, затем его развивали Б. Потье, А. Греймас и др.

Семемы дробятся на семы. Сема понимается как отражение в сознание человека отдельного признака, какой-то детали того объекта, который целиком представлен в семеме. Членение семемы на семы бесконечно, его предел становится лишь мерой познания свойств и качеств денотата. Компонентный анализ показывает, что число сем, существенных для общения, в семеме вполне исчислимо и не очень велико. Оно выясняется из сопоставлений и противопоставлений разных семем друг другу. Сема, которая в одном контексте представляется далее неделимой, в другом контексте проявляет свою сложность и возможности дальнейшего деления. Например, в семеме Д2 слова перемена есть семы “время, отдых, конец урока, звонок, школа, среднее учебное заведение, время занятий в 45 минут, звуковой сигнал начала и конца урока” и т. д.

Семасиологи строят различные классификации сем.

Так, классемы — наиболее обобщённые по содержанию признаки, соответствующие значениям частей речи: предметность, признак и т. п. Архисемы — признаки, объединяющие группы слов внутри части речи, например одушевлённость/неодушевлённость, действие/состояние и т. п.

Дифференциальные семы — это признаки, по которым противопоставляются слова, сгруппированные в одной архисеме, и по которым можно отличить одну семему от другой. Например, для

слов равнина, плоскогорье, плато, неизменность, низина архисемой будет “участок земного рельефа с ровной или слабо волнистой поверхностью”. Дифференциальные семы, разграничающие значения этих слов, следующие: “выше 200 м над уровнем моря” (плоскогорье, плато), “ниже 200 м над уровнем моря” (низменность, равнина), “обширный, без видимых границ” (равнина, плоскогорье, низменность), “небольшой с видимыми границами” (плато, низина).

В. Г. Гак делит семы на описательные и относительные. Описательные семы отражают собственные свойства предмета (размер, устройство, форму, внешний вид, способ совершения действия и т. п.), относительные — связи объекта с другими объектами в разных отношениях (пространственные, временные, функциональные и др.). Например, для глаголов перемещения описательные семы характеризуют способ действия: идти — с помощью ног, плыть — по воде, лететь — по воздуху и т. п., относительные семы указывают направление перемещения: удаляться — от исходного пункта, приближаться — к конечному пункту.

Архисемы и дифференциальные семы достаточны для характеристики семемы, по ним содержание семемы определяется вполне удовлетворительно, однако помимо этих основных сем каждая семема может содержать неограниченное количество разнообразных сем, детализирующих всякие частности в соответствии с реальной неисчерпаемостью признаков объекта. Среди этих сем вероятностные, потенциальные, скрытые. Например, в семеме лексемы начальник путём эксперимента выявлены скрытые, вероятностные семы “толстый, злой, нервный”, в семеме лексемы профессор — “в очках, старый, строгий, умный”, студент — “весёлый, общительный” и т. п.

Вероятностные семы шире всего реализуются в именах существительных, поскольку именно в предметах человек открывает, прежде всего, все новые и новые свойства. В словарях вероятностные семы чаще всего отмечаются словом обычно. Например, лагерь — временная стоянка, обычно под открытым небом, в палатах; голландка — комнатная, обычно кафельная печь.

Семы в составе семемы иерархически упорядочены и находятся в структурных отношениях, определяя категорию слова, родовые и видовые признаки объекта, его главные и второстепенные признаки. Семема предстает как микроструктура сем. Лексико-семантический вариант слова (т. е. лексема + семема) является элементом лексико-семантической подсистемы языка, которая формируется оппозициями семем, возникающими благодаря их сходствам и различиям по составу сем.

Логико-семантическое исчисление и моделирование

Логико-математическое моделирование пользуется формальным аппаратом логики, изучающей общие закономерности теории доказательства. Общим является допущение логической правильности инвариантной (моделирующей, генотипной) сущности речемыслительной деятельности, рассмотрение ее как логического устройства, в котором можно выделить простые исходные элементы и не противоречивый формализованный аппарат логических операций.

Аксиоматический метод состоит в том, что множество элементов или объектов разбивается на части (подмножества); одна часть рассматривается как исходные положения — аксиомы, которые принимаются без доказательства, остальные положения (теоремы) доказываются логическим путем. Аксиоматический метод опирается на теорию множеств и теорию функций (в математическом значении этого слова).

Формализованная теория понимается как система символов, рассматриваемых как последовательность логических терминов, т. е. субъекта и предиката в суждении, субъекта и предикатов в силлогизме. Формальные символы включают: логические символы (\vee , и — \wedge — или), символы предикатов (=) и функций (+), переменные (a, b, c). Из них создаются формальные выражения и их конечные последовательности.

Распространение аксиоматической и формализованной методик потребовало использования таких приемов решения лингвистических задач, как алгоритмизация, графическое исчисление и матричное (табличное) определение истинности функций сложных высказываний.

Применение логико-математических методик и приемов анализа привело к появлению различных видов логико-математического моделирования языка и текста, мысленного эксперимента и гипотетико-дедуктивного способа исследования. Наиболее известными видами логико-математического анализа являются различные модели порождения, синтаксические модели анализа и инвариантный семантический анализ.

Модели порождения.

Структурно-математические модели порождения используются для описания порождения языка и текста, а также для определения структуры речевой деятельности и структуры языка.

Примером модели порождения может служить аппликативная (*applicatio* (лат.) — прикладывание) порождающая модель, разработанная отечественными учеными. АПМ предполагает понимание языка как порождающего устройства — математической системы, построенной на основе гипотактико — дедуктивного метода и формализованной трансформационной методики. АПМ состоит из 4 соединенных друг с другом частных моделей (генераторов): абстрактного генератора, генератора слов, генератора фраз (комплекса слов) и генератора трансформационных полей. Рассмотрим как образец генератор слов. Корень квалифицируется как пустой семион 0, реляторы — как абстрактные аффиксы: R_1 — аффикс глагола, R_2 — аффикс имени существительного, R_3 — прилагательного, R_4 — прилагательное наречие, R_5 — приадъективное наречие. Слова бывают I, II и III производности: R_10 — глагол учит, R_2R_10 — имя существительное, образованное от глагола — учитель, $R_1R_2R_10$ — глагол, образованный от отлагольного существительного учительствуют. Таким образом, аппликативная модель оказывается алгеброй реляторов, а сам язык — метаязыком, который далек от конкретной реальности языка.

Синтаксические модели анализа текста были вызваны потребностями машинного перевода. Наибольшее распространение получили методика последовательного анализа текста и гипотеза глубины В. Ингве, а также алгоритм И. А. Мельчука.

И. А. Мельчук исходит из предположения о том. Что текст — это “черный ящик”, который должен быть препарирован и описан

при помощи элементов анализа. Элементы анализа — это единицы, хранящиеся в памяти машины. Важнейшими единицами анализа являются морфы (основы и аффиксы) и синтагмы (классы двухчленных сочетаний словоформ и сегментов, имеющих одинаковое грамматическое строение). Алгоритм представляет собой множество таблиц стандартных форм (конфигураций) и правил обращения с таблицами.

Таким образом, логико-математические приемы связаны с переводом семантики естественных языков на семантический язык, который рассматривается как формализованная структура и метаязык. Конкретность семантики единиц реального языка утрачивает свою специфику, сами реальные единицы языка предстают как идеализированные модели, лишенные собственно языковой основы.

Количественные (симптоматические) и вероятно-статистические приемы изучения языка и текста.

Полное постижение языка без более специализированного обследования количественной стороны языковых, и в частности грамматических явлений невозможно. Причина этого заключается в том, что каждое языковое явление, помимо качественной определенности, обладает, по словам В. Г. Адмони, и некоторой “массой”, т. е. занимает в кругу других языковых явлений некое пространство и соизмеримо с ними в неких аспектах с разной степенью интенсивности. Представая в самых разных обличиях и в разных соотношениях своих компонентов, “масса” языковых явлений выступает как понятие в высшей степени комплексное и сложное. Но она представляет собой объективный факт и требует применения количественных приемов исследования.

Попытки “измерить” художественную и нехудожественную речь, приложить к ней количественные оценки предпринимаются давно. И даже самые непримиримые противники применения статистики в изучении речи не могут избежать таких явно количественных по своей сути оценок, как “часто”, “редко”, “много”, “мало” и т. п. Так, еще М. В. Ломоносов доказательством необходимости унификации флексии прилагательных считал тот факт, что “на е множественное окончание во всех родах употребительнее, нежели я”. А. С. Будилович подсчитывал процент употребления букв в церковнославян-

ских текстах, Д. Н. Кудрявский определял, был ли аорист формой живого языка, составив кривую распределения глагольных форм в Лаврентьевской летописи. И таких примеров превеликое множество. Использование количественной методики, когда устанавливается процентное соотношение языковых фактов, В. Г. Адмони предложил называть симптоматической статистикой.

Математики еще в начале нашего века попытались ввести в анализ фактов речи и текста вероятностно-статистическую методику. Так, Н. А. Морозов в работе “Лингвистические спектры” выявил распределение гласных звуков в “Евгении Онегине” А. С. Пушкина. А. А. Марков, проанализировав его данные, доказал, что выделенные закономерности не являются статистически достоверными, необходимо определять размеры колебаний частот и относительную ошибку исследования.

Теперь хорошо известно, что развитие и функционирование языка, построение речевых цепей, применение в речи различных языковых единиц и категорий — все это подчиняется не жестким, а вероятностным закономерностям и, следовательно, нужны специальные методики, которые позволяли бы лингвисту, изучающему язык, улавливать пределы действия одной и той же закономерности в развитии или функционировании языка, ограничивать одну закономерность от другой. Качественная специфика статистических совокупностей состоит в том, что в них существует множество разнообразных факторов, существенных и несущественных, систематических и случайных, внутренних и внешних. При этом число и состав факторов, действующих на каждую единицу совокупности, часто не совпадают (частично или полностью). Поэтому один или несколько случаев здесь не показательны для всей массы в целом, здесь необходимо планомерное изучение достаточно большого количества единиц, чтобы выявить более или менее полный перечень представленных в данной совокупности факторов, установить возможности их комбинирования и взаимодействия и, наконец, определить меру участия каждого фактора.

Оценка достоверности результатов качественно-количественного исследования опирается на целый ряд критериев. Основной — соответствие между качественным анализом и количественными

данными, внутренняя логика цифр. Если исследуется конечная совокупность или бесконечная однородная совокупность, то появляется возможность оценить степень достоверности вероятностно-статистическими методами. В простейшем виде вероятностно-статистическая методика в применении к языкоизнанию выглядит следующим образом: Σxi

$$\bar{X} = n \text{ — средняя частота явления}$$

$$\sqrt{\sum (xi - \bar{x})^2}$$

$G = n$: среднее квадратическое отклонение, т. е. степень размаха

колебаний выборочных частот около их средней частоты, $Z = \frac{t\delta}{\sqrt{N}}$ относительная ошибка (не ошибка исследователя, а степень достоверности. Результаты считаются достоверными, если она не превышает 30 %.). В формуле t — особый коэффициент, зависящий от объема выборки, N — количество выборок $\Sigma (xi - x)^2$.

$X_2 = x$ — определение существенных расхождений, т. е. принадлежности данных фактов к одной группе закономерностей. Для этой же цели используется критерий Стьюдента. Результаты сравниваются с табличными.

При изучении стилей возможно применение двух типов статистики: вероятностной и симптоматической. Симптоматика успешно может быть применена при статистическом описании функциональных стилей, поскольку она выявляет процентные соотношения между различными типами языковых явлений.

Вероятностная статистика помогает установить степень достоверности полученных результатов, величину и количество выборок для анализа с заданной точностью; при наличии существенных расхождений между стилями возможно определение расстояния между ними; корреляционный анализ может выявить степень взаимозависимости анализируемых элементов. Методы вероятностной статистики помогают избрать объективные критерии для диффе-

ренции различных стилей. Именно использование аппарата вероятностной статистики дает возможность дифференцировать сплошной текст по функциональным стилям на базе какого-либо объективного критерия.

Методика статистического исследования применима не только для изучения языковых стилей, но с успехом может использоваться при исследовании речевых стилей. Б. Н. Головин, много сделавший в этой области, отмечает: "Авторские речевые стили, несомненно, во многом (если не во всем) определяются устойчивыми для каждого автора соотношениями частот разных элементов языка". Изучение речевых стилей позволяет глубже изучить об разную систему великих мастеров слова, а также наметить тенденции в формировании и развитии национального литературного языка. Авторские речевые стили являются отдельными по отношению к общему – функциональному стилю языка. При наличии большой выборки текстов различных авторов, работавших приблизительно в одно и то же время, индивидуальные различия отодвигаются на второй план, а на первый выступают особенности функционального стиля. Зная особенности речевых стилей отдельных художников слова, можно определить, как развивается литературный язык, кто оказывает наибольшее воздействие на его формирование и развитие.

Для изучения авторских речевых стилей большое значение имеет корреляционный анализ, который позволяет выявить степень взаимозависимости и взаимосвязи языковых элементов. В этом плане интересны исследования по определению авторства ряда анонимных произведений и целый ряд других.

Широкое использование вероятностно-статистических методов в изучении письменной подсистемы языка в отечественном языкоzнании началось сравнительно недавно, в конце 50-х – начале 60-х годов, поэтому аппарат статистического исследования еще далеко не совершенен, а громоздок. Значительную роль в разработке статистической методики сыграли работы, выполненные сотрудниками Института языковедения Украины под руководством В. И. Перебейнос, исследования Б. Н. Головина и его последователей, а также целого ряда других ученых.

Автоматизация лингвистических работ

Для современной лингвистики характерно использование специальных технических средств и современной аппаратуры. Это вызвало технический аспект лингвистики, породило инженерное языковедение.

Применение специальной аппаратуры для изучения звуков и интонации того или иного языка получило название экспериментально-фонетического метода. Метод располагает рядом приемов, отличающихся аппаратурой, условиями постановки эксперимента или получения результата. Экспериментально-фонетические приемы делятся на соматические, пневматические, электроакустические (или электрографические).

Соматические приемы основаны на том, что путем изучения телесных (соматических) выражений физиологических процессов говорения делается заключение о фонетическом явлении. Основные приемы: палатография, фотографирование органов артикуляции, рентгеносъемка речевого аппарата и пневматическое измерение речевого дыхания.

Пневматические приемы состоят в записи при помощи Мацеевских барабанчиков на закопченной бумаге кимографа кривых, которые регистрируют произносительные движения органов речи и изменения основного тона и шумов, возникающих в результате движения воздушного столба в ротовой, носовой и горловой полости.

Электроакустические приемы основаны на преобразовании звуковых особенностей речи в электрические колебания. Для этого используется в основном осциллограф и спектрограф.

При использовании соматических приемов звуки речи изучаются по схемам, изображающим работу органов речи. При пневматических и электроакустических приемах изучается запись звука в форме кривых. Экспериментально-фонетические приемы дают надежную и точную акустическую и артикуляционную характеристику звуков речи, формантную структуру, т. е. спектр звука.

Появление ЭВМ внесло значительные изменения в практику научных исследований, поставило перед наукой новые задачи и проблемы. В языкоzнании такими проблемами стали автоматический перевод, машинное составление и сокращение (рефериование) текста.

Машинный перевод (МП) является комплексной научной проблемой, требующей решения ряда лингвистических, логико-математических и инженерных задач. Основная трудность состоит в том,

что высшая нервная деятельность человека — ассоциативное, многоканальное построение, а человеческое мышление эвристично, тогда как память ЭВМ является обычно многоканальной, "мышление" ЭВМ — алгоритмическим. Алгоритм — это решение задачи при помощи вычислений, предполагающих разбиение операций на простые последовательные. Алгоритмическое описание языка как процесс перевода предполагает анализ и синтез текста. При анализе из текста извлекаются данные, выражющиеся однозначно и в явном виде; при синтезе происходит построение текста по данным языка. Проблема "смысл — текст" получает не только лингвистическую, но и логико-математическую интерпретацию.

Машинный перевод — выполняемое на ЭВМ действие по преобразованию текста на одном естественном языке в эквивалентный по содержанию текст на другом языке, а также результат такого действия. В современных системах МП участвует человек (редактор). Для осуществления МП в ЭВМ вводится программа (алгоритм), словари входного и выходного языков, содержащие разнообразную информацию. Наиболее распространенная последовательность формальных операций, составляющих анализ синтез в системе МП: ввод текста и поиск входных словоформ в словаре с сопутствующим морфологическим анализом; перевод идиом; определение основных грамматических (морфологических, синтаксических, а также семантических, лексических) признаков, необходимых для перевода в рамках данной пары языков, по входному тексту; разбор ономографии; лексический анализ и перевод (в том числе многозначных слов с учетом контекста); окончательный грамматический анализ с целью доопределения информации, необходимой для синтеза; синтез выходных словоформ, предложений и текста в целом. Анализ может производиться как пофазно, так и для всего текста, с определением в последнем случае анафорических связей.

Первые опыты МП были осуществлены в США в конце 40-х годов XX века с появлением ЭВМ. В нашей стране первый эксперимент по МП был выполнен И. К. Бельской (лингвистическая основа алгоритмов) и Д. Ю. Пановым (программа реализации) в Институте точной механики и вычислительной техники АН СССР (1954 год). Работы по МП ведутся во многих странах мира.

Функциональный метод

1. Функционализм и функциональный метод.
2. Функциональное поле, построенное по принципу продуктивности. Синтаксическое поле русского простого предложения.
3. Структура современной русской стилистики в аспекте поля.

Функционализм, основным объектом анализа избравший функциональный аспект языка, сложился в Западной Европе в 70-е годы XX века, несколько позднее — в отечественном языкознании, хотя проблемам, разрабатываемым в русле функционализма, в свое время уделили внимание И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. М. Пешковский, Л. В. Щерба и другие. Несомненным положительным моментом в концепции функционализма, во многом базирующегося на идеях Пражского лингвистического кружка, является продолжение на новой основе исследований, истоки которых коренятся в предыдущих этапах развития лингвистики: осуществляется анализ системных отношений в языке и изучение их реализации в речи. Основной принцип функционализма — телесологический (понимание языка как целенаправленной системы средств выражения).

Отметим, что на Западе в функциональном аспекте исследовались фонетика, фонология, отчасти — лексикология; функциональная грамматика, плодотворно разрабатываемая А. В. Бондарко и его последователями, рассматривает в единой системе средства, относящиеся к разным языковым уровням, но объединенные на основе общности их семантических функций.

Теоретической базой функционального метода является понимание языка как динамической системы, находящейся в постоянном движении и развитии. Системный характер и динамичность языка проявляется в процессе его функционирования.

Функционирование (в соответствии с самим термином) — это, с одной стороны, употребление тех или иных единиц, с другой стороны, — реализация различных функций языка, прежде всего семантических. Указанные явления диалектически тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены: всякое высказывание целенаправленно, оно организуется в зависимости от телеологической установки и сфер использования, но реализоваться функции могут только в процессе употребления языка. В процессе функционирования возникают новые явления и отмирают старые — язык развивается и изменяется.

Одним из первых на медленность и постепенность языковых изменений обратил внимание И. А. Бодуэн де Куртенэ: "... незаметное развитие, незаметное влияние медленно, но основательно действующих сил как в языке, так и во всех остальных проявлениях жизни, можно выразить алгебраической формулой $0 \times \infty = m$, то есть, что бесконечно малое изменение, произведенное в один момент, повторившись бесконечное число раз, дает наконец известную определенную перемену". Таким образом, всякая инновация возникает в речи отдельных индивидов, затем, многократно повторившись, эта инновация становится одним из возможных вариантов, а потом становится или не становится в результате воздействия различных факторов явлением языка.

Е. С. Кубрякова отмечает: "Языковые изменения служили предметом специальных исследований уже издавна, процессы же варьирования были вовлечены в круг лингвистической проблематики лишь сравнительно недавно... не оставляет, однако, сомнений, что и эта форма проявления языкового динамизма, во многом определяющая конкретные пути эволюции языка, тоже должна получить надлежащее освещение... Это связано в первую очередь именно с тем обстоятельством, что ключ к изучению природы языковых изменений лежит в синхронии: и начальная, и конечная точка изменений в течение некоторого времени существуют".

И. А. Бодуэн де Куртенэ подчеркивал необходимость различать историю и развитие: история является последовательностью явлений однородных, но различных, связанных между собою посред-

ственной, а не непосредственной причинностью. В противоположность этому, развитие — это непрерывная и непрестанная протяженность однородных, но разных явлений, связанных между собою непосредственной причинностью, или же, в следующей степени научного совершенства, развитие — это непрерывная протяженность существенных изменений, а не явлений".

В целом, для языковых систем характерно неустойчивое, или относительное равновесие. Живые языки развиваются постоянно и неравномерно, под воздействием многих различных факторов.

Для реализации идеи постепенности развития необходимо обратиться к "количественности языкового мышления", о котором говорил И. А. Бодуэн де Куртенэ.

Обнаружить спорадически употребленную форму (0 у Бодуэна де Куртенэ), наблюдать ее становление и сосуществование с другими формами (вариантность), перемещение в разряд ядерных — наиболее распространенных и устойчивых — позволяет функциональный метод — поле, построенное по принципу продуктивности.

Такой подход (метод поля) обусловлен тем, что многие явления языка обладают полевой структурой. Однако отметим, что модель поля представляется в разных исследованиях по-разному: у Г. А. Золотовой это, например, сфера, у В. Г. Адмони — веер.

А. В. Бондарко справедливо подчеркивает: "Необходимо различать: а) поле как особый тип системы — группировки связей и взаимодействия языковых элементов в самой языковой действительности, т. е. поле как объективную данность и б) принцип поля, т. е. подход к фактам языка с точки зрения теории поля как отражение этой объективной данности в приемах лингвистического анализа. Между структурой поля в объекте анализа и "полевым подходом" к языковым явлениям существует основное отношение детерминации: структура объекта определяет приемы его исследования". Термин "поле" был впервые введен в семасиологию. Г. Ипсен предложил термин *Bedeutungsfeld*, а И. Трир — *Begriffssfeld*, о синтаксическом поле и паратаксических полях впервые стал писать В. Порциг, но несмотря на многолетнюю историю своего существования в научном обиходе, единого понимания поля у исследователей нет,

хотя признается, что сама идея поля, заимствованная у естественных наук, в частности, у физики, плодотворна.

Наиболее известные концепции поля изложены в работах В. Г. Адмони, А. В. Бондарко, Л. Вайсгербера, Е. В. Гулыги, Е. И. Шентельс, Е. А. Золотовой, Л. П. Ивановой, О. А. Лаптевой, А. Г. Сквородникова и др.

Поле, которое строят Е. В. Гулыга и Е. И. Шентельс, носит семантико-грамматический характер, т. е. рассматривается какое-либо грамматическое значение и языковое его оформление. Позднее эта идея получила всестороннее обоснование и развитие в концепции А. В. Бондарко. Под функционально-семантическим полем он понимает “двуихстороннее (содержательно-формальное) единство, формируемое грамматическими (морфологическими и синтаксическими) средствами данного языка вместе с взаимодействующими с ними лексическими, лексико-грамматическими и словообразовательными элементами, относящимися к той же семантической зоне”.

Несколько иначе понимается синтаксическое поле в концепции Г. А. Золотовой: “Синтаксическое поле предложения — это система, объединяющая вокруг исходной структуры предложения ее регулярные грамматические и семантические преобразования”. Позднее идея получает более конкретное воплощение: “Основные модели предложения по отношению их к семантико-грамматическим модификациям и осложнениям можно представить как центр сферической системы, окруженный концентрическими слоями, постепенно отступающими от центра в ближнюю и дальнюю периферию поля”. Эти слои располагаются в следующей последовательности:

- 1) грамматические модификации,
- 2) фазисные, модальные, семантико-грамматические модификации,
- 3) экспрессивные коммуникативные модификации,
- 4) монопредикативные синонимические вариации,
- 5) полипредикативные осложнения модели.

Бессспорно, идея интересна, но, к сожалению, она не получила реализации при анализе большого фактического материала.

Последовательно на широком материале применила метод поля О. А. Лаптева при описании типизированных конструкций устно-разговорного синтаксиса: “Это поле... устроено согласно принципу волн, с перемежающимися и переливающимися одна в другую зонами сгущения и разрежения характерных черт моделей. Такое устройство позволяет полю быть непрерывным, диффузным, не иметь четких и резких границ между зонами, представляющими отдельные модели. Эти зоны, являющиеся центрами сгущения специфических характеристик моделей, постепенно переходят в периферийные области, где напряжение сгущения специфических свойств ослабевает, уступая место меньшей структурной определенности. Располагаясь между центрами, эти периферийные области создают текучесть поля, при которой модели с разными характеристиками постепенно, без резких перепадов переходят одна в другую. Диффузность структурных характеристик, представленных в периферийных областях, весьма удобна при спонтанной речевой деятельности и позволяет этим областям одновременно являться производными от разных моделей. Таким образом получается формальное смыкание моделей в периферийных областях материально в одних и тех же реализациях. Тем самым периферийные, переходные, в структурном отношении слабо оформленные области приобретают первоочередную роль в формировании поля устно-разговорного литературного синтаксиса”.

А. П. Сквородников в своей докторской диссертации следующим образом обобщает наиболее существенные положения теории поля.

1. Выделение поля как особой структурной единицы (грамматической или -шире- языковой системы) детерминировано фактом особой соотнесенности и связанности в непарадигматических единицах с парадигматическими системами.
2. Подобно парадигме, поле рассматривается как определенное построение, схема, моделирующая отношения и связи, реально существующие в языковой структуре.
3. Поле рассматривается как способ существования и группировки лингвистических элементов, обладающих общими (инвариантными) свойствами.

4. В лингвистическом объекте, которому присуща полевая структура, выделяется центр (ядро), к которому относятся явления, обладающие всеми теми разноспектральными признаками, которые свойственны данной категории как таковой (комплектными признаками), и периферия, к которой относятся явления, обладающие лишь некоторыми некомплектными признаками.

5. Хотя перечисляя существенные признаки поля, исследователи обычно указывают на то, что поле — неодноуровневое понятие, то есть что эта структура с набором средств разных уровней, нет оснований отрицать возможность полевых структур внутри одного из уровней, в частности — синтаксического.

Для анализа формальных и семантических языковых структур оптимальной, на наш взгляд, является модель поля атома, предложенная Резерфордом и принятая современной физикой, то есть выделяются ядро и орбиты, на которых размещаются по степени ослабления связи с ним элементы. Для нас ядро — компонент структуры, обладающий наивысшей частотностью, т. е. наиболее широко используемый, его варианты располагаются в околоядерной части и на периферии поля. Как известно, Резерфорд выделяет в атоме ядро и электроны, расположенные вокруг него. Электроны с большим зарядом находятся ближе к ядру, с меньшим — дальше; электроны на периферийной, самой дальней орбите, могут вообще оторваться от своего ядра и присоединиться к другому.

Естественно, что механическое перенесение моделей материального мира в сферу языка некорректно, однако наблюдения показывают, что структура различных языковых объектов, в частности простое предложение, имеет целый ряд сходств со структурой атома. Наиболее периферийные модификации языковой единицы могут утратиться или оторваться от ядра и начать либо самостоятельное существование в виде нового типа, либо в качестве эквивалента языковой единицы; между полями существуют обширные переходные зоны, которые не всегда поддаются однозначной квалификации.

Так, например, тип структурной схемы простого предложения (ССП) и семантической структуры предложения (ССЦ) — это явления системы языка. На уровне норм мы наблюдаем конкретные

реализации различных возможностей выражения элементов структурной и семантической схемы простого предложения, т. е. варианты. Пределы вариативности ограничены, так как тип структурной и семантической схемы простого предложения должен сохраняться в целости, а не накладываться на другие, хотя пересечения, переходные зоны, естественно, возникают.

Проблемам переходности в синтаксисе простого предложения и других языковых структур посвящен целый ряд работ В. В. Бабайцевой и ее последователей. Переходность в рамках данной концепции рассматривается как универсальное свойство языка, которое, отражая системную взаимосвязь и взаимодействие между языковыми фактами, скрепляет их в целостную систему. Одним из проявлений переходности является синкремизм.

Пределы вариативности элементов структурной схемы простого предложения обусловлены возможностями парадигмы той части речи, которой этот элемент выражен. Так, например, присвязочная часть структурной схемы простого предложения N-с cop N выражена именем существительным; на уровне норм мы наблюдаем, что чаще всего присвязочная часть выражается именительным и творительным предикативными; опираясь на возможности системы языка, можем предположить, что вероятно выражение и родительным, и винительным, и другими падежами. Обследование большого корпуса текстов показывает, что эти варианты действительно встречаются, но очень редко.

В структуре синтаксического поля выделяем ядро, околоядерную часть и периферию. Ядром поля считаем наиболее высокочастотный вариант выражения компонентов структурной схемы простого предложения или семантической структуры предложения (такой подход В. Г. Гак считает функциональным), так как в силу наиболее широкого использования он наиболее специализировано выражает значение данного типа анализируемого языкового явления. Околоядерную часть составляют 2–3 варианта, обладающие наибольшей частотностью. Собственно периферию составляют наименее частотные варианты. Околоядерная часть и периферия поля “многослойны”: ближе к ядру располагаются наиболее ха-

рактерные для данного типа структурной схемы простого предложения или семантической структуры предложения, т. е. наиболее высокочастотные варианты, далее модификации следуют по степени убывания частотности. Наименее частотные варианты, наиболее отдаленные от ядра, имеют с ним настолько слабую связь, что могут выйти за пределы варьирования и вообще оторваться от данного типа структурной схемы простого предложения или семантической структуры предложения, образуя либо новый тип анализируемых структур, либо эквивалент предложения. Так, например, в структурной схеме простого предложения N_{N_1} , вероятно, выражения типа Добрый день стояли в одном ряду с предложениями типа Хорошая погода — эзистенциально-оценочными. Затем предложение Добрый день стало утрачивать признаки эзистенциальности и переместилось на периферию поля, а затем оторвалось от него, образовав эквивалент предложения — лексикализованное речение.

Таким образом, предлагаемая модель поля обладает прогнозирующими и объяснительными свойствами. Она позволяет выявить значимость анализируемых категорий в системе языка. При построении модели необходимы статистические интерпретации, так как на нее воздействуют различные факторы.

С другой стороны, кардинальные сдвиги в синтаксисе (появление новых синтаксических структур, утрага старых) могут не проявиться даже на протяжении нескольких веков, в то время как явления, наблюдавшиеся в языке лишь спорадически, со временем могут стать типическими, т. е. накопление количественных признаков дает качественные сдвиги. А. С. Мельничук утверждает, что историческое развитие структуры предложения в славянских языках проходит в виде изменений функциональных соотношений между имеющимися компонентами структуры, развития новых структурных компонентов предложения и отмирания некоторых старых компонентов. Поэтому положение того или иного компонента простого предложения в структуре синтаксического поля значимо.

Синтаксическое поле может быть моноцентрическим и полицентическим в зависимости от количества компонентов предикатив-

ного центра. Так, синтаксическое поле N_{N_1} является моноцентрическим, а $N - Vf$ содержит два ядра — ядро подлежащего и ядро сказуемого.

Предложенное понимание синтаксического поля значительно уже синтаксических полей А. В. Бондарко и Г. А. Золотовой, однако, во-первых, мы задались целью построить именно синтаксическое поле, во-вторых, такое поле может войти в состав всеобъемлющего поля простого предложения, включающего его коммуникативные, референциальные и другие характеристики. По всей вероятности, такое поле будет иметь форму сферы.

Сопоставление синтаксических полей структурных схем простого предложения и анализ их структуры позволит выявить нереализованные возможности — пути для развития новых типов структурных схем простого предложения и их вариантов, “ослабленные” звенья, создающие почву для появления эквивалентов предложения. Сравнение полей позволит судить о степени развитости того или иного типа структурной схемы простого предложения. Изучение развития — это по сути дела сопоставление реализованных возможностей с потенциями, заложенными в системе языка. Нереализованные возможности, заложенные в системе языка, открывают пути для дальнейшего развития данного типа структурной схемы простого предложения. Мы не можем с достаточным основанием прогнозировать направление развития системы структурных схем простого предложения и ее отдельных звеньев, отметим, что в этом процессе взаимодействуют как внутренние, так и внешние факторы. Попытка выявления процессов развития языковых структур без обращения к памятникам письменности ряда веков может выглядеть научно некорректно. Однако, во-первых, синтаксическая наука уже располагает работами, основанными на принципе “синхронного генетизма” (см. труды В. С. Юрченко), во-вторых, получаемые в ходе функционального анализа наблюдения носят характер гипотезы, эксперимента (без этого никакая наука невозможна), и нельзя претендовать на их абсолютизацию, в-третьих, полученные данные следует соотнести с фактами достоверно описанной истории синтаксиса.

Предложенное понимание поля позволяет рассмотреть его как континуум¹: различные типы структурных схем простого предложения и семантических структур предложения образуют маргинальные зоны, играющие особую роль в понимании системности языка.

С другой стороны, выявление сложных структур как переходного звена в системе синтаксиса позволяет гипотетически соединить систему простого и сложного предложения, а эквиваленты предложений — переходный момент между простым предложением и словосочетанием. Таким образом, возможно объединение синтаксиса в единую систему.

Не всякий лингвистический объект поддается исчислению. В таком случае функциональное поле строится по принципу воплощения основных признаков данного явления. Рассмотрим с этих позиций структуру современной стилистики.

Внутри современной стилистики принято выделять следующие направления: стилистика ресурсов, функциональная статистика, наука о стилях художественной литературы, включающая стилистику индивидуальной речи, или стиля писателя и отдельного художественного произведения, практическая стилистика. М. Н. Кожина выделяет еще сопоставительную стилистику и стилистику текста.

Известно, что стилистика как наука формировалась прежде всего как стилистика ресурсов, функциональная стилистика возникла в недрах последней и заняла в современном языкоznании ведущее место. Поэтому, с позиций современной стилистики, ядро ее составляет функциональная стилистика, поскольку она, опираясь на языковые категории, обладает собственным предметом, методом и единицами анализа.

Как указывалось, околоядерная часть включает в себя направления, производные от функциональной стилистики или с ней непосредственно связанные. К последним относим сопоставительную стилистику.

¹ «Континуум есть диалектическое слияние раздельной системы со сплошными и непрерывными переходами одного ее момента в другой» (Лосев А. Ф. В поисках построения общего языкоznания как диалектической системы // Теория и методология языкоznания. Методы исследования языка. — М.: Наука. — 1989, с. 23

В ближней периферии поля располагаются направления, в своей основе стилистические, но использующие в большой мере категории других областей лингвистики. Прежде всего, это стилистика ресурсов, так как она теснейшим образом связана с фонетикой, лексикологией и грамматикой. Во-вторых, это наука о стилях художественной литературы со стилистикой индивидуальной речи, поскольку данное направление граничит с литературоведением и pragmatикой. В-третьих, это стилистика текста, производная от всех перечисленных отраслей стилистики.

Маргинальными периферийными зонами, являющимися общими с другими отраслями лингвистики, можно считать, во-первых, области, граничащие с целым рядом направлений функционализма. Поскольку последний переживает период становления и развития, многие его категории, да и сам предмет, еще не утверждились окончательно и бесспорно. В интересующем нас аспекте ясно следующее: в процессе функционирования язык подвергается воздействию целого ряда факторов, в том числе и стилистических. Так, например, на употребление системы простого предложения влияют в ряду других следующие факторы: функциональный стиль, тип речи (монолог, диалог и полилог), авторская индивидуальность, адресат речи.

В дальней периферии поля стилистики расположена риторика. Отметим, что генетически риторика — основа современной стилистики. Она зародилась в Древней Греции и в Древнем Риме. В России эту теорию и практику оригинально осмыслил и развил на материале отечественной словесности М. В. Ломоносов. Риторика в нашей отечественной науке долгие годы находилась на периферии, интерес к ней активизировался в последние годы в связи с процессами, происходящими в жизни общества. Тем не менее эта отрасль знания стремится оторваться от стилистики и перейти в иную сферу — сферу искусства, однако связь ее со стилистикой не может быть утрачена. В дальней же периферии поля стилистики располагается практическая стилистика, стремящаяся преобразоваться в культуру речи.

Предложенная структура стилистики не является застывшей и неизменной. Динамизм ее проявляется в том, что, с одной стороны,

она может включать любые новые направление, а с другой стороны, расположение стилистических направлений в структуре поля может меняться. Во-первых, как уже указывалось, предложенная структура поля отражает современное состояние стилистики. Еще в 20-е–30-е годы XX века ядром стилистики была стилистика ресурсов, а в XVIII веке — риторика. Во-вторых, различные стилистические направления могли меняться местами в структуре поля. Так, в последние годы заметно активизируется стилистика текста. Если в период своего становления и развития данная отрасль была тесно связана со стилистикой художественной литературы и отпочковалась от последней, то сейчас стилистика текста приобретает собственные методы и категории, расширяет свой предмет за счет научного и других стилей, хотя в ней еще много спорного и недостаточно изученного. Поэтому возможно перемещение стилистики текста ближе к ядру.

Таким образом, рассмотрение стилистики в аспекте поля позволяет представить ее как динамическую систему, находящуюся, с одной стороны, в постоянном движении и развитии, с другой стороны, связанную с другими отраслями лингвистики.

Рассмотрению в аспекте поля можно подвергнуть семантическую структуру слова и другие лингвистические объекты.

Подводя итог обоснования функционального метода, дадим definiciju. Существует несколько определений данной категории.

Так, характеристики О. С. Ахмановой и А. М. Кузнецова ориентированы главным образом на лексику и семантику. Самая крупная по теории поля монография Г. С. Щура определения поля не содержит. Критикуя Г. С. Щюра за это, А. Ф. Лосев, тем не менее, определяет поля такого не приводит, но указывает на его основные характеристики: “Сущность поля потому поддается определению с большим трудом, что это поле немыслимо без очень острой и напряженной диалектики... Континуальное поле, конечно, есть некоторого рода раздельность, потому что для передвижения необходим переход от какой-нибудь одной точки к другой. А с другой стороны, всяко ясно, что континуальное поле, конечно, есть сплошность и непрерывность, т. е. полное слияние всех его точек в один,

единый и нераздельный, поток”. (ср. “поле” О. А. Лаптевой, построенное по принципу сгущению и разрежение признаков.).

В строгой и логичной теории А. В. Бондарко настораживает то, что система языка представлена в виде отдельных, не связанных друг с другом полей — темпоральности, аспектуальности и т. п.

Для нас функциональное поле — способ организации системы вариантов, группирующихся вокруг ядра по принципу продуктивности или степени воплощения основных функций и признаков данного явления. По мере отдаления от ядра связь с ним ослабевает и образуется либо новая единица, либо осуществляется переход к другому полю.

В зависимости от объекта анализа данное определение конкретизируется. Так, синтаксическое поле простого предложения — способ организации моно- или полицентрической системы вариантов выражения компонентов предикативного центра, основанный на принципе продуктивности. По отношению к построению системы современной стилистики принцип иной — степень воплощения основных признаков и функций.

Таким образом, мы рассмотрели наиболее распространенные методы исследования языка. Подчеркнем, что с развитием лингвистики возникают новые направления нашей науки, а они требуют своих методов и методик, и они будут описаны в будущем.

Литература

1. Учебники и учебные пособия

Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке. — М., 2005.

Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В. История языкознания. — М., 2005.

Березин Ф. М. Хрестоматия по истории языкознания. — М., 1977.

Березин Ф. М. История советского языкознания. Некоторые аспекты общей теории языка. Хрестоматия. — М., 1981.

Березин Ф. М. История лингвистических учений. — М., 1975, 1984.

Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. — М., 1979.

Гирицкий А. А. Общее языкознание. — Минск, 2003.

Иванова Л. П. Методы лингвистических исследований. — К., 1995.

Кодухов В. И. Методы лингвистического анализа. — Л., 1963.

Кодухов В. И. Общее языкознание. — М., 1974.

Кондрашов Н. А. История лингвистических учений. — М., 1979.

Кочерган М. П. Загальне мовознавство. — К., 1999.

Левицкий Ю. А. Общее языкознание. — М., 2005.

Плотников Б. А. Общее языкознание: Семинарий — Минск, 1986.

Попова З. Д. Общее языкознание — Воронеж, 1987.

Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. — М., 1990.

Семчинський С. В. Загальне мовознавство. — К., 1996.

Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. — М., 1975.

Удовиченко Г. М. Загальне мовознавство: Історія Лінгвістичних учень. — К., 1980.

Удовиченко Г. М. Загальне мовознавство. Проблеми. Методи. — К., 1994.

2. Научная литература

Античные теории языка и стиля. — М. — Л., 1936.

Априесян Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. — М., 1966.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 1975.

Балли Ш. Язык и жизнь. — М., 2003

Бацевич Ф. С., Космода Т. А. Очерки по функциональной лексикологии. — Львов, 1997.

Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.

Березин Ф. М., Ф. Ф. Фортунатов и языкознание конца XIX в. (к 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе, 1998, № 1
Білецький А. О. Про мову і мовознавство. — К., 1996.

Блумфілд Л. Язык. — М., 1968.

Богатова Г. А., Срезневский И. И. Серия “Люди науки” — М., 1985.

Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные работы по общему языкознанию. — М., 1963, т. I-II.

Бондарко А. В. Функциональная грамматика. — Л., 1984.

Будагов Р. А. Портреты языковедов XIX — XX вв.: Из истории лингвистических учений. — М., 1988.

Вайнрайх У. Языковые контакты. — К., 1979.

Вайгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. — М., 2004.

Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. — М., 1989.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М., 1996.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. — М., 1999.

Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. — М., 1975.

Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. — М., 1956.

Георгиев В. К. К вопросу о балканском языковом союзе // Новое в лингвистике. — М., 1972. Вып. 6.

Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. — М., 1959.

Головин Б. Н. Язык и статистика. — М. 1970.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкоznанию. — М., 1984.

Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. — М., 1985.

Ельмслев Л. Пролегомены к теории языка // Новое в лингвистике. — М., 1960. Вып.1.

Есперсен О. Философия грамматики. — М., 1958.

Жирмунский В. М. Общее и германское языкоzнание. Избранные труды. — Л., 1976.

Жовтобрюх М. А. Нарис історії українського радянського мовознавства (1918 — 1941). — К., 1991.

Журавлев В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. — М., 1982.

Звегинцев В. А. Очерки по общему языкоzнанию. — М., 1962.

Звегинцев В. А. История языкоzнания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I., М., 1964; ч. II., М., 1965.

Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. — М., 1973.

История лингвистических учений. Средневековый Восток. — Л., 1981.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. М., 1963. Вып.3.

Кочерган М. П. Слово і контекст. — Львів, 1980.

Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. — М., 1978.

Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. — М., 1969.

Леонтьев А. А. Мир человека и мир языка. — М., 1984.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т.7. — М. — Л., 1952.

Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. — М., 1982.

Лурия А. Р. Язык и сознание. — М., 1979.

Манакин В. Н. Сопоставительная лексикология. — К., 2004.

Мамонотов А. С., Морослин П. В. Христоматия по языкоzнанию. — М., 2005.

Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. — М., 1963. Вып.3

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. — Минск, 2004.

Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. — М. — Л., 1938.

Мейе А. Общеславянский язык. — М., 1951.

Мельничук А. С. Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма // Вопросы языкоzнания, 1970, № 1.

Мельничук О. С. Мова як суспільне явище і як предмет сучасного мовознавства // Мовознавство, 1977; № 2—3.

Мечковская Н. Б., Плотников Б. А., Супрун А. Е. Общее языкоzнание: Сущность и история языка. — Минск, 1993.

Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. — М., 1988.

Новое в лингвистике. Языковые универсалии. — М., 1970. Вып. 5.

Новое в лингвистике. Социолингвистика. — М., 1975. Вып.7

Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивная лингвистика. — М., 1988. Вып. XXIII.

Общее языкоzнание. Формы существования, функции, история языка. — М., 1970.

Общее языкоzнание. Внутренняя структура языка. — М., 1972.

Общее языкоzнание. Методы лингвистических исследований. — М., 1973.

Панфилов В. З. Взаимоотношение языка и мышления. — М., 1971.

Пауль Г. Принципы истории языка. — М., 1960.

Пилинський М. М. Мовна норма і стиль. — К., 1976.

Пражский лингвистический кружок. Сб. статей. — М., 1967.

Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкоzнанию. — М., 1968.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2, — М., 1958.

Потебня А. А. Эстетика и поэтика. — М., 1976.

Потебня А. А. Мысль и язык. — К. 1993.

Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкоzнанию. — М., 1990.

Селіванова О. О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики (аналітичний огляд). — К., 1999.

- Сепир Э. Язык.* — М., 1993.
- Современные зарубежные грамматические теории.* — М., 1985.
- Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование.* — М., 1977.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики.* — М., 1933.
- Соссю́р Ф. де. Труды по языкоzнанию.* — М., 1977.
- Соссю́р Ф. де. Заметки по общей лингвистике.* — М., 1990.
- Степанов Ю. С. Семиотика.* — М., 1971.
- Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики.* — М., 2002.
- Супрун А. Е. Лекции по языкоzнанию; Лекции по языковедению; Лекции по лингвистике.* — Минск, 1971, 1978, 1980.
- Трубецкой Н. С. Основы фонологии.* — М., 1960.
- Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1—2* — М., 1956 — 1957.
- Франчук В. Ю., Потебня А. А. Серия “Люди науки”.* — М., 1986.
- Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса.* — М., 1972.
- Хомский Н. Язык и мышление.* — М., 1972.
- Чурмаева Н. В., Буслаев Ф. И. Серия “Люди науки”.* — М., 1984.
- Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику.* — М., 1978.
- Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики.* — М., 1973.
- Щерба Л. В. И. А. Бодуэн де Куртенэ и его значение в науке о языке. В кн.: Избранные работы по русскому языку.* — М., 1958.
- Щерба Л. В. Избранные работы по языкоzнанию и фонетике. Т. I.* — М., 1958.
- Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность.* — Л., 1974.
- Якобсон Р. Избранные работы.* — М., 1985.

3. Терминологические и энциклопедические словари и справочники

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов.* — М., 1966.
- Вахек И. Лингвистический словарь Пражской школы.* — М., 1964.

- Ганич Д. І., Олійник І. С. Словник лінгвістичних термінів.* — К., 1985.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* — М., 1990.
- Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов.* — М., 1960.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов.* — М., 1976.
- Русский язык: Энциклопедия.* — М., 1979.
- Столярова Л. П., Пристайко Т. С., Попко Л. П. Базовый словарь лингвистических терминов.* — К., 2003.
- Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии.* — М., 1964.

СОДЕРЖАНИЕ

Лекция № 1

Введение 3

Лекция № 2

Начальные этапы истории языкоznания 9

Лекция № 3

Возникновение сравнительно-исторического языкоznания 29

Лекция № 4

Философия языка Вильгельма фон Гумбольдта 36

Лекция № 5

Развитие языкоznания во второй половине XIX века 48

Лекция № 6

Психологическое направление в языкоznании 60

Лекция № 7

Языкоznание конца XIX — начала XX в. 80

Лекция № 8

Казанская лингвистическая школа 88

Лекция № 9

Московская лингвистическая школа 103

Лекция № 10

Лингвистическая концепция Ф. де Соссюра 113

Лекция № 11

Зарубежное языкоznание XX века 126

Лекция № 12

Отечественное языкоznание в советский период 146

Лекция № 13

Язык как система 165

Лекция № 14

Знаковые и незнаковые свойства языка 176

Лекция № 15

Язык и речь 185

Лекция № 16

Язык и мышление 193

Лекция № 17

Общественная природа языка 207

Лекция № 18

Язык и история. Развитие языка 217

Лекция № 19

Понятие лингвистического метода 229

Лекция № 20

Описательный метод как аспект
исследования ярусов современного языка 238

Лекция № 21

Сравнительный метод 249

Лекция № 22

Сопоставительный метод 256

Лекция № 23

Математические методы и приемы анализа языка 271

Лекция № 24

Функциональный метод 289

Литература

Учебное издание

КУРС ЛЕКЦИЙ ПО ОБЩЕМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Учебное пособие

Подписано в печать 28.12.2005. Формат 60×84/16

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 18,3.

Тираж 3000 экз.

ООО «Освита України»,

04213,г. Киев, ул. Малиновского 11, к.25.

Свидетельство о внесении в Государственный реестр издателей

ДК № 1957 от 27.09.2004 г.

Тел./факс (044) 418-46-74; 331-45-38; 237-59-92

E-mail: osvita2005@ukr.net

Издательство ООО «Освита України» приглашает авторов, научных работников к сотрудничеству по выпуску актуальных изданий для высшей школы. Предоставляем все виды издательских и полиграфических услуг. Самые короткие сроки (от одного дня), любые тиражи, низкие цены, отменное качество!